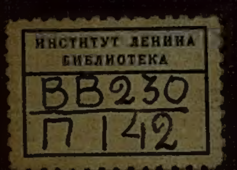
Павлович
МИРОВАЯ
ВОЙНА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ230
П142

4-1

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

М. П. Павловичъ (Мих. Вельтманъ).

ВВ230
П142

МІРОВАЯ ВОЙНА
и
БОРЬБА ЗА РАЗДѢЛЪ ЧЕРНАГО КОНТИНЕНТА.

(Монополистическій капитализмъ).

ОСНОВЫ ИМПЕРІАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ и МІРОВАЯ ВОЙНА.

Книга IX-ая.

Цѣна 2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣта Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.

Книги того же автора.

1) **Мих. ПАВЛОВИЧЪ. Что доказала англо-бурская война.** (Регулярная армія и милиція въ современной обстановкѣ). Одесса. 1901 г. Разошлось.

2) **ВОЛОНТЕРЪ. Годъ войны.** Женева, 1904 г.

3) **ВОЛОНТЕРЪ. Русско-японская война.** (Причины, ходъ и послѣдствія). Петербургъ, 1905 г.

4) **ВОЛОНТЕРЪ. Регулярная армія или милиція.** Кіевъ, 1907 г. Изданіе 6-е. Разошлось.

5) **ВОЛОНТЕРЪ. Вооруженіе народа и вооруженіе противъ народа.** Библіотека «Правды». Вѣна, 1912 г. Изданіе 2-е. Разошлось.

6) **Мих. ПАВЛОВИЧЪ. Великіе желѣзнодорожные и морскіе пути будущаго.** Петербургъ, 1913 г. Книжный складъ «ПРАВО». 234 стр. Ц. 1 р. 50 к. Разошлось.

7) **Мих. ПАВЛОВИЧЪ. Соціальное движеніе на Западѣ Европы.** Петербургъ, 1907 г. Конфисковано.

8) **Мих. ПАВЛОВИЧЪ. Смерть Жореса. Дневникъ эмигранта.** Петербургъ, 1914 г. Ц. 60 к. Разошлось.

9) **Мих. ПАВЛОВИЧЪ (М. ВЕЛЬТМАНЪ). Основы империалистической политики и міровая война.**

Книга I-я. Имперіализмъ и борьба за міровые пути. 2-е изданіе печатается.

Книга II-я. Что такое имперіализмъ. Печатается.

Книга III-я. Интернаціоналъ смерти и разрушенія. Печатается.

Книга IV-я. Милитаризмъ, маринизмъ и нынѣшняя война. Книг. «Жизнь и Знаніе». Ц. 2 р. 65 к.

Книга V. Часть 1-я. Генезисъ и основныя черты имперіализма современныхъ государствъ. Часть первая. **Французскій имперіализмъ.** Книг. «Жизнь и Знаніе». 1918 г. Ц. 2 р.

Книга V-я. Часть 2-я. Германскій имперіализмъ. Готовится къ печати.

Книга V-я. Часть 3, 4, 5-я. Готовится къ печати.

Книга VI-я. Союзы и соглашенія (тайная дипломатія). Готовится къ печати.

Книга VII-я. Роль финансоваго капитала во внѣшней политикѣ. Готовится къ печати.

Книга VIII-я. Азія и ея роль въ міровой войнѣ. Изданіе газ. «Новая Жизнь». Ц. 1 р. 75 к.

Книга IX-я. Міровая война и борьба за раздѣлъ чернаго континента. Ц. 2 р.

Книга X-я. Итоги войны. (Жатва смерти, военные расходы, война и промышленность. Міровой голодъ). Ц. 2 р. 50 к.

Книга XI-я. Брестскій миръ и условія экономическаго возрожденія Россіи. (Экономическій прогрессъ и государственныя сооруженія). Ц. 2 р.

На французскомъ языкѣ.

Michel PAVLOVITCH. Le conflit anglo-allemand. Paris. 1913.

Michel PAVLOVITCH. Zelim Khan et le brigandage au Caucase. Paris. 1914.

Michel PAVLOVITCH. La brigade des cosaques en Perse. 1914.

Michel PAVLOVITCH. La dernière bataille. (La révolution en Perse). Paris. 1914. Разошлось.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

М. П. Павловичъ (Мих. Вельтманъ).

МІРОВАЯ ВОЙНА
и
БОРЬБА ЗА РАЗДѢЛЪ ЧЕРНАГО КОНТИНЕНТА.

(Монополистическій капитализмъ).

ОСНОВЫ ИМПЕРІАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ и МІРОВАЯ ВОЙНА.

(Книга IX-ая.)

Цѣна 2 руб.

2 экз

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣта Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА.—1918.

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ВВ230 Р
П142

152804

МОСКВА.
Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Міровая война и борьба за раздѣлъ черн. континента. — Нѣсколько словъ о сущности имперіализма и современной колоніальной политики.—Борьба за монополистическое обладаніе источниками сырыхъ матеріаловъ.

Завоевательная политика различныхъ государствъ, выдвигавшихся испоконъ вѣковъ на аренѣ исторіи, шла въ двухъ основныхъ направленіяхъ, выявляла двѣ основныя тенденціи.

Въ однихъ случаяхъ, на извѣстныхъ стадіяхъ развитія, эта завоевательная политика направлялаеь къ образованію изъ данной національной ячейки большаго государственнаго тѣла, большаго національнаго государства путемъ присоединенія къ этой основной ячейкѣ разъединенныхъ частей одной и той же части націи: такъ изъ разрозненныхъ по разнымъ государствамъ осколковъ одной какой-либо націи создавалось одно національное цѣлое, объединенное центральнымъ правительствомъ, общими границами и т. д. Такова была политика Сардинскаго государства, приведшая въ результатѣ Гарибальдійской эпопеи и національныхъ войнъ 1859 — 1870 гг. къ образованію единаго Итальянскаго королевства. Такова была политика Пруссіи 1848—1871 гг., приведшая къ образованію единой Германской имперіи.

Въ другихъ случаяхъ, на другихъ стадіяхъ развитія, завоевательная политика направлялась прежде всего къ созданію не національнаго, а *мірового* государства, къ расширенію границъ національнаго государства именно за предѣлами данной государственной націи, данной національной территоріи.

Конечно, существуютъ примѣры войнъ, гдѣ националистическія и имперіалистическія тенденціи совпадаютъ. (Примѣръ: первая и вторая балканскія войны, нынѣшняя сербская война.) Но все-таки эти тенденціи не тожественны. Такъ, хорошо извѣстно, что «желѣзный канцлеръ» Бисмаркъ, создатель германскаго единства, вдохновитель германской *національной* политики, былъ противникомъ нѣмецкой *міро-*

вой политики, увлеченія колоніальными захватами, относился отрицательно къ Drang nach Osten (движенію на Востокъ) и говорилъ, что весь балканскій вопросъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Стало-быть, Бисмаркъ былъ противникомъ *имперіалистической* политики.

Имперія это—прежде всего многонаціональное единство, т.-е. государство, сплоченное изъ многихъ націй, созданное насильственнымъ путемъ и состоящее изъ двухъ неравныхъ частей: національной территоріи, играющей роль метрополіи, и остальныхъ частей, играющихъ роль колоній, вращающихся по орбитамъ вокругъ «имперіализующаго» центра, какъ планеты вращаются вокругъ солнца.

Имперіализмъ представляетъ собой особый видъ и особую форму такой завоевательной политики, направленной къ міровому господству, къ превращенію національнаго государства въ міровую державу, въ многонаціональное цѣлое, созданное насильственнымъ путемъ. Имперіализмъ это—форма завоевательной политики, характерная для современной намъ эпохи, начинающейся съ конца XIX столѣтія. Эта эпоха отличается, по нашему мнѣнію, отъ предыдущей экономической фазы, во-первыхъ, перемѣщеніемъ центра тяжести капиталистическаго хозяйства отъ индустріи хлопчато-бумажной къ индустріи металлургической, во-вторыхъ, необычайно быстро развивающимся процессомъ синдицированія, картеллированія, т.-е. сцѣпленія и объединеніе тысячъ отдѣльныхъ предпріятій въ гигантскіе національные и интернаціональные тресты, синдикаты, картели, въ одно комбинированное цѣлое, — процессомъ, получившимъ наиболѣе яркое выраженіе именно въ металлургической индустріи [1]).

Пока центромъ тяжести капиталистическаго хозяйства данной страны была хлопчато-бумажная индустрія, разсчитанная на массовое производство, развивающаяся въ зависимости отъ покупательныхъ способностей населенія, отъ непосредственнаго потребительнаго спроса, идеологи буржуазіи не только въ странахъ, выступившихъ послѣ Англіи, но и въ самой Великобританіи относились отрицательно къ агрессивной внѣшней политикѣ, къ колоніальнымъ авантюрамъ, обострявшимъ международныя отношенія, увеличивавшимъ государственные долги, налоговое бремя, падающее на населеніе и ослабляющее въ конечномъ результатѣ покупательныя способности внутренняго рынка.

Англія манчестерскаго періода,—т.-е. того періода, когда промышленной столицей Великобританіи являлся городъ Манчестеръ, главная цитадель англійской хлопчато-бумажной индустріи,—была страстной поклонницей свободной тор-

---

[1]) Подробно о сущности имперіализма см. нашу книгу: „Что такое имперіализмъ?“

говли, свободной конкуренціи. Вообще въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія и даже въ 70—80 годахъ минувшаго вѣка почти вся экономическая наука Великобританіи и европейскаго континента была проникнута «фритредерскими» идеями, т.-е. идеями свободной торговли. Подъ вліяніемъ этихъ идей, сами правительства разсматривали протекціонизмъ, т.-е. систему высокаго обложенія иностранныхъ товаровъ таможенными пошлинами, или какъ фискальную мѣру, имѣвшую единственной цѣлью увеличить доходы казны, или какъ временную мѣру, которая будетъ отмѣнена, какъ только національная индустрія болѣе или менѣе разовьется и станетъ на собственныя ноги.

Манчестерская школа проповѣдывала не только свободную торговлю, но и миръ. Въ періодъ господства идей манчестерства колоніи разсматривались въ Англіи, какъ остатокъ стараго аристократическаго строя, скорѣе вредный, чѣмъ полезный. Извѣстна знаменитая фраза Дизраэли, сказанная имъ въ періодъ изученія манчестерскими идеями: «Колоніи—это жернова, привязанные къ нашей шеѣ». Извѣстно, что и Бисмаркъ толкалъ Францію къ колоніальнымъ захватамъ, полагая, что колоніи явятся «ярмомъ каторжника», кандалами на ногахъ у Франціи, что послѣдняя въ результатѣ пріобрѣтеній въ Африкѣ потеряетъ свободу дѣйствій и обезсилѣетъ.

Подъ вліяніемъ манчестерскихъ идей европейскія правительства въ періодѣ отъ 40 до 70 гг. не гнались за пріобрѣтеніемъ колоній, не стремились къ уничтоженію самостоятельности туземныхъ государствъ въ Африкѣ и Азіи и къ овладѣнію обширными территоріями. Въ теченіе этого періода Англія вела три войны противъ Китая: въ 1810, въ 1850 и въ 1860 гг. Двѣ послѣднія войны велись Англіей совмѣстно съ Франціей. И послѣ того какъ англо-французскія арміи разгромили на-голову китайскія войска и дошли до воротъ Пекина, столицы срединной имперіи, Франція и Англія въ результатѣ своихъ побѣдъ потребовали отъ правительства богдыхана лишь свободнаго доступа европейскимъ товарамъ въ Китай. Но ни Франція, ни Англія не потребовали отъ Китая территоріальныхъ уступокъ, а между тѣмъ гигантское государство безпомощно лежало у ихъ ногъ. Право торговли въ нѣсколькихъ пунктахъ, въ главныхъ портахъ Китая — вотъ чѣмъ удовлетворились побѣдители въ этой тяжелой заморской войнѣ.

Только съ момента перемѣщенія центра тяжести капиталистическаго хозяйства отъ хлопчато-бумажной индустріи къ синдицированной металлургической промышленности, только съ оттѣсненіемъ Манчестера, города хлопчато-бумажной промышленности, Бирмингамомъ, столицей англійской металлургической индустріи, начинается эпоха подлиннаго

имперіализма, и Чемберленъ, «человѣкъ изъ Бирмингама», выдвигается на авансцену исторіи, какъ первый представитель новой эпохи, эпохи колоніальной горячки, форсированной захватной политики, развивающейся съ такой невиданной въ минувшія эпохи интенсивностью, что только за пятилѣтіе съ 1885 по 1890 г. Англія пріобрѣтаетъ земельную площадь протяженіемъ въ 4 милліона квадратныхъ километровъ, т.-е. пространство, въ 20 разъ большее, чѣмъ вся Франція и съ населеніемъ въ 60 милл. душъ.

Съ такой же невиданной въ предшествующія эпохи энергіей, съ такимъ же небывалымъ напряженіемъ своихъ силъ бросаются въ перегонку другъ съ другомъ и всѣ остальныя государства, стремясь овладѣть новыми и новыми заморскими областями. Африканскія территоріи — Уганда, Родезія, Новая Гвинея, Тунисъ, Эритрея, Конго, Камерунъ, Мадагаскаръ, Марокко, наконецъ, даже независимыя христіанскія государства Трансвааль и Оранжевая республика,—однимъ словомъ, почти весь оставшійся до сихъ поръ незанятымъ черный континентъ переходитъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ руки европейскихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ параллельно идетъ завоеваніе азіатскаго континента: Франція овладѣваетъ Тонкиномъ, а затѣмъ постепенно почти всѣмъ индокитайскимъ полуостровомъ; С. Штаты— Филиппинами, которые они отбираютъ у Испаніи; Великобританія утверждаетъ свою гегемонію на Персидскомъ заливѣ и затѣмъ совмѣстно съ Россіей устанавливаетъ англорусскій протекторатъ надъ Персіей; Германія проникаетъ въ Малую Азію и съ помощью стальной багдадской цѣпи стремится привязать къ себѣ Оттоманскую имперію и превратить послѣднюю въ свою колонію.

400-милл. Китай теряетъ все болѣе и болѣе свою самостоятельность, и первоклассныя европейскія государства вмѣстѣ съ Японіей и С. Штатами создаютъ здѣсь свои зоны вліянія, сводя суверенитетъ богдыхана надъ важнѣйшими приморскими областями Срединной имперіи къ призраку. И всѣ эти колоніи пріобрѣтаются уже не для сбыта товаровъ,— ибо что сможетъ дать въ качествѣ потребительскаго рынка какая-нибудь пустынная, безводная область Африки, — а въ качествѣ мѣста приложенія свободныхъ отечественныхъ капиталовъ. Пустынныя области пересѣкаются желѣзными дорогами, непроходимые горные перевалы прорѣзаются тоннелями, черезъ бурныя рѣки перебрасываются желѣзные мосты, повсюду строятся желѣзнодорожныя станціи, у крутыхъ береговъ воздвигаются коммерческія гавани и военные порты, и на все это уходятъ милліарды рублей, которые извлекаются съ населенія метрополіи. Въ результатѣ выигрываютъ, во-первыхъ, банковые консорціумы, которые размѣщаютъ излишки отечественныхъ капиталовъ или не-

посредственно въ колоніи или въ государственные займы, необходимые для веденія этой лихорадочной колоніальной политики, для вооруженій, тѣсно связанныхъ съ этими колоніальными войнами, съ этими колоніальными работами, съ обостреніемъ международныхъ отношеній и т. д., во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, металлургическіе короли и бароны, которые наживаютъ колоссальные дивиденды на проложеніи этихъ желѣзныхъ дорогъ — порой въ совершенно пустынныхъ мѣстностяхъ, — на прорытіи тоннелей, на сооруженіи дредноутовъ, суперъ-дредноутовъ, тяжелыхъ и легкихъ пушекъ и т. д. Ибо мы знаемъ, что пріобрѣтеніе какой-нибудь колоніи или утвержденіе протектората надъ послѣдней даетъ возможность одной какой-нибудь металлургической фирмѣ, какъ это, напримѣръ, удалось фирмѣ Шнейдера (Крезо) въ Марокко, получить подрядъ въ связи съ усиленіемъ французскаго «вліянія» въ Марокко и на постройку гавани въ Казабланкѣ, и на сооруженіе желѣзнодорожной колеи въ Марокко, и на поставки артиллеріи и прочаго оружія для французскихъ войскъ, и на сооруженіе новыхъ дредноутовъ, суперъ-дредноутовъ, миноносцевъ и контръ-миноносцевъ и т. д. И чѣмъ сильнѣе стремленіе къ новымъ захватамъ, тѣмъ болѣе острый характеръ пріобрѣтаетъ борьба за пріобрѣтеніе новыхъ колоній между европейскими государствами, тѣмъ сильнѣе ихъ нужда въ большомъ войскѣ и флотѣ и, стало-быть, тѣмъ большее вліяніе пріобрѣтаютъ короли металлургической индустріи, изготовляющей всѣ эти легкія и тяжелыя орудія, большія и малыя военныя суда, строящей желѣзныя дороги и т. д.

Однако, стремленіе къ колоніальнымъ захватамъ, къ присоединенію аграрныхъ областей есть лишь одна изъ тенденцій имперіализма. Имперіалистическія государства бросаются съ такимъ азартомъ именно на отсталыя страны только потому, что колоніальныя авантюры сопряжены съ меньшимъ рискомъ, требуютъ меньшаго напряженія силъ, чѣмъ попытка захвата высоко развитыхъ въ индустріальномъ отношеніи областей, лежащихъ порой подъ бокомъ, но принадлежащихъ сильнымъ государствамъ, способнымъ дать отпоръ самому могучему врагу и нанести послѣднему удары, въ сто кратъ болѣе страшные, чѣмъ тѣ, которые можетъ нанести какой-нибудь марокккскій султанъ, тунисскій бей или вождь Герреро, съ которыми боролись нѣмецкія войска въ Африкѣ. Завѣтной мечтой имперіалистовъ каждаго даннаго государства является овладѣніе при первой возможности именно наиболѣе промышленными и развитыми въ индустріальномъ отношеніи областями сосѣднихъ государствъ или же наиболѣе важными торговыми путями. Такъ, для французскаго имперіализма основной задачей является овладѣніе Эльзасъ-Лотарингіей и лѣвымъ берегомъ Рейна, наиболѣе инду-

стріально развитыми областями Германіи, богатыми желѣзомъ и углемъ. Такъ, наоборотъ, для германскаго имперіализма главной приманкой является Бельгія и наиболѣе промышленныя пограничныя области Франціи и Россіи. Такъ исторической миссіей нашего государства съ точки зрѣнія русскихъ имперіалистовъ является овладѣніе Босфоромъ и Дарданеллами, важнѣйшимъ торговымъ путемъ отъ нашихъ южныхъ областей къ Средиземному морю, Индійскому океану и т. д., такъ, наконецъ, по мнѣнію англійскихъ джингоистовъ, захватъ Кильскаго канала явится важнѣйшей наградой для Великобританіи за всѣ жертвы, понесенныя ею въ нынѣшней войнѣ.

И такое стремленіе къ захвату именно промышленныхъ областей сосѣднихъ государствъ, богатыхъ углемъ или желѣзомъ, къ овладѣнію важнѣйшими міровыми рельсовыми путями или великими водными артеріями, проливами, каналами, служащими соединительными звеньями между желѣзнодорожными путями, является результатомъ именно перемѣщенія центра тяжести современнаго хозяйства отъ индустріи, обрабатывающей волокнистыя вещества, къ тяжеловѣсной промышленности. Для послѣдней задача внѣшней политики должна заключаться не попросту въ присоединеніи новыхъ областей съ многочисленнымъ населеніемъ, которое обязательно покупало бы въ соотвѣтствіи съ своими потребительными силами фабрикаты метрополіи — согласно бутадѣ Биконсфильда, заявлявшаго, что Англія не успокоится, пока всѣ жители Кипра не станутъ покупать себѣ фесокъ и шароваръ изъ англійскаго сукна, — а прежде всего въ захватѣ тѣхъ областей, овладѣніе которыми будетъ содѣйствовать расширенію и упроченію того желѣзнаго фундамента, на которомъ только и можетъ держаться тяжелое зданіе современной міровой имперіи, претендующей на міровую гегемонію. И съ этой точки зрѣнія несомнѣнно, что пріобрѣтеніе одного лишняго квадратнаго километра въ Европѣ важнѣе для французскихъ, германскихъ и т. д. имперіалистовъ, чѣмъ присоединеніе сотенъ и болѣе квадратныхъ километровъ въ Африкѣ и Азіи съ населеніемъ, значительно превосходящимъ численно населеніе данной европейской области, соблазняющей такъ имперіалистовъ сосѣдней страны. И этому жгучему стремленію овладѣть прежде всего именно пограничной европейской территоріей не въ состояніи помѣшать даже то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ присоединеніе сосѣдней высоко-культурной и развитой въ индустріальномъ отношеніи области наноситъ тяжелый ударъ многимъ отраслямъ отечественной промышленности, не способной бороться съ конкуренціей неожиданно появившагося внутри новыхъ государственныхъ границъ соперника, не отдѣленнаго уже, какъ прежде, отъ рынка

побѣдившей его страны таможенными барьерами и всякаго рода другими рогатками.

Имперіалистическая политика заключается въ стремленіи всякой индустріальной страны подчинить и аннексировать себѣ не только области аграрнаго характера, не только колоніи, какъ думалъ когда-то Каутскій, но и наиболѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи провинціи сосѣднихъ государствъ. И если нынѣшняя война носитъ такой упорный, затяжной характеръ, это происходитъ именно потому, что здѣсь идетъ борьба не только за колоніальныя территоріи, но и за европейскія области. Если бы главной ставкой въ нынѣшней войнѣ были тѣ или другія африканскія или азіатскія владѣнія, воюющія страны послѣ страшныхъ потоковъ крови и колоссальныхъ финансовыхъ расходовъ, вѣроятно, пришли бы давно къ соглашенію. Но въ томъ-то и дѣло, что нынѣшняя война есть не только война за колоніи, но и война за территоріи старой Европы, колоссальныя подпочвенныя богатства которой не были еще достаточно использованы, за великіе европейскіе каналы и проливы, овладѣніе которыми крайне важно для усиленія вліянія и мощи даннаго государства прежде всего въ Европѣ. На засѣданіи германскаго рейхстага 6 іюня 1916 г. лидеръ націоналъ-либераловъ Вассерманъ заявилъ, что созданіе громадной колоніальной имперіи, какъ оно ни важно, имѣетъ очень мало значенія по сравненію съ расширеніемъ *германскихъ границъ на европейскомъ континентѣ.*

Тѣмъ не менѣе колоніальная политика европейскихъ государствъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій наканунѣ нынѣшней войны, особенно начиная съ наступленія нынѣшняго столѣтія, эта лихорадочная погоня за новыми и новыми территоріями въ Африкѣ и Азіи, эта ожесточенная борьба за желѣзнодорожныя концессіи уже сами по себѣ обостряли отношенія между первоклассными государствами, создавали атмосферу крайняго взаимнаго недовѣрія, являлись предлогомъ для чудовищнаго увеличенія расходовъ на арміи и флотъ и фатально толкали европейскія государства къ той войнѣ, которая разразилась въ 1914 г. и вовлекла въ безумную братоубійственность населеніе 14 государствъ.

Такимъ образомъ, изученіе колоніальной политики европейскихъ государствъ наканунѣ нынѣшней войны является общеобязательнымъ для всякаго, кто желаетъ понять основныя причины катастрофы, разразившейся надъ Европой въ 1914 г. Эта катастрофа явилась результатомъ невозможности для капиталистическихъ государствъ разрѣшить мирнымъ путемъ цѣлый рядъ проблемъ (вопросовъ), встававшихъ передъ господствующими классами первоклассныхъ державъ въ области европейской и колоніальной политики. Въ книгѣ «Азія и ея роль въ мировой войнѣ» мы остановились на

проблемѣ азіатской и прежде всего мало-азіатской или, иначе говоря, на проблемѣ окончательнаго раздѣла уцѣлѣвшаго наслѣдства Оттоманской имперіи. Въ предлагаемой вниманію читателя работѣ мы останавливаемся на проблемѣ африканской, проблемѣ раздѣла чернаго континента.

Говоря о борьбѣ за Малую Азію, за африканскія территоріи, намъ приходится очень много останавливаться на *рельсовой* политикѣ тѣхъ или другихъ европейскихъ государствъ въ данной области, на борьбѣ за такъ называемыя желѣзнодорожныя концессіи, т. е. за монопольное разрѣшеніе тому или другому государству проводить рельсовую дорогу на данной территоріи.

Политика металлургическаго треста по отношенію къ колоніямъ всегда одна и та же: подъ различными предлогами — то въ «стратегическихъ цѣляхъ», то въ цѣляхъ пріобщенія данной колоніи къ «благамъ культуры и цивилизаціи», трестъ требуетъ отъ правительства сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ колоніяхъ. Часто это дѣлается за счетъ казны на весьма выгодныхъ для металлургистовъ условіяхъ. Но порой, напримѣръ, во Франціи парламентъ отказывается голосовать кредиты на сооруженіе явно безполезнаго и дорого стоящаго рельсоваго пути, который ежегодно будетъ давать убытки. Въ этихъ случаяхъ примѣняется система, изобрѣтенная однимъ изъ видныхъ руководителей французскаго металлургическаго треста Полемъ Думеромъ, въ бытность его генералъ-губернаторомъ Индо-Китая. «Система Думера» состоитъ въ томъ, что колонія строитъ желѣзную дорогу на свой счетъ, но для этого она дѣлаетъ въ метрополіи заемъ, гарантированный государствомъ. Эта система одинаково пріятна, какъ металлургистамъ, такъ и банкирамъ, выпускающимъ заемъ.

Но металлургическій трестъ не удовлетворяется сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ въ собственныхъ колоніяхъ. Металлургистамъ не достаточно владѣній собственнаго государства и они неустанно ищутъ за предѣлами своей страны и своей «имперіи» территорій, которая можно было бы прорѣзать рельсовыми путями для сбыта милліоновъ пудовъ рельсовъ и т. д. Такъ французскіе металлургисты, имѣющіе въ своемъ распоряженіи безграничную по протяженію французскую колоніальную имперію, все же домогались новыхъ и новыхъ концессій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, Оттоманской имперіи и т. д. И съ требованіями металлургистовъ правительствамъ приходится серьезно считаться, да и въ самомъ правительствѣ обыкновенно засѣдаетъ нѣсколько представителей металлургическаго треста. Во французскомъ кабинетѣ Мониса (1911 г.), напримѣръ, было два представителя металлургистовъ.

Ниже мы показываемъ, между прочимъ, какую роль въ франко-германскомъ конфликтѣ изъ-за Марокко играло стремленіе фирмы Маннесманъ захватить въ свои руки монополію на эксплуатацію всѣхъ мѣдныхъ рудниковъ Марокко. Въ этомъ конфликтѣ изъ-за Марокко съ необычайной выпуклостью обнаруживается стремленіе современнаго капитализма къ *монополіямъ* и подтверждается правильность положенія, согласно которому *имперіализмъ по своей экономической сущности есть монополистическій капитализмъ* [1]).

Мы увидимъ, какую громадную роль во франко-германскомъ конфликтѣ играла *борьба за монополистическое обладаніе источниками сырыхъ матеріаловъ.* И если вѣрно, что самой французской промышленности отнюдь не нужны были желѣзные рудники Марокко, зато послѣдніе очень нужны были Германіи и этого одного было достаточно, чтобы заставить капиталистическую Францію, колоніальная имперія которой по своимъ размѣрамъ и нетронутымъ богатствамъ далеко переросла производительныя силы метрополіи, напрягать всѣ усилія для овладѣнія Марокко съ цѣлью недопущенія Германіи къ захвату этой важной африканской области. И образованіе всякаго рода «интернаціональныхъ» монополистическихъ союзовъ капиталистовъ — картелей, трестовъ, синдикатовъ—гдѣ рука объ руку работали французскіе и нѣмецкіе капиталисты, не только не упрочивало дѣло мира, а, наоборотъ, какъ увидимъ ниже, обостряло отношенія между государствами и толкало Европу и весь земной шаръ къ міровой войнѣ.

Вопросъ о раздѣлѣ африканскаго континента сыгралъ крупнѣйшую роль въ происхожденіи нынѣшней войны, вопреки мнѣнію многихъ спеціалистовъ по вопросамъ внѣшней политики, въ частности Милюкова, придававшихъ африканскимъ проблемамъ второстепенное значеніе въ происхожденіи міровой войны. Въ статьѣ «Константинополь и проливы», опубликованной въ январской книгѣ «Вѣстника Европы», Милюковъ цитируетъ брошюру анонимнаго автора, появившуюся въ Германіи въ 1913 г. подъ заглавіемъ «Deutsche Weltpolitik und Kein Kried».—«Міровая политика Германіи *безъ войны*». Можно ли безъ міровой войны достигнуть цѣлей германской міровой войны?

Авторъ отвѣчаетъ: да! можно, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта политика выбрала такое направленіе, на которомъ она не столкнулась бы съ интересами Англіи и Россіи. И такимъ направленіемъ можетъ быть лишь политика дальнѣйшаго германскаго колоніальнаго расширенія въ центральной Африкѣ. *Міровой политикой «безъ войны»* могла

---

[1]) Ленинъ. „Имперіализмъ какъ новѣйшій этапъ капитализма". 1917 г. Стр. 120.

бы быть, по мнѣнію автора анонимной брошюры, *только политика африканская*.

Наоборотъ, политикой mit Krieg—съ войной—являлась политика мало-азіатская.

Милюковъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды автора анонимной брошюры и считаетъ эти взгляды пророческими. Мы не согласны съ этой точкой зрѣнія. Въ томъ-то и дѣло, что «африканская» политика Германіи не могла ограничиться колоніальнымъ расширеніемъ только въ центральной Африкѣ, а направлялась главнымъ образомъ къ сѣверо-западной части Африки, къ берегамъ Средиземнаго моря, къ *Марокко*. Въ нашей работѣ «Азія и ея роль въ мировой войнѣ»[1]) мы доказали, что именно въ вопросѣ о Малой Азіи ни Франція ни Англія не обнаруживали склонности обострять конфликтъ съ Германіей и готовы были итти въ вопросѣ, напримѣръ, о багдадской дорогѣ на любой компромиссъ съ Германіей. Поскольку «турецкій вопросъ»—вопросъ о раздѣлѣ Оттоманскаго наслѣдства—сыгралъ крупную роль въ происхожденіи нынѣшней мировой войны, главными дѣйствующими лицами въ этомъ мало-азіатскомъ конфликтѣ и конфликтѣ изъ-за обладанія Босфоромъ и Дарданеллами были не Германія и Англія или Франція, а *Германія и Россія*. Наоборотъ, въ африканскихъ вопросахъ непримиримыми противниками Германіи являлись Франція и особенно Англія. Мы увидимъ ниже, какъ Англія, готовая итти на всевозможныя уступки въ багдадскомъ вопросѣ, не желала и слышать о какихъ-либо уступкахъ Германіи въ марокскомъ вопросѣ и толкала Францію къ самому энергичному сопротивленію нѣмецкимъ планамъ въ сѣверо-западной части чернаго континента, и какъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наканунѣ войны Европа нѣсколько разъ находилась на волоскѣ отъ мировой войны *изъ-за Марокко*. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ теченіе этого періода Марокко играло—въ отношеніяхъ между Франціей и Англіей, съ одной стороны, Германіей, съ другой—роль кнопки электрическаго провода къ торпедѣ, подложенной подъ Европу. Не разъ казалось, что одного прикосновенія къ кнопкѣ достаточно, чтобы вызвать взрывъ и надѣлать непоправимыхъ бѣдъ. И дѣйствительно, въ концѣ-концовъ, благодаря невозможности для капиталистическихъ государствъ разрѣшить мирнымъ путемъ рядъ проблемъ, вставшихъ передъ господствующими классами первоклассныхъ державъ, какъ въ области европейской, такъ азіатской и въ особенности *африканской* политики, мировая война должна была вспыхнуть какъ неизбѣжный результатъ борьбы изъ-за раздѣла послѣднихъ остатковъ земного шара.

Мих. Павловичъ.

---

[1]) „Азія и ея роль въ мировой войнѣ“ изд. газ. „Новая Жизнь“, ц. 1 р. 75 к.

P. S. Предлагаемая работа представляетъ собой самостоятельное и вполнѣ законченное цѣлое, но является въ то же время однимъ изъ выпусковъ многотомнаго труда «Основы имперіалистической политики и мировая война», состоящаго изъ слѣдующихъ частей:

Книга I. Имперіализмъ и борьба за мировые пути. 2 изданіе, переработанное и дополненное. Печатается.

Книга II. Что такое имперіализмъ? (Желѣзный вопросъ въ мировомъ конфликтѣ). Печатается.

Книга III. Интернаціоналъ смерти и разрушенія. (Военная индустрія въ Англіи, Франціи и Германіи). Печатается.

Книга IV. Милитаризмъ, маринизмъ и мировая война. Книга «Жизнь и Знаніе». Москва, 1918, ц. 2 руб. 65 коп.

Книга V. Генезисъ и основныя черты имперіализма современныхъ государствъ. Часть первая. *Французскій имперіализмъ*. Книгоизд. «Жизнь и Знаніе», ц. 2 р., 1918 г.

Книга V. Часть 2. Германскій имперіализмъ. Готовится къ печати.

Книга V. Части 3, 4, 5. Готовятся къ печати.

Книга VI. Союзы и Соглашенія.

Книга VII. Роль финансоваго капитала во внѣшней политикѣ вообще и въ современной войнѣ въ особенности.

Книга VIII. Азія и ея роль въ мировой войнѣ. Книгоизд. газеты «Новая Жизнь». Петроградъ. 1918. Ц. 1 р. 75 к.

Книга IX. Мировая война и борьба за раздѣлъ Африки. Изд-во Всер. Ц. И. К. Ц. 2 руб.

Книга X. Итоги войны. Изд-во Всер. Ц. И. К. Ц. 2 р. 50 к.

Книга XI. Брестскій миръ и условія экономическаго возрожденія Россіи. Изд-во Всер. Ц. И. К. Ц. 2 руб.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Трагедія черного континента.

§ 1. Цивилизація и „дикія“ племена.

Африканскій континентъ безусловно являлся по судьбѣ, выпавшей на долю его населенія въ теченіе послѣднихъ столѣтій, самой несчастной частью свѣта. Въ теченіе многихъ вѣковъ цивилизованная и христіанская Европа охотилась въ Африкѣ за такъ называемымъ *«чернымъ деревомъ»*, попросту за чернокожими, которыхъ европейскіе капиталисты вывозили въ Новый Свѣтъ для принудительной работы на положеніи невольниковъ въ плантаціяхъ сахарнаго тростника, кофе, хлопчатника въ Америкѣ. Милліоны негровъ преждевременно погибли въ результатѣ ужасовъ этого рабства, но эта торговля чернымъ деревомъ доставляла такія выгоды европейскимъ капиталистамъ, что первоклассныя державы вели въ предшествующіе вѣка другъ съ другомъ, подъ разными благородными принципами, войны за монополію торговли неграми, какъ ведутъ теперь войны за какую-нибудь желѣзнодорожную концессію, обладаніе проливами и т. д. Такъ, по знаменитому Утрехтскому договору 1713 г., закончившему войну за испанское наслѣдство, Англія получила привилегію ввозить ежегодно въ теченіе тридцатилѣтія по 4.800 рабовъ въ испанскія колоніи Америки [1]. Но такъ какъ до истеченія этого срока испанскій король Филиппъ V дерзновенно объявилъ эту привилегію уничтоженной, ссылаясь на то, что Англія ввозила контрабанднымъ путемъ въ испанскія колоніи большое количество рабовъ сверхъ опредѣленнаго по Утрехтскому договору, англійское правительство не сочло возможнымъ оставить безъ отвѣта этотъ вѣроломный актъ испанскаго правительства, нарушившаго имъ же подписанный договоръ, и объявило въ 1739 г. войну Испаніи, во имя расширенія англійской торговли рабами въ испанскихъ колоніяхъ.

---

[1]) См. Карлъ Марксъ. „Капиталъ“. Т. I, стр. 642. Переводъ подъ ред. П. Струве.

Торговля рабами уничтожена нынѣ въ Европѣ и Америкѣ, но это не значитъ, что рабство уничтожено въ самой Африкѣ. Наоборотъ, на черномъ континентѣ оно продолжаетъ существовать и въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій; благодаря проникновенію европейскаго вліянія въ глубь Африки, съ прелестями рабства ознакомились племена, не знавшія его. Правда, это рабство приняло новыя формы: негровъ уже не вывозятъ для продажи въ Америку; ихъ не принуждаютъ ударами кнута работать на плантаціяхъ *за океаномъ;* ихъ теперь насильственно заставляютъ оставаться на мѣстѣ. Да и какой смыслъ теперь вывозить негровъ въ Новый Свѣтъ для принудительной работы на американскихъ плантаторовъ, когда есть возможность аксплуатировать негровъ на самомъ черномъ континентѣ, заставляя ихъ добывать каучукъ, алмазы [1]), золото и т. д. въ пользу европейскихъ капиталистовъ. Въ бельгійскомъ и французскомъ Конго негровъ принуждаютъ доставлять государству опредѣленное количество каучука, слоновой кости и т. д. Каждая деревня облагается опредѣленнымъ натуральнымъ налогомъ. Горе деревнѣ, обнаружившей неаккуратность въ выполненіи этой повинности и навлекшей на себя за это «преступленіе» гнѣвъ высшей администраціи. Власть разсматриваетъ недоимку, какъ результатъ лѣни, преступныхъ наклонностей, и посылаетъ противъ провинившейся деревни карательную экспедицію. Наемные солдаты врываются въ бѣдныя хижины, жгутъ ихъ, убиваютъ мужчинъ, насилуютъ женщинъ, отрѣзаютъ руки и ноги дѣтямъ. О такихъ безпримѣрныхъ звѣрствахъ бельгійскихъ администраторовъ разсказываетъ бывшій судья въ бельгійскомъ Конго г. Лефранъ въ своей книгѣ, вышедшей за 4 года до нынѣшней войны [2]). Вся эта высоко-культурная дѣятельность короля Леопольда привела къ тому, говоритъ капитанъ Менье въ своей книгѣ «Черная Африка», «что благодаря угнетенію со стороны *цивилизаторовъ*, негры постепенно возвращаются въ первобытное состояніе и превращаются въ животныхъ. Ни подъема матеріальнаго ни подъема моральнаго — таковъ результатъ этой цивилизаторской дѣятельности, толкающей цѣлую расу къ вырожденію и гибели». И капитанъ Менье сочувственно цитируетъ слѣдующія слова англійскаго писателя Уайта:

«Цивилизація! громкое слово въ устахъ европейцевъ, старающихся прикрыть свои эгоистическіе планы гуманными мотивами. Какую цивилизацію ввели европейцы на черномъ

---

[1]) Въ 1913 г. было добыто въ южно-африканскихъ владѣніяхъ Англіи алмазовъ на 285 милл. франковъ, въ нѣмецкихъ владѣніяхъ было добыто алмазовъ въ томъ же году на 54 милліона франковъ.

[2]) Станиславъ Лефранъ. „Конгскій режимъ". (Stanisla Lefranc. „Le régime congolaire"). Льежъ. 1908.

континентѣ и чѣмъ улучшили они участь своихъ африканскихъ братьевъ?» Эти горькія слова въ устахъ капитана Менье, профессора французской военной школы, человѣка умѣренныхъ взглядовъ, далекихъ отъ идей соціализма, въ достаточной мѣрѣ показываютъ, насколько варварскій образъ дѣйствій европейскихъ цивилизаторовъ въ Африкѣ бросается въ глаза всѣмъ, кто не заинтересованъ по тѣмъ или другимъ мотивамъ въ сокрытіи истины относительно того, что представляетъ собой политика капиталистическихъ государствъ на черномъ континентѣ. И не только бельгійскіе «цивилизаторы» вырѣзываютъ, жгутъ, засѣкаютъ досмерти несчастный «черный скотъ», очутившійся въ ихъ власти. Не лучше поступаютъ съ неграми и нѣмецкіе культуртрегеры (носители культуры), доказывающіе, что въ Африкѣ, гдѣ такъ трудно найти домашнихъ животныхъ, негрское населеніе должно играть исключительно роль «рабочаго скота» и только. Многимъ памятны еще тѣ разоблаченія, которыя были сдѣланы въ германскомъ рейхстагѣ по поводу подвиговъ Петерса, Велана, Аренберга, ген. Тротта и другихъ нѣмецкихъ «цивилизаторовъ» въ германской Африкѣ. Какъ въ аду живется неграмъ и въ южно-африканскихъ владѣніяхъ «гуманной» Англіи, гдѣ побѣдители англичане и побѣжденные въ трансваальской войнѣ буры окончательно примирились другъ съ другомъ на почвѣ сохраненія рабства и звѣриной политики по отношенію къ негрскому населенію въ южной Африкѣ. Между тѣмъ во время этой войны либеральной Англіи съ маленькими рабовладѣльческими республиками южной Африки многіе наивные оптимисты ждали благотворныхъ результатовъ отъ этой кровавой войны, открывшей нынѣшнее XX столѣтіе, и были увѣрены, что побѣда Англіи поведетъ къ уничтоженію рабства въ Трансваалѣ и Оранжевой республикѣ.

§ 2. Рельсовая политика европейскихъ государствъ въ Африкѣ.

152804

Съ того момента, какъ торговля рабами и вывозъ негровъ въ Америку были запрещены, значеніе африканскаго континента, какъ рынка для сбыта европейскихъ товаровъ, какъ поставщика различныхъ «экзотическихъ» товаровъ—какао, кофе, слоновой кости, каучука и т. д., начинаетъ все болѣе и болѣе возрастать. Въ то время какъ въ 1820 г. внѣшняя торговля Африки едва равнялась—не считая экспорта *чернаго дерева* — 40 милл. франковъ, въ 1872 г. она достигла уже 368 милл. фр., въ 1885 — 975 милл., въ 1897 г., т.-е. въ концѣ XIX столѣтія, 2½ милліардовъ фр. Европейскій ввозъ въ Африку равнялся 1.300 милліоновъ, а вывозъ 1.200 милліоновъ. Изъ этихъ итоговъ исключены цифры,

относящіяся къ африканскимъ территоріямъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, т.-е. къ Марокко, Триполи, Алжиру, Тунису и Египту. Въ 1900 г. въ началѣ нынѣшняго столѣтія внѣшняя торговля африканскаго континента — исключая упомянутыя области Средиземнаго бассейна—превышала 3 милліарда франковъ.

Но въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій африканскій континентъ начинаетъ все болѣе и болѣе интересовать европейскихъ капиталистовъ не столько въ качествѣ рынка для сбыта различныхъ европейскихъ товаровъ, сколько въ качествѣ мѣста приложенія европейскихъ капиталовъ. Колоніи существуютъ не для того, чтобы съ нихъ получать деньги, а для того, чтобы въ нихъ пристраивать деньги— эта сущность современной европейской колоніальной политики нигдѣ не проявляется съ такой яркостью, какъ именно на африканскомъ континентѣ.

По занимаемой имъ поверхности (530.000 квадратныхъ миль) африканскій континентъ является по величинѣ третьей частью свѣта, уступаетъ Азіи и Америкѣ, но зато и превосходитъ въ три раза Европу. Одна изъ географическихъ особенностей, имѣвшихъ громадное вліяніе на соціальную и экономическую исторію Африки, заключается въ слабомъ расчлененіи береговой линіи чернаго континента. Это громадная компактная масса, въ которую воды нигдѣ не врѣзываются глубоко. Здѣсь нѣтъ ни полуострововъ ни большихъ заливовъ. Будучи, какъ мы сказали выше, въ три раза обширнѣе по занимаемому имъ пространству, чѣмъ Европа, Африка имѣетъ всего 28.000 километровъ береговой линіи въ то время, какъ Европа имѣетъ 32.000. Другая особенность африканскаго континента заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ Европѣ рѣки долго служили главными путями сообщенія и играютъ понынѣ колоссальную роль въ передвиженіи товаровъ и человѣческихъ массъ отъ одной области къ другой, на черномъ континентѣ рѣки изобилуютъ порогами и въ большинствѣ случаевъ совершенно непригодны для плаванія. Такимъ образомъ, въ Африкѣ рельсовый путь является единственнымъ коммуникаціоннымъ путемъ между различными областями, единственнымъ средствомъ европейскаго внѣдренія въ черный континентъ и колонизаціи Африки. Вотъ почему вопросъ о великихъ рельсовыхъ путяхъ играетъ такую важную роль въ африканской политикѣ европейскихъ государствъ, вотъ почему каждая первоклассная держава имѣла наканунѣ нынѣшней войны свой планъ грандіознаго рельсоваго пути, который долженъ былъ пересѣчь всю Африку отъ сѣвера до юга или отъ востока до запада. И совершенно правильно французскій писатель Кодвелль говоритъ, что вся африканская политика европейскихъ государствъ сводится прежде всего

къ этимъ проектамъ рельсовыхъ путей и къ борьбѣ за эти пути [1]).

И нѣмецкій министръ колоніи Дернбургъ въ своей докладной запискѣ по поводу германскихъ колоній въ Африкѣ писалъ:

«Жертвы, которыя мы до сихъ поръ вынуждены были приносить въ находящихся подъ нашимъ протекторатомъ странахъ, только въ незначительной степени *связаны съ экономическими интересами*. Но опытъ всѣхъ странъ показалъ, что безъ желѣзныхъ дорогъ большія колоніальныя владѣнія остаются непрочно завоеванными, экономически мало доступными».

Итакъ, безъ желѣзныхъ дорогъ нельзя обойтись; итакъ, современная капиталистическая колоніальная политика начинается съ *постройки желѣзныхъ дорогъ*. Выстроятъ одну желѣзную дорогу, за ней послѣдуетъ другая и на все это уйдутъ милліарды, извлеченные путемъ займовъ изъ метрополіи. Стало-быть, прежде чѣмъ данная колонія начнетъ поглощать всякаго рода хлопчато-бумажные и другіе товары, не имѣющіе отношенія къ металлургической промышленности на сумму, составляющую хотя бы десятую часть расходовъ по управленію колоніями, на арміи, желѣзныя дороги и т. д., металлургисты успѣваютъ нажить сотни милліоновъ франковъ на поставкѣ рельсовъ, локомотивовъ и т. д. для данной колоніи, за обладніе которой метрополіи приходится *приплачивать* ежегодно громадныя суммы денегъ. Кромѣ металлургистовъ, наживаются на колоніальной политикѣ *банки*, устраивающіе займы на расходы, связанные съ колоніальными авантюрами, на «стратегическія» желѣзныя дороги, военные порты и т. д.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій было выдвинуто нѣсколько проектовъ грандіозныхъ африканскихъ рельсовыхъ путей. Три первоклассныхъ государства упорно боролись, начиная съ послѣдней четверти минувшаго столѣтія до нынѣшней войны за господство на черномъ континентѣ: Англія, Франція и Германія. Каждое изъ этихъ государствъ выдвинуло свой проектъ трансъ-африканскаго пути.

Наиболѣе грандіозный проектъ принадлежитъ, какъ и слѣдовало ожидать, величайшей африканской державѣ — Англіи. Согласно англійскому проекту, на Африку долженъ быть наброшенъ *желѣзный великобританскій крестъ*, который пересѣчетъ черный континентъ на всемъ протяженіи съ сѣвера на югъ, отъ Каира до Капштадта (10.000 кило-

---

[1]) В. Кодвелль, „Общая европейская политика въ Африкѣ“ (W. Caudwell. „La politique generale europeenne en Afrique)“. Парижъ. 1912 г См. стр 1б.

метровъ) и съ востока на западъ, отъ Бейры до Логито-Бай, протяженіемъ въ 4.000 километровъ.

Этому грандіозному проекту великобританскихъ капиталистовъ зажарить всю Африку на рѣшеткѣ изъ *англійскихъ* рельсовъ французскіе металлургисты противопоставили свой проектъ произвести ту же операцію, но уже съ помощью французскихъ рельсовъ.

Проектъ французской трансъ-африканской дороги былъ выдвинутъ извѣстнымъ инженеромъ Андре Бертело, членомъ французскаго металлургическаго треста и иниціаторомъ грандіозной парижской подземной дороги (метрополитена). По плану Бертело, трансъ-африканскій рельсовый путь долженъ былъ начаться у Алжира, прорѣзать всю Сахару и Конго, пройти черезъ богатую мѣдью африканскую область Котангу и, сомкнувшись съ англійской рельсовой дорогой, дойти до Капштадта, на крайнемъ югѣ чернаго континента. Этотъ рельсовый путь явился бы, по словамъ Бертело, *величайшей по протяженію желѣзнодорожной артеріей въ мірѣ*.

Нѣмецкіе имперіалисты выдвинули проектъ трансъ-африканской дороги съ востока на западъ. И наканунѣ нынѣшней войны нѣмцы энергично вели свои желѣзнодорожныя сооруженія съ обѣихъ сторонъ океановъ. Такъ, въ одномъ только Камерунѣ, т.-е. въ своихъ западныхъ африканскихъ владѣніяхъ, Германія израсходовала въ 1909 — 1911 гг. 18 милліоновъ марокъ на желѣзныя дороги. Въ 1913 г. бюджетная комиссія германскаго рейхстага приняла экстраординарный расходъ въ 17 милліоновъ марокъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Восточной Африкѣ.

На ряду съ этими тремя грандіозными проектами были выдвинуты еще два, болѣе скромныхъ, но все-таки крайне соблазнительныхъ желѣзнодорожныхъ плана: 1) французскій планъ трансъ-сахарской дороги, за который стояли группы финансистовъ и металлургистовъ, объединившихся вокругъ капиталиста Поля Леруа Болье, главнаго редактора журнала «Французскій Экономистъ»; 2) итальянскій проектъ трансъ-сахарской дороги отъ Триполи къ центру Африки. Уже давно итальянская имперіалистическая пресса изображала центральную Африку, какъ безграничную территорію, богатую несмѣтнымъ количествомъ золота, слоновой кости, страусовыхъ перьевъ, невиданной растительностью и т. д., кишащую милліонами и милліонами чернокожихъ, грезящихъ наяву о невиданныхъ ими ситцевыхъ, коленкоровыхъ и другихъ легкихъ матеріяхъ, чтобы прикрыть ими свое обнаженное палимое тропическимъ солнцемъ тѣло и готовыхъ де за нѣсколько аршинъ ткани отдать цѣлый грузъ слоновой кости или слитокъ золота. И эта

проектируемая триполійская желѣзная дорога къ Судану должна была играть въ недалекомъ будущемъ роль оживленнѣйшаго бульвара, по которому сотни и сотни поѣздовъ двигались бы вглубь Африки, привозя туда европейскіе товары, тысячи туристовъ, желающихъ ознакомиться съ тайнами тропическихъ лѣсовъ и, возвращаясь обратно, съ грузомъ богатствъ чернаго континента.

Однако, уже при одномъ взглядѣ на карту африканскаго континента, видно съ какими осложненіями было неизбѣжно связано осуществленіе всѣхъ этихъ проектовъ. Въ самомъ дѣлѣ, поперекъ всѣмъ этимъ планамъ первоклассныхъ государствъ стоялъ фактъ существованія въ Африкѣ, во-первыхъ, ряда независимыхъ христіанскихъ и туземныхъ мусульманскихъ государствъ, какъ, напримѣръ, Трансвааля, Оранжевой республики, Марокко, Триполи и т. д., во-вторыхъ, колоній второстепенныхъ державъ—Бельгіи, Португаліи, у которыхъ необходимо было отнять ихъ африканскія владѣнія, чтобы имѣть возможность осуществить грандіозные рельсовые проекты, созданные англійскими, французскими, германскими имперіалистами.

Борьба за раздѣлъ послѣднихъ остатковъ африканскаго континента сыграла, несомнѣнно, колоссальную роль въ происхожденіи нынѣшней войны... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на африканскомъ континентѣ существовали слѣдующія самостоятельныя или полунезависимыя государства: Оранжевая республика, Трансвааль, Марокко, Абиссинія, республика Либерія и Триполитанія. Всѣ эти государства занимали площадь въ 3½ милліона квадр. километровъ съ населеніемъ въ 14 милліоновъ душъ. Вся остальная Африка, протяженіемъ въ 27 милліоновъ квадратныхъ километровъ, съ населеніемъ приблизительно въ 130 милліоновъ душъ, принадлежала уже европейскимъ государствамъ, при чемъ владѣнія послѣднихъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Государства.	Квадратн. килом	Численность населенія
Англія	9.535.000	58.000.000
Франція	7.700.000	27.000.000
Бельгія	2.240.000	25.000.000
Германія	2.500.000	11.000.000
Португалія	2.200.000	4.500.000
Италія	2.060.000	1.800.000
Испанія	550.000	450.000

Итакъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ всей африканской территоріи протяженіемъ въ 30.000.000 километровъ, съ населеніемъ въ 140 милліоновъ душъ, приблизительно десятая часть чернаго континента оставалась незанятой европейскими государствами.

Чтобы осуществить грандіозный планъ трансъ-африканскаго пути отъ Каира до Капштадта, англійскимъ имперіалистамъ нужно было прежде всего покончить съ независимостью бурскихъ республикъ. Это было достигнуто въ результатѣ южно-африканской войны 1899—1902 гг. Война Англіи съ маленькими бурскими республиками разожгла аппетиты имперіалистовъ во Франціи, въ Италіи, въ Германіи и дала новый толчокъ интенсивному движенію этихъ государствъ на черный континентъ. Франція бросилась съ удвоенной энергіей расширять свои владѣнія въ центральной и западной Африкѣ и стала подбираться къ Марокко, выдвинувъ одновременно проектъ великаго трансъ-африканскаго пути. Италія, имѣвшая, какъ мы видѣли, свой проектъ великаго пути въ богатую неисчерпаемыми сокровищами экваторіальную Африку, объявила въ 1911 г. войну Турціи и овладѣла Триполи. Такимъ образомъ, наканунѣ нынѣшней войны въ Африкѣ оставалось только одно независимое государство Абиссинія. Но не только владѣнія недавно независимыхъ африканскихъ государствъ привлекали къ себѣ жадные взоры имперіалистовъ первоклассныхъ государствъ. Очень цѣнныя территоріи чернаго континента принадлежали второстепеннымъ европейскимъ государствамъ, какъ, напримѣръ, Португаліи и Бельгіи и это, само собой разумѣется, вводило въ искушеніе сильныя державы. «Экспропріація Португаліи является неотложной мѣрой, которая диктуется *международными интересами*», говорилъ съ присущимъ ему цинизмомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ изъ вождей англійскаго имперіализма Сесиль Родсъ. Но и германскіе имперіалисты считали необходимымъ въ *«международныхъ интересахъ»* экспропріировать бельгійскія и португальскія территоріи и присоединить послѣднія къ владѣніямъ Германіи. Само собой разумѣется, что эти притязанія первоклассныхъ государствъ крайне обостряли и осложняли африканскую проблему, борьбу за раздѣлъ послѣднихъ остатковъ чернаго континента и фатально *втягивали въ міровой конфликтъ не только великія державы, но и маленькія страны, въ родѣ Португаліи и Бельгіи*, которыя уже наканунѣ войны стремились связаться опредѣленными договорами съ первоклассными странами, чтобы обезпечить неприкосновенность своихъ территорій въ Африкѣ.

§ 3. Германскіе планы въ Африкѣ.

Нѣмецкія колоніи въ Африкѣ занимали по численности населенія 4 мѣсто въ ряду владѣній другихъ государствъ на черномъ континентѣ и значительно уступали въ этомъ отношеніи бельгійскимъ. Но уже въ началѣ нынѣшняго

столѣтія извѣстный французскій писатель по вопросамъ колоніальной политики Жанъ Дарси отмѣчалъ колоссальную роль Германіи во всѣхъ вопросахъ африканской политики и говорилъ: «Можетъ-быть, въ данный моментъ нѣтъ въ Африкѣ ни одного вопроса, по поводу котораго Германія не могла бы сказать своего слова, и куда мы ни оглянемся на черномъ континентѣ, повсюду вліяніе Германіи оказывается громаднымъ. Идетъ ли рѣчь о будущности Конго или португальскихъ колоніяхъ или объ англо-бурскомъ конфликтѣ, Германія всюду встаетъ передъ нами на первомъ планѣ, готовая навязать свою волю или отстоять свои интересы» [1]).

И значеніе нѣмецкихъ колоній въ Африкѣ съ каждымъ годомъ все возрастало. Внѣшняя торговля этихъ колоній поднялась съ 105 милл. фр. въ 1905 г. до 300 милліоновъ фр. въ 1912 г., т.-е. утроилась. Производство каучука достигло въ 1911 г. цифры 21 милл. фр., какао—4милл. фр., хлопка — 6 милл. фр. и т. д. Но главное значеніе нѣмецкихъ колоній, какъ французскихъ, англійскихъ и т. д., заключалось не въ роли экспортеровъ всѣхъ этихъ экзотическихъ товаровъ, а въ роли рынковъ, во-первыхъ, для вывоза германскихъ капиталовъ, во-вторыхъ, фабрикатовъ германской металлургической индустріи.

Въ общемъ, частный капиталъ, работавшій въ нѣмецкой Африкѣ, опредѣлялся наканунѣ войны въ 410 марокъ. Этотъ капиталъ на 3/4 принадлежалъ нѣмецкимъ акціонернымъ обществамъ и на 1/4 иностраннымъ обществамъ — бельгійскимъ, голландскимъ, шведскимъ и т. д. Но такъ какъ капиталъ имѣетъ интернаціоналистическія тенденціи, неудивительно, что, подобно тому, какъ мы видѣли это по отношенію къ багдадской дорогѣ, въ нѣмецкой Африкѣ работалъ и французскій капиталъ. Такъ, общество «Новый Камерунъ» являлось чисто французскимъ обществомъ.

И подобно тому, какъ вся германская политика въ Оттоманской имперіи и на Ближнемъ Востокѣ вращалась вокругъ багдадскаго желѣзнодорожнаго вопроса, являвшагося въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій важнѣйшей проблемой международной рельсовой политики, однимъ изъ главныхъ стержней германской имперіалистической политики въ Африкѣ сдѣлался проектъ рельсоваго пути отъ восточнаго побережья чернаго континента до западнаго; иначе говоря, проектъ трансъ-африканской желѣзной дороги. И германское правительство съ поразительной энергіей работало надъ осуществленіемъ этого проекта. Въ 1904 г. протяженіе нѣмец-

---

[1]) Жанъ Дарси. „Африканское равновѣсіе въ XX вѣкѣ". Jean Darcy. „L'equilibre african au 20 siècle". Парижъ. 1900 г. См. стр. 5, 6.

кой желѣзнодорожной сѣти въ Африкѣ равнялось 479 километрамъ, въ 1913 г. эта сѣть равнялась 4.176 километрамъ, т.-е. увеличилась въ *9 разъ* за десятилѣтіе. По офиціальной нѣмецкой статистикѣ, на сооруженіе законченныхъ уже желѣзныхъ дорогъ и имѣющихъ быть выстроенными въ ближайшее время было израсходовано государствомъ 300 милліоновъ марокъ. Эти сооруженія поглотили большую часть колоніальныхъ займовъ, выпущенныхъ до 20 іюня 1914 г. На ряду съ этими государственными желѣзнодорожными предпріятіями, въ нѣмецкой Африкѣ дѣйствовали, конечно, и частныя желѣзнодорожныя компаніи: «Восточно-африканская желѣзнодорожная компанія» и «Камерунская желѣзнодорожная компанія». Благодаря колоніальнымъ займамъ и дѣятельности частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, нѣмецкая рельсовая линія съ поразительной быстротой врѣзывалась въ глубину Африки. Германскіе капиталисты мечтали о созданіи грандіозной африканской нѣмецкой имперіи отъ моря до моря, отъ Индійскаго океана до Гвинейскаго залива. Но для осуществленія этого соблазнительнаго плана нужно было соединить три разрозненныхъ куска, на которые была разбита нѣмецкая Африка наканунѣ войны, въ одинъ цѣльный кусокъ. А этого можно было достигнуть лишь на счетъ другихъ государствъ, лишь путемъ перекройки карты европейскихъ владѣній въ Африкѣ, путемъ присоединенія къ Германіи французскихъ, португальскихъ и бельгійскихъ колоній, лежащихъ между ея территоріями. Однимъ словомъ, нужно было или насильственно экспропріировать часть французскихъ, бельгійскихъ и португальскихъ колоній или добиться добровольной уступки этихъ территорій.

Начало осуществленія этого плана было положено пресловутымъ франко-германскимъ договоромъ 4 ноября 1911 г. По этому договору Франція уступала въ пользу назойливаго сосѣда территорію во французскомъ Конго протяженіемъ въ 250.000 километровъ. Эта уступленная французами территорія открывала нѣмцамъ при посредствѣ двухъ полосокъ земли, такъ называемыхъ щупалецъ, доступъ къ бельгійскому Конго, къ которому Германія давно подбиралась. Кромѣ того, существуютъ самыя серьезныя основанія предполагать, что по одному изъ тайныхъ пунктовъ франко-германскаго договора 1911 г. *Франція безъ согласія на то самой Бельгіи передала свое право преемственности на бельгійское Конго Германіи.*

Послѣ заключенія этого договора и слѣпому стали ясны африканскіе планы Германіи. Какъ формулировалъ французскій министръ Рибо въ сенатѣ по поводу франко-германскаго договора: «Германія желала получить доступъ въ Конго и Убанги и она этого добилась. Она преслѣдуетъ политическія и экономическія цѣли: она *желаетъ прорѣзать Африку ве-*

ликимъ рельсовымъ путемъ. Но мы также можемъ построить великую транеъ-африканскую дорогу»... Накануне нынешней войны Германія сделала новый шагъ къ осуществленію своихъ африканскихъ имперіалистическихъ плановъ. За несколько месяцевъ до нынешней войны Германія добилась отъ Англіи согласія признать португальскую колонію Анголу входящей въ сферу германскаго вліянія, между темъ какъ Германія признавала такія же права за Англіей относительно Мозамбика.

Но все эти компромиссы и частичныя уступки Англіи, Франціи, Германіи другъ другу не могли разрешить антагонизма имперіалистическихъ плановъ этихъ великихъ государствъ въ Африке. Во-первыхъ, Германія стремилась во что бы то ни стало овладеть бельгійскимъ Конго и областью Катангой, изобилующей богатейшими въ міре медными рудниками, передъ неисчерпаемыми сокровищами которыхъ бледнеють, по вычисленіямъ некоторыхъ экономистовъ и въ особенности Буттенбаха, даже все медныя залежи въ С. Штатахъ. Во-вторыхъ, Германія не желала отказаться отъ своихъ притязаній на Марокко.

Поперекъ немецкимъ планамъ относительно бельгійскаго Конго и Катанги стояли два государства: во-первыхъ, сама Бельгія, во-вторыхъ, Великобританія. Бельгійскіе имперіалисты согласились бы скорее вступить въ союзъ съ Франціей и Англіей противъ Германіи и вовлечь свою страну въ міровой конфликтъ, чемъ добровольно уступить Конго немцамъ. Что же касается англійскихъ имперіалистовъ, последніе сами имели виды на англійское Конго и не желали уступить эту важную часть африканскаго пирога немцамъ.

Съ другой стороны, делая различныя уступки Германіи въ Малой Азіи и Центральной Африке, французы желали добиться отъ немецкихъ имперіалистовъ компенсаціи въ виде отказа немцевъ отъ всякихъ притязаній на Марокко. *Но Германія не желала отдать безъ боя Франціи Марокко, эту важную африканскую область, богатую желѣзными рудниками и расположенную на побережьи Средиземнаго моря, этого великаго торговаго пути изъ Америки и Европы въ Азію.* Германія предъявила притязанія на часть Марокко. Этого решительно не желали допустить ни Франція, стремившаяся овладеть всемъ Марокко, ни Англія, считавшая крайне опаснымъ для сохраненія мірового положенія Великобританіи допущеніе Германіи къ северному побережью Африки. *Вопросъ о Конго и Марокко сыгралъ громадную роль въ происхожденіи нынѣшней войны* и потому необходимо остановиться на происхожденіи этихъ двухъ вопросовъ более подробно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бельгія и вопросъ о Конго въ міровой войнѣ.

§ 3. Конгское предпріятіе короля Леопольда. Заморскій банкъ. Планы бельгійскихъ империалистовъ.

Едва ли существуетъ другая колонія, изученіе исторіи которой было бы такъ полезно для пониманія экономической подоплеки имперіализма, какъ изученіе современной исторіи Конго. Дѣло въ томъ, что раньше, чѣмъ сдѣлаться «государственной» собственностью, бельгійской колоніей, Конго являлось личной собственностью покойнаго короля Леопольда, главнаго акціонера нѣсколькихъ бельгійскихъ банковъ и виднаго члена бельгійскаго металлургическаго треста, — треста, объединеннаго вокругъ желѣзо-угольной компаніи Угри-Маріей [1].

Происхожденіе государства Конго относится къ 1876 г., когда знаменитый путешественникъ Стэнли дошелъ до устьевъ рѣки Конго и открылъ міру тайны экваторіальной Африки. Стэнли изслѣдовалъ и описалъ огромныя, прежде невѣдомыя территоріи внутри африканскаго материка и доказывалъ, что все пространство между тропиками представляетъ богатѣйшее поле для эксплуатаціи. Подвиги Ливингстона, Стэнли, Саворьяна Брацца и т. д. произвели сильнѣйшее впечатлѣніе въ мірѣ финансистовъ и металлургистовъ, которые увидѣли въ этихъ открытіяхъ лишь новое средство для наживы. Въ 1876 г. въ Брюсселѣ была созвана по инициативѣ бельгійскаго короля Леопольда, главнаго акціонера важнѣйшихъ бельгійскихъ банковъ и металлургическаго треста, международная географическая конференція. Предсѣдатель конференціи, самъ король Леопольдъ, обратилъ вниманіе членовъ конференціи на великія перспективы, открывающіяся въ Центральной Африкѣ, и указалъ на необходимость «пріобщенія къ цивилизаціи» безграничныхъ африканскихъ территорій. Послѣ трехдневной болтовни на общія темы, географическая конференція разошлась, вотировавъ резолюцію, подсунутую клевретами Леопольда и стоявшей за нимъ кучки металлургистовъ и финансистовъ, о созданіи «*Международной африканской ассоціаціи*» въ цѣляхъ пріобщенія Центральной Африки къ «благамъ европейской цивилизаціи, прогресса, науки и человѣчности». Исполнительнымъ и руководящимъ органомъ этой

---

[1]) Многочисленные сталелитейные заводы и угольныя копи компаніи Угри-Маріей расположены въ могучей промышленной области Льежа, металлургическая индустрія которой славится во всемъ мірѣ.

ассоціацій являлась «Международная Комиссія», которая должна была засѣдать въ Брюсселѣ и состояла изъ 5 членовъ: самого короля Леопольда и еще четырехъ членовъ, дѣйствовавшихъ заодно съ королемъ. Такимъ образомъ, дѣло пріобщенія Центральной Африки къ благамъ европейской цивилизаціи подпало вліянію короля Леопольда, что такъ соотвѣтствовало планамъ бельгійскихъ финансистовъ.

Прежде всего бельгійская финансовая и металлургическая олигархія рѣшила завладѣть Конго. Въ 1882 г. была образована въ Брюсселѣ «Международная ассоціація Конго», которая вступила въ переговоры съ негрскими князьками въ Конго и путемъ подкупа добилась отъ многихъ изъ нихъ отказа отъ своего суверенитета и передачи послѣдняго означенной ассоціаціи. Послѣ этого важнаго успѣха международная конгская ассоціація стала добиваться отъ европейскихъ государствъ признанія своихъ территоріальныхъ и торговыхъ правъ на Конго. Однако на почвѣ этихъ бельгійскихъ притязаній возникъ рядъ дипломатическихъ кофликтовъ и осложненій. Съ особенной непріязнью къ притязаніямъ Леопольда отнеслись англійскіе имперіалисты. Основное положеніе англійской имперіалистической политики заключалось въ томъ, что всякая еще незанятая или неорганизованная область земного шара принадлежитъ по праву Англіи и что поэтому «всякое государство, пріобрѣтающее территорію въ какомъ бы то ни было пунктѣ земного шара, наноситъ — по выраженію французскаго писателя Дарси — личное оскорбленіе англійскому народу». Однако мощь и обширность англійской колоніальной имперіи возбуждали зависть въ правящихъ классахъ многихъ государствъ и поэтому послѣднія не прочь были поддержать короля маленькой Бельгіи въ пику Англіи. Такимъ образомъ, когда въ 1884—1885 гг. состоялось собраніе международной африканской конференціи въ Берлинѣ, державы, участвовавшія въ конференціи, дали санкцію бельгійскимъ колоніальнымъ компаніямъ признать *независимое государство Конго*, государемъ котораго объявилъ себя бельгійскій король Леопольдъ II.

Итакъ, вначалѣ Бельгія какъ государство, и бельгійское правительство не имѣли никакихъ правъ на Конго. Какъ выразился Леопольдъ въ своемъ посланіи 16 апрѣля 1885 г., «между Бельгіей и независимымъ государствомъ Конго существуетъ только личная связь». Однако, это не помѣшало королю потребовать въ 1889 г. у парламента кредита въ 10 милліоновъ франковъ. Этотъ кредитъ былъ вотированъ. Въ 1890 г. возникли новыя финансовыя затрудненія. Касса «Независимаго конгскаго государства» была пуста. *Заемъ въ 150 милл. фр.*, выпущенный для разныхъ предпріятій въ Конго, *потерпѣлъ полное фіаско*; было очевидно, что новая колонія не окупаетъ расходовъ на ея со-

держаніе и мало кто хотѣлъ рисковать своими капиталами, вкладывая ихъ въ конгскія операціи. Король попросилъ у парламента ссуды въ 25 милліоновъ франковъ. Это вызвало сильное волненіе въ бельгійской прессѣ. Чтобы успокоить часть недовольныхъ, король внесъ въ парламентъ предложеніе, по которому Бельгія получаетъ право съ 1900 г. аннексировать въ любой моментъ независимое государство Конго со всѣми его богатствами и т. д. Въ то же время король представилъ въ парламентъ текстъ своего завѣщанія, по которому онъ завѣщалъ, въ случаѣ своей смерти, всѣ свои суверенныя права на Конго Бельгіи. Но это предложеніе не встрѣтило особеннаго сочувствія въ бельгійской прессѣ. Вѣдь колонія давала колоссальные убытки, и многіе не предполагали, чтобы король изъ личнаго кошелька поддерживалъ свое предпріятіе. Въ 1895 г. въ виду новыхъ финансовыхъ затрудненій и необходимости въ большой ссудѣ Леопольдъ II заявилъ, что онъ готовъ немедленно отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ на Конго и уступить послѣднія Бельгіи. Министерство приняло проектъ короля и внесло проектъ закона объ аннексіи Бельгіи въ палату. Но проектъ вызвалъ сильный протестъ въ странѣ. Многіе органы прессы, начиная отъ соціалистическихъ и кончая нѣкоторыми клерикальными, начали горячую кампанію противъ плана присоединенія Конго къ Бельгіи. Въ палатѣ создалась сильная оппозиція и, такимъ образомъ, послѣдовалъ министерскій кризисъ, и проектъ былъ снятъ съ очереди.

Такое отношеніе не только лѣвыхъ элементовъ прессы, но и значительной части бельгійской буржуазіи къ колоніальнымъ авантюрамъ въ Африкѣ было вполнѣ понятно. Въ сущности Конго, какъ и всякое колоніальное предпріятіе, являлось съ финансовой точки зрѣнія крайне невыгоднымъ предпріятіемъ, притомъ владѣніе имъ было сопряжено съ международными опасностями.

Сторонники конгскаго предпріятія часто указывали на значеніе Конго въ качествѣ рынка для бельгійской промышленности и приводили цифры, изъ которыхъ явствуетъ, что внѣшняя торговля Конго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивалась. Эта торговля равнялась 15 милл. фр. въ 1893 г., поднялась до 72 милл. фр. въ 1900 г. Европейскій ввозъ въ бельгійское Конго въ этомъ году равнялся 25.000.000 фр., изъ которыхъ 17.000.000 приходилось на долю Бельгіи. Но, какъ доказалъ извѣстный англійскій писатель Морель, спеціалистъ по вопросу о Конго, главную массу товаровъ, ввезенныхъ на сумму 25 милл. фр. въ Конго, именно на сумму 15 милл. фр., составляли машины, телеграфная и телефонная проволока, пушки, револьверы, ружья, патроны, взрывчатыя вещества и т. д., — однимъ словомъ,

предметы, въ которыхъ нуждались бельгійскіе чиновники и 15.000 бельгійская армія, удерживавшая въ подчиненіи превращенное въ рабовъ негрское населеніе Конго, а не сами туземцы, покупавшіе ежегодно товаровъ максимумъ на 10 милліоновъ франковъ. Изъ этой цифры на долю бельгійской вывозной промышленности приходилось едва ли болѣе 7 милл. фр. Но что значила эта цифра 7 милл. фр. или даже 17 милл. фр. для Бельгіи, общій экспортъ которой за границу вычисляется въ милліардахъ [1].

Итакъ, конгское предпріятіе короля Леопольда и стоявшей за нимъ кучки финансистовъ и металлургистовъ, не сулило никакой выгоды собственникамъ Конго и грозило разорить ихъ. Самъ король Леопольдъ вложилъ значительную часть своего личнаго имущества въ Конго и рисковалъ потерять большіе капиталы на своей авантюрѣ. *Чтобы сдѣлать конгское предпріятіе выгоднымъ дѣломъ для его организаторовъ и руководителей, оставалось одно средство: нужно было примѣнить тотъ методъ, на которомъ основана вся современная колоніальная политика, именно, нужно было заставить Бельгію принять въ подарокъ Конго и взять на себя всѣ расходы по содержанію этой колоніи.* Тогда бельгійскія народныя массы оплачивали бы всѣ средства, необходимыя на содержаніе войскъ въ Конго, на сооруженіе великихъ и малыхъ желѣзнодорожныхъ путей въ этой колоніи, на субсидіи мореходнымъ компаніямъ въ Конго, на жалованье чиновникамъ и т. д., а всѣ доходы получали бы финансисты и металлургисты, заинтересованные въ конгскихъ предпріятіяхъ.

Несмотря на пораженіе, понесенное въ 1895 г. бельгійскими имперіалистами въ парламентѣ въ ихъ попыткѣ навязать Конго Бельгіи, сторонники присоединенія этой колоніи не пали духомъ и продолжали свою аннексіонистскую кампанію. Въ 1899 г. бельгійскіе имперіалисты нашли важнаго союзника своимъ планамъ въ лицѣ новообразованнаго «Заморскаго банка» (Banque d'Outremer). Этотъ банкъ былъ созданъ при участіи короля Леопольда и другихъ крупнѣйшихъ бельгійскихъ финансистовъ и металлургистовъ. Какъ видно уже изъ самаго названія «Заморскій», принятаго банкомъ, главнымъ полемъ дѣятельности послѣдняго должны были служить заокеанскія страны. Банкъ поставилъ своей цѣлью концентрацію всѣхъ энергій и жизненныхъ силъ страны вокругъ идеи бельгійскаго имперіализма. «Заморскій банкъ» занялъ видную роль въ Китаѣ. Онъ принялъ совмѣстно съ банками первоклассныхъ европейскихъ государствъ участіе въ выпускѣ ряда китайскихъ

[1]) Въ 1912 г. внѣшняя торговля Бельгіи (экспортъ и импортъ) равнялась 8 милліардамъ франковъ.

займовъ. Онъ взялъ на себя финансированіе и руководство китайскими «угольными копями въ Кайпингѣ», самыми грандіозными копями на азіатскомъ континентѣ, доставлявшими ежегодно около $1^1/_2$ милліона тоннъ угля, т.-е. вдвое больше, чѣмъ самыя крупныя угольныя копи въ самой Бельгіи. «Заморскій банкъ» принималъ участіе также въ созданіи различныхъ промышленныхъ предпріятій (каучуковыхъ плантацій и т. д.) въ голландскихъ колоніяхъ. Кромѣ того, въ самой Европѣ «Заморскій банкъ» контролировалъ рядъ предпріятій, какъ, напримѣръ, судостроительный заводъ, сооружавшій спеціальныя суда для колоніи и новыхъ странъ.

«Заморскій банкъ» находился въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ металлургической компаніей Угри-Маріей, владѣвшей многочисленными сталелитейными и чугуно-плавильными заводами и угольными копями въ промышленной области Льежа [1]). Этотъ металлургическій синдикатъ производилъ ежегодно отъ 800.000 до милліона тоннъ стали. Изъ угольныхъ копей, принадлежащихъ синдикату Угри-Маріей, ежегодно извлекалось колоссальное количество угля. Общество владѣло крайне богатыми угольными рудниками,—такъ, богатство угольныхъ копей этой компаніи въ бассейнѣ Бріей опредѣлялось въ 150 милл. тоннъ.

Само собой разумѣется, что, будучи тѣсно связанъ съ бельгійскимъ угольно-металлургическимъ синдикатомъ, «Заморскій банкъ» былъ особенно заинтересованъ въ присоединеніи Конго къ Бельгіи, въ сооруженіи въ этой колоніи на государственный счетъ рельсовыхъ путей для сбыта локомотивовъ, вагоновъ, сотенъ тысячъ тоннъ рельсовъ, угля и т. д. Какъ это неоднократно подчеркивали многіе бельгійскіе писатели и какъ это, между прочимъ, формулировалъ французскій сенаторъ Ласъ-Касъ на засѣданіи французскаго парламента, «страна, подобная Конго, имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку она прорѣзана желѣзнодорожными путями», ибо рѣки въ этой области изобилуютъ порогами и несудоходны. Стало-быть, для бельгійской металлургической промышленности открывалось широкое поле дѣятельности въ Конго. Значительные дивиденды сулила колонія и банкамъ, благодаря перспективамъ многочисленныхъ займовъ, которые можно было бы выпускать на сооруженіе рельсовыхъ путей въ Конго. Но всѣ эти операціи могли давать вѣрные доходы только въ случаѣ аннексіи Конго Бельгіей, т.-е. въ томъ случаѣ, если бы бельгійскій народъ взялъ на себя всѣ расходы по содержанію арміи въ Конго, по гаран-

---

[1]) Кромѣ многочисленныхъ заводовъ въ Бельгіи, эта компанія владѣла нѣсколькими сталелитейными заводами въ Германіи (въ Роданжѣ) и во Франціи (въ Лонгви). Такимъ ооразомъ, эта „бельгійская“ компанія носила въ извѣстной степени „интернаціональный“ характеръ.

тіи желѣзнодорожныхъ и другихъ займовъ, обезпечивъ такимъ образомъ финансистовъ и металлургистовъ, заинтересованныхъ въ конгскихъ дѣлахъ, отъ всякаго риска.

Заморскій банкъ» взялъ на себя руководство кампаніей въ пользу аннексіи Конго. Многія бельгійскія газеты, только недавно осуждавшія идею присоединенія Конго къ Бельгіи, доказывавшія всю невыгодность для бельгійскаго народа этого колоніальнаго пріобрѣтенія, перемѣнили роль, получивъ или очень выгодныя объявленія отъ бельгійскаго металлургическаго и финансоваго треста или попросту взятку. И вотъ пресса начинаетъ доказывать, какъ много выиграетъ Бельгія въ своемъ международномъ престижѣ, въ міровой политикѣ, когда громадная колонія въ Конго протяженіемъ въ нѣсколько милліоновъ километровъ, занимающая пространство въ 84 раза превосходящее территорію самой Бельгіи, богатая каучукомъ, слоновой костью, какао, мѣдными рудниками въ Когангѣ и т. д., войдетъ въ составъ Бельгійской имперіи. Вся эта аннексіонистская кампанія принесла плоды и, когда въ августѣ 1908 г. законопроектъ о присоединеніи Конго къ Бельгіи былъ поставленъ на голосованіе бельгійскаго парламента, этотъ законъ послѣ долгихъ дебатовъ былъ вотированъ большинствомъ 83 голосовъ противъ 54. Противъ аннексіи вотировали всѣ соціалисты и часть радикаловъ. Многіе либералы, нѣсколько лѣтъ назадъ рѣзко опровергавшіе идею присоединенія Конго къ Бельгіи, вотировали нынѣ законопроектъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ конфликтахъ, часть консервативной и умѣренной буржуазіи, относившаяся отрицательно къ конгскому предпріятію, не желала обострять борьбы съ металлургической и финансовой олигархіей, заинтересованной въ Конго, *чтобы не нарушать соціальной устойчивости, не колебать общественнаго «равновѣсія силъ»*. Было очевидно, что побѣдить сторонниковъ аннексіи можно только тѣснымъ союзомъ съ соціалистами и энергичной поддержкой кампаніи послѣднихъ противъ колоніальныхъ авантюръ. Но такой союзъ былъ очень опасенъ съ точки зрѣнія господствующихъ классовъ, ибо онъ могъ въ данный моментъ усилить рабочую партію, собравшую на послѣднихъ выборахъ (1904) 325.000 голосовъ, и поэтому-то многіе противники аннексіи изъ буржуазныхъ классовъ рѣшили сложить оружіе и примириться съ неизбѣжнымъ зломъ, тѣмъ болѣе, что соціалисты въ своей агитаціи противъ капиталистическаго строя злоупотребляли, по мнѣнію умѣренныхъ, «конгскимъ вопросомъ» и на частичныхъ выборахъ въ маѣ 1908 г. выиграли нѣсколько депутатскихъ мандатовъ въ ущербъ и католикамъ и либераламъ. Такимъ-то образомъ, аннексія, трижды отвергнутая или отсроченная въ бельгійскомъ парламентѣ (въ 1875, 1901, 1905 гг.), подвергавшаяся нѣсколько лѣтъ

назадъ самой безпощадной критикѣ на страницахъ многихъ органовъ бельгійской буржуазной прессы, была вотирована бельгійскимъ парламентомъ и сенатомъ и окончательно санкціонирована закономъ 18 окт. 1908 г.

Маленькая Бельгія, вся территорія которой занимаетъ 29.000 кв. километровъ, получила колонію въ $2^1/_2$ милліона кв. километровъ и превратилась въ четвертую по размѣрамъ колоніальную имперію, стоявшую впереди Германіи.

§ 2. Бельгія какъ имперіалистическая держава. Конгская авантюра и ухудшеніе мірового положенія Бельгіи. Вопросъ о Конго въ нынѣшней міровой войнѣ.

Вотумъ бельгійскаго парламента о присоединеніи Конго къ Бельгіи санкціонировалъ вступленіе *нейтральнаго* бельгійскаго государства на путь имперіалистической политики Бельгіи. Въ самомъ дѣлѣ, пока Конго представляло собой «*независимое государство*», связанное лишь личной уніей съ Бельгіей, до той поры нейтральная страна стояла внѣ міровыхъ конфликтовъ изъ-за раздѣла Африки, и всякія осложненія на черномъ континентѣ могли угрожать только частной собственности короля Леопольда и кучки бельгійскихъ капиталистовъ, владѣвшихъ Конго. Послѣ провозглашенія закона 18 окт. 1908 г. дѣло принимало иной оборотъ. Отнынѣ всякое покушеніе на территорію бельгійскаго Конго явилось бы покушеніемъ на территорію самой Бельгіи и, такимъ образомъ, маленькая страна, неприкосновенность границъ которой была гарантирована великими державами, сама компрометируетъ идею нейтралитета и неприкосновенности своей территоріи, вмѣшиваясь въ африканскій конфликтъ и борьбу первоклассныхъ европейскихъ государствъ изъ-за черного континента,—борьбу, которая могла привести и привела въ конечномъ счетѣ къ міровой войнѣ.

И дѣйствительно, послѣ принятія бельгійскимъ парламентомъ законопроекта объ аннексіи Конго, международное положеніе Бельгіи ухудшается. До 1908 г. главная опасность «независимому государству Конго» угрожала со стороны Англіи. Извѣстно, какую лицемѣрную агитацію вели противъ бельгійскаго Конго члены англійской «ассоціаціи для реформы Конго», разоблачая всѣ ужасы, которые совершались въ этой области, забывая, однако, въ періодъ этой дѣятельной и шумной кампаніи упомянуть и о тѣхъ звѣрствахъ, которыми британскій имперіализмъ опозорилъ себя въ южно-африканскихъ колоніяхъ Англіи, не говоря уже о несчастной Индіи съ ея чумой и голодовками. Эта кампанія противъ бельгійскихъ звѣрствъ въ Конго имѣла громадный успѣхъ въ Англіи, и рѣчи противъ порядковъ, царящихъ въ «независимомъ государствѣ Конго», произноси-

лись не только на публичныхъ митингахъ, но и въ церквахъ представителями духовенства; наконецъ, тронная рѣчь Эдуарда VII въ палатѣ лордовъ 29 янв. 1908 г. показала, что вопросъ о «независимомъ государствѣ Конго» принимаетъ крайне серьезный характеръ и что само англійское правительство офиціально предостерегаетъ Леопольда II по поводу его безчеловѣчной политики въ отношеніи къ туземному населенію Конго.

«Мое правительство, — сказалъ король Эдуардъ VII, — испытываетъ сильное волненіе по поводу невыносимаго положенія, въ которомъ находится туземное населеніе Конго. Единственное желаніе моего правительства, это увидѣть, что правительство Конго честно управляетъ своимъ государствомъ»...

Итакъ, здѣсь Леопольдъ II офиціально обвинялся въ безчестномъ отношеніи къ своимъ несчастнымъ подданнымъ въ Конго. Главная причина этой необычайной щекотливости въ вопросахъ международной политики, этого участія, принятаго Англіей въ судьбѣ несчастнаго населенія Конго, заключалась въ томъ, что Англія сама имѣла виды на эту область Африки въ связи съ своими рельсовыми проектами. Кромѣ того, англійскіе капиталисты были крайне недовольны тѣмъ, что Леопольдъ II фактически совершенно уничтожилъ свободу торговли въ Конго, передавъ эксплуатацію богатствъ этой колоніи нѣсколькимъ десяткамъ компаній, которыя монополизировали въ своихъ рукахъ добываніе и вывозъ различныхъ продуктовъ Конго.

Однако, критикуя самымъ жестокимъ образомъ порядки, царящіе въ Конго, англійская пресса и англійскіе депутаты въ парламентѣ неоднократно подчеркивали, что они атакуютъ Леопольда не какъ конституціоннаго короля Бельгіи, — ибо Англія питаетъ къ Бельгіи самыя горячія симпатіи и дружбу, — а «какъ государя африканской области Конго, какъ монарха, который захватилъ эту область во имя принциповъ морали, цивилизаціи, гуманности и ввелъ въ этой части свѣта такой звѣрскій режимъ, подобнаго которому міръ еще не видѣлъ» [1]).

Итакъ, до 1908 г. опасность со стороны Англіи угрожала не самой Бельгіи, а «независимому государству Конго», частной собственности главнаго международнаго торговца каучукомъ и слоновой костью, короля Леопольда и нѣсколькихъ бельгійскихъ монопольныхъ компаній. Съ 1908 г., съ момента изданія акта о присоединеніи Конго къ Бельгіи, тучи начинаютъ сгущаться на самомъ горизонтѣ Бельгіи, притомъ эти тучи идутъ не съ сѣверо-запада, а съ

[1]) См. рѣчь Жоржа Паркера и другихъ членовъ палаты общинъ на засѣданіи 3 іюня 1906 г.

востока, не со стороны Англіи, а со стороны Германіи. И опасность начинаетъ угрожать не только бельгійскому Конго, но и самой Бельгіи.

Великое международное значеніе бельгійскаго Конго заключается именно въ томъ, что оно не только не отдѣляетъ сѣверную англійскую Африку отъ южной, но и восточную нѣмецкую Африку отъ западной нѣмецкой Африки. До 1908 г. нѣмецкое правительство покровительствовало «независимому государству Конго», защищало дѣтище Леопольда II отъ англійскихъ поползновеній, разсчитывая, что у Леопольда не хватитъ средствъ довести начатое дѣло до конца и что, такимъ образомъ, эта обширная область попадетъ въ руки Германіи. По одному изъ пунктовъ конвенціи, подписанной въ 1895 г. между Леопольдомъ и французскимъ правительствомъ, право преемственности на бельгійское Конго въ случаѣ отказа Леопольда отъ этой области принадлежало Франціи. Германія надѣялась добиться отъ Франціи тѣмъ или инымъ путемъ уступки ей этого права преемственности.

Послѣ передачи Конго Бельгіи нѣмецкая имперіалистическая пресса круто измѣняетъ свой тонъ въ вопросѣ о бельгійскомъ Конго. Германскія газеты, какъ, напримѣръ, «Крестовая Газета», открыто заявляютъ, что отнынѣ Германія не будетъ поддерживать Бельгіи противъ Англіи. Болѣе того, германскіе органы печати начинаютъ переводить на нѣмецкій языкъ различныя статьи, появлявшіяся въ англійской прессѣ о страшныхъ звѣрствахъ въ бельгійскомъ Конго и начинаютъ доказывать, что въ интересахъ человѣчности, морали и т. д. нужно де отнять у Бельгіи Конго и присоединить эту область къ Германіи. Такъ переводится на нѣмецкій языкъ и распространяется въ тысячахъ экземпляровъ безпощадный обвинительный актъ противъ независимаго государства Конго, написанный когда-то знаменитымъ англійскимъ романистомъ Конанъ-Дойлемъ. Одновременно публикуется карта условій раздѣла бельгійскаго Конго между первоклассными державами. Однимъ словомъ, въ Германіи начинается анти-конгская кампанія, подобная той, которая велась недавно въ Англіи, — кампанія, имѣющая цѣлью доказать нѣмецкому народу, что бельгійцы неспособны колонизировать Африку, и что одна де Германія призвана пріобщить къ цивилизаціи несчастныхъ негровъ, превращенныхъ бельгійцами въ рабовъ.

Съ особымъ усердіемъ германская пресса начинаетъ заниматься вопросомъ о Конго и германо-бельгійскими отношеніями, начиная съ пресловутаго франко-германскаго договора 1911 г. Основываясь на конфиденціальномъ заявленіи канцлера Кидерленъ-Вехтера на засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага 21 янв. 1911 г., германская имперіалисти-

ческая пресса даетъ понять, что Францiя уступила свое право преемственности на бельгiйское Конго Германiи и подчеркиваетъ, что маленькой Бельгiи не къ чему владѣть такой большой колонiей, какъ Конго. На генеральномъ собранiи Нѣмецкаго Колонiальнаго Общества въ Гамбургѣ въ iюнѣ 1916 г., состоявшемся подъ предсѣдательствомъ принца Альберта Мекленбурга, депутатъ рейхстага Бурхартъ подчеркиваетъ, при одобренiи присутствующихъ, что отнынѣ нѣмецкiя владѣнiя въ бассейнѣ Конго не отдѣлены уже колонiями крупныхъ державъ, а лишь территорiями, принадлежащими маленькимъ государствамъ, что значительно облегчаетъ нѣмецкую задачу въ Африкѣ. Итакъ, теперь, чтобы соединить Камерунъ съ восточной нѣмецкой Африкой и осуществить планъ нѣмецкой африканской имперiи отъ моря до моря и прорѣзать весь черный континентъ съ востока до запада сплошнымъ рельсовымъ путемъ, нѣтъ нужды врываться во владѣнiя крупныхъ государствъ, а достаточно экспропрiировать территорiи, принадлежащiя крошечному государству, пигмею передъ германскимъ колоссомъ. Естественно, что эти взгляды вызываютъ сильную тревогу въ бельгiйскихъ имперiалистическихъ кругахъ, и многiе органы бельгiйской прессы, въ томъ числѣ «Географическое Движенiе», органъ, посвященный, главнымъ образомъ, защитѣ бельгiйской колонiальной политики, начинаютъ усиленную кампанiю противъ захватныхъ плановъ германскаго имперiализма на счетъ Конго. Но это еще болѣе подливаетъ масла въ огонь, и германскiе имперiалисты начинаютъ съ еще большимъ рвенiемъ отстаивать священныя права Германiи экспропрiировать—во имя принциповъ человѣчности, прогресса, цивилизацiи, наконецъ, въ силу тайнаго договора съ Францiей — бельгiйское Конго. И бельгiйскiе имперiалисты приходятъ къ тому заключенiю, что единственное средство дать отпоръ германскимъ притязанiямъ заключается въ сближенiи съ Францiей и Англiей, соперниками Германiи въ борьбѣ за мiровую гегемонiю.

Не ограничиваясь доказательствомъ правъ Германiи на бельгiйское Конго, нѣмецкая имперiалистическая пресса начинаетъ грозить самой Бельгiи и открыто отвергать принципъ нейтралитета этой страны,—нейтралитета, несовмѣстимаго съ захватной политикой въ Африкѣ. Какъ подчеркивали изо дня въ день нѣкоторые органы германской прессы, Бельгiя, аннексировавшая африканскую область, изъ-за которой ведутъ между собой борьбу мiровыя державы,—борьбу, которая пока ведется дипломатическимъ путемъ, но можетъ кончиться кровавой войной, этимъ самымъ нарушила свой нейтралитетъ и подвергаетъ себя всѣмъ опасностямъ, связаннымъ съ борьбой за раздѣлъ территорiи земного шара (Бернгарди). Такими аргументами германская печать под-

3*

готовляетъ общественное мнѣніе къ перспективѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета германскими войсками и строитъ юридическій фундаментъ, на которомъ воздвигается право Германіи напасть на сосѣднюю страну, жившую съ Германіей въ мирѣ и въ общемъ поддерживавшую самыя дружественныя и довѣрчивыя отношенія съ нѣмецкой имперіей. Съ какимъ довѣріемъ относились даже многіе представители бельгійскаго офиціальнаго міра и бельгійской арміи къ германскому правительству, видно изъ того, что, когда за годъ до войны группа нѣмецкихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ въ Бельгію, выразила желаніе осмотрѣть форты Льежа [1]), ей было дано такое разрѣшеніе. Однако поведеніе нѣкоторыхъ органовъ нѣмецкой прессы, книги Бернгарди и другихъ, возбуждали сильное волненіе въ нѣкоторыхъ кругахъ Бельгіи. Въ апрѣлѣ 1913 г. на засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага одинъ изъ представителей нѣмецкой социалъ-демократической фракціи, указавъ на поведеніе нѣкоторыхъ органовъ нѣмецкой прессы, на слухи, циркулирующіе въ Бельгіи относительно намѣренія Германіи въ случаѣ войны съ Франціей нарушить нейтралитетъ съ Бельгіей, потребовалъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ категорическаго заявленія по этому поводу въ интересахъ добраго имени Германіи. Министръ Яговъ въ отвѣтъ на рѣчь соціалъ-демократическаго депутата сказалъ: «Нейтралитетъ Бельгіи опредѣленъ международными конвенціями и Германія рѣшила уважать эти конвенціи».

Когда одинъ изъ соціалъ-демократовъ, присутствовавшій въ качествѣ члена на засѣданіи бюджетной комиссіи, потребовалъ болѣе ясныхъ и категорическихъ заявленій, замѣтивъ, что онъ не удовлетворенъ этимъ краткимъ отвѣтомъ, Яговъ заявилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ прибавить что-нибудь къ своимъ словамъ.

Едва проходитъ годъ со времени этихъ дебатовъ въ бюджетной комиссіи рейхстага, какъ Германія объявляетъ войну России и Франціи и, нарушая подписанныя ею же международныя конвенціи объ уваженіи къ конвенціямъ, о которомъ такъ лицемѣрно говорилъ Яговъ въ апрѣлѣ 1913 г., врывается въ несчастную Бельгію и предаетъ маленькую нейтральную страну мечу и пожару.

Многіе американскіе, французскіе, швейцарскіе и т. д. военные писатели, какъ напримѣръ, Рейнахъ, полковникъ Лекомтъ и другіе специалисты ставятъ вопросъ, не было ли нарушеніе бельгійскаго нейтралитета крупнѣйшей *военной* ошибкой со стороны германскаго генеральнаго штаба. Принимая во вниманіе техническую неподготовленность Фран-

[1]) **Какъ извѣстно, Льежъ былъ первой крѣпостью, на которую напали германцы, начавъ войну на западномъ фронтѣ.**

цій къ современной войнѣ, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ кампаніи 1914—1915 гг., отсутствіе у французовъ тяжелой артиллеріи, недостатокъ снарядовъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ и т. д., эти военные критики утверждаютъ, что фронтальная атака противъ вогезской границы, произведенная нѣмецкой арміей въ началѣ войны съ такой же энергіей, съ такимъ же колоссальнымъ и невиданнымъ въ міровой исторіи числомъ батальоновъ, съ такимъ же количествомъ тяжелой и средней артиллеріи отъ пушекъ въ 170 до пресловутыхъ орудій въ 420, наконецъ, со всѣмъ этимъ страшнымъ военнымъ аппаратомъ, который обрушился на Бельгію въ началѣ войны — что подобная безпримѣрная по своей напряженности и силѣ атака, направленная противъ вогезской границы, дала бы Германіи болѣе положительные результаты и привела бы нѣмецкую армію подъ стѣны Парижа гораздо раньше, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности, а это имѣло бы серьезныя и крайне неблагопріятныя для противниковъ Германіи послѣдствія на весь дальнѣйшій ходъ событій. Но нѣмецкіе генералы, говорятъ критики, захотѣли маневрировать и въ результатѣ Жоффръ подвелъ ихъ подъ свой «маневръ» и побѣдилъ въ исторической битвѣ на Марнѣ.

Возможно, что съ чисто военной точки зрѣнія нѣмецкій генеральный штабъ совершилъ грубую ошибку, бросившись на Бельгію, потерявъ время на походное движеніе по этой странѣ и навязавъ себѣ вдобавокъ на шею и самую Бельгію и, кромѣ того, Англію. Возможно, что, бросившись на вогезскую границу, нѣмецкія войска легко прорвались бы здѣсь черезъ французскую укрѣпленную зону, ибо исторія съ Верденомъ доказала, что даже на 19-й мѣсяцъ войны эта крѣпость была недостаточно укрѣплена и нѣмцы чуть было не овладѣли ею. Все это возможно и нельзя оспаривать, что всѣ эти указанныя выше соображенія военныхъ критиковъ имѣютъ подъ собой вѣскія основанія. Но несомнѣнно, что нѣмецкій генеральный штабъ принималъ во вниманіе всѣ слабыя и сильныя стороны походнаго движенія черезъ Бельгію и допускалъ возможность вмѣшательства Англіи въ результатѣ нарушенія бельгійскаго нейтралитета.

Но въ данномъ случаѣ нѣмецкая стратегія подчинилась нѣмецкой политикѣ, планамъ германскаго имперіализма. Германія начинала міровую войну, а одной изъ важнѣйшихъ проблемъ міровой политики являлся вопросъ о бельгійскомъ Конго, лежащемъ на перепутьи трансъ-африканскихъ великихъ рельсовыхъ дорогъ будущаго, Конго, богатомъ каучукомъ и, особенно, мѣдными рудниками, имѣющими особенное значеніе для Германіи съ ея безпримѣрно развившейся металлургической индустріей, далеко опередившей желѣзную индустрію всѣхъ другихъ европейскихъ странъ и въ томъ

числѣ Англіи. Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета, оккупація германскими войсками бельгійской территоріи давали возможность нѣмецкимъ имперіалистамъ не только аннексировать часть бельгійской территоріи, но и получить въ случаѣ побѣднаго мира въ обмѣнъ за очищеніе всей остальной Бельгіи колоніи послѣдней на черномъ континентѣ.

Такимъ образомъ, Бельгія оказалась втянутой въ міровую войну не только потому, что она расположена на одной изъ военно-стратегическихъ дорогъ, ведущихъ изъ Берлина въ Парижъ, а и по той причинѣ, по какой оказалась втянутой въ ту же міровую войну крошечная Португалія, лежащая на западномъ побережьѣ Пиренейскаго полуострова, т.-е. совершенно въ сторонѣ отъ театра военныхъ дѣйствій, отъ стратегическихъ дорогъ, по которымъ двигались французскія или нѣмецкія войска; однимъ словомъ, Бельгія была вовлечена въ войну, какъ *міровая* держава, имѣющая важные интересы на черномъ континентѣ, борьба за раздѣлъ котораго явилась одной изъ причинъ нынѣшней войны.

ЛАВА ТРЕТЬЯ

Марокkская авантюра и колоніальная эпопея Третьей республики наканунѣ войны.

§ 1. Французскій имперіализмъ.

«Французскій имперіализмъ! Это сочетаніе словъ можетъ показаться неподходящимъ многимъ читателямъ. Мы привыкли говорить: «нѣмецкій имперіализмъ», «англійскій имперіализмъ», «русскій имперіализмъ», но не употребляемъ этого выраженія, говоря о внѣшней политикѣ Франціи», писали мы въ 1911 г. «Между тѣмъ за послѣднія тридцать лѣтъ ни одно государство не развивалось такъ быстро въ территоріальномъ отношеніи, какъ Франція». За объявленіемъ французскаго протектората надъ Тунисомъ послѣдовало завоеваніе Тонкина, аннексія Аннама и Камбоджи, овладѣніе Мадагаскаромъ, захватъ Конго, присоединеніе безграничныхъ территорій въ Западной Африкѣ. Такимъ образомъ, на мѣсто маленькой Франціи 1871 г. протяженіемъ въ 576.608 кв. килом. создалась обширная имперія, располагающая территоріей въ 11.000.000 кв. килом., съ населеніемъ въ 80.000.000 душъ. И понятно, что всѣ эти территоріи не были добыты мирнымъ дипломатическимъ путемъ. Были годы, когда буквально дня не проходило, чтобы французскія войска въ томъ или другомъ мѣстѣ не сражались противъ туземцевъ, защищавшихъ независимость своей страны

противъ республиканскихъ наемниковъ. Такъ, чтобы не заходить далеко, въ одномъ только 1908 г. въ Мавританіи [1]) французскія войска выдержали 125 сраженій, при чемъ въ пятнадцати случаяхъ потерпѣли пораженія. Въ томъ же самомъ году французы одержали рядъ «блестящихъ» побѣдъ въ территоріи Чада въ пресловутомъ Уадаѣ, о которомъ столько писалось во французской колоніальной прессѣ. Такъ, по французскимъ офиціальнымъ даннымъ, «въ сраженіи при Эль-Садети (іюнь 1908) непріятельская армія силой въ 10.000 человѣкъ оставила на полѣ брани 2.000 человѣкъ убитыми. Весь лагерь и 24 знамени достались намъ» [2]). Но не только въ Западной Африкѣ происходило это грозное наступательное шествіе французскихъ батальоновъ, сопровождавшееся убійствами сотенъ и тысячъ туземцевъ и сожженіемъ ихъ бѣдныхъ лачужекъ, всего ихъ добра. Въ томъ же 1908 г. 7 сентября «французскій отрядъ, состоявшій изъ 13 стрѣлковыхъ ротъ, двухъ батальоновъ иностраннаго легіона, пяти эскадроновъ и т. д. въ составѣ 5.000 человѣкъ, въ сраженіи при Бу-Денибѣ, на алжиро-марокской границѣ, разбилъ на-голову 20-тысячную непріятельскую армію, послѣ нѣсколькихъ часовъ боя».

Итакъ, изъ года въ годъ тянется эта кровавая эпопея, которая во французской литературѣ вызываетъ ужасъ и отвращеніе у однихъ, пробужденіе атавистическихъ инстинктовъ, крики торжества и дикое улюлюканіе у другихъ.

Понятно, что эта эпопея имѣетъ уже своихъ героевъ, погибшихъ тамъ, въ глубинѣ Африки, во славу французскаго оружія. Создалась уже цѣлая литература, публицистическая, беллетристическая и т. д., посвященная описанію и прославленію какъ подвиговъ французскихъ войскъ, такъ, въ особенности, отдѣльныхъ жертвъ разныхъ «катастрофъ» въ глубинѣ чернаго материка. Виконтъ Е. М. Вогюэ въ «Les routes», Баратье въ «A travers l'Afrique», Ланфанъ въ «La Grande route», наконецъ, Поль Адамъ въ только что вышедшемъ романѣ «La ville inconnue», съ большимъ или меньшимъ талантовъ и увлеченіемъ воспѣваютъ африканскую Иліаду современной Франціи, прославляя погибшихъ героевъ.

У Баратье (въ «La mort d' un heros» въ «Les préludes de la colonne», въ «L'Honneur des Noirs», въ «La forét vierge», въ «Le Sphinx» и т. д.) на ряду съ описаніемъ кровавыхъ, безпощадныхъ сраженій и побѣднаго шествія французскихъ отрядовъ, встрѣчаете яркія, проникнутыя любовью къ природѣ, картины африканскихъ красотъ, могучихъ рѣкъ съ

---

[1]) Мавританія—одна изъ шести провинцій, образующихъ вмѣстѣ такъ называемую „l'Afrique Occidentale". Населеніе Мавританіи 220.000 жителей.

[2]) „Bulletin du comité de l'Afrique Occidentale française". Novembre. 1908.

ихъ берегами, населенными неизвѣстными племенами, дѣвственныхъ лѣсовъ съ ихъ тропической растительностью, звѣзднаго неба въ Суданѣ въ душную ночь,—картины, въ которыхъ проявляется такая острая зрительная память и воспріимчивость автора, что когда откладываешь книгу въ сторону, эти образы надолго остаются въ зачарованномъ мозгу.

Изъ послѣднихъ произведеній этой эпической литературы, посвященной прославленію періода, предшествовавшаго міровой войнѣ, особенное вниманіе опредѣленныхъ круговъ Франціи обратилъ на себя новый романъ Поля Адама «La ville inconnue». Передъ нами встаютъ походныя картины пестрой арміи, въ которой вмѣстѣ съ бѣлыми войсками шествуютъ союзные арабы племени улэдъ-слиманъ и сенегальцы расы бомбара, безстрашные, дисциплинированные, неутомимые, выносливые вояки, солдаты по ремеслу, солдаты по крови, единственные въ современной французской арміи, напоминающіе, по словамъ знатоковъ военной исторіи, знаменитыхъ «ворчуновъ», старыхъ закаленныхъ въ бояхъ солдатъ первой имперіи. Среди европейцевъ мы видимъ то же различіе расъ, характеровъ и темпераментовъ. Тутъ и Сильвенъ де Реттель, предки котораго со временъ Крестовыхъ походовъ не разъ высаживались на африканской территоріи, командовали королевскими галерами и взяли Алжиръ, и Кампіонъ, бѣдный капитанъ, который подъ африканскимъ небомъ и непріятельскими пулями добываетъ средства къ существованію своей женѣ и дѣтямъ, ожидающимъ его въ Тулонѣ. Тутъ и старшій вахмистръ Мэри, бывшій когда-то членомъ анархо-синдикалистской Конфедераціи труда, перешедшій въ африканскіе батальоны, чтобы не быть вынужденнымъ въ день стачки стрѣлять въ своихъ товарищей, тутъ и офицеръ-геологъ, разыскивающій копи и надѣющійся когда-нибудь разбогатѣть. Тутъ и эльзасскій еврей, замѣчательный филологъ, который подъ непріятельскими пулями продолжаетъ въ экваторіальной Африкѣ свои лингвистическія изслѣдованія. Но у всѣхъ этихъ людей, столь непохожихъ другъ на друга, прорывается одно, общее имъ всѣмъ, темное и могучее чувство. Ихъ всѣхъ влечетъ впередъ жажда опасности, стремленіе къ приключеніямъ, духъ авантюры. Но вмѣстѣ съ этимъ духомъ авантюры и подъ вліяніемъ его рождаются представленія о цивилизаторской миссіи. Достаточно имъ встрѣтиться съ проявленіями звѣрства у враждебныхъ негрскихъ племенъ, и анархистъ Мэри восклицаетъ, выражая идею автора: «Нужно преслѣдовать эти дикія племена». И на острее солдатскихъ штыковъ этотъ анархистъ Поля Адама вноситъ цивилизацію въ дикую Африку. Является своеобразный энтузіазмъ, вѣра въ конечное великое значеніе своей миссіи, готовность на жертвы. Тамъ, въ Парижѣ,

сидятъ карьеристы, темные дѣльцы, бандиты, которые по мѣрѣ возможности воспользуются ихъ героизмомъ въ своихъ личныхъ интересахъ. Но наши африканцы не думаютъ объ этомъ, ихъ не безпокоятъ такія соображенія. Влекомые таинственнымъ инстинктомъ, преданные какъ бы какой-то мистической идеѣ, они, какъ пчелы, совершаютъ свое дѣло, глядя въ лицо смерти и умирая безъ страха.

Въ такомъ духѣ рисуютъ французскіе художники психологическіе мотивы великой колоніальной эпопеи III Республики. Но какими соображеніями, какими своекорыстными интересами руководятся въ своей дѣятельности тѣ, сидящіе тамъ въ Парижѣ темные дѣльцы, бандиты, которые держатъ въ своихъ рукахъ всѣ пружины внѣшней и внутренней политики своей страны и направляютъ свои непобѣдимые батальоны то противъ рабочихъ en grève, то противъ африканскихъ дикарей, не желающихъ сразу признать всѣ прелести европейскаго режима и безъ боя подчиниться великой Франціи? На этотъ вопросъ французскіе беллетристы не даютъ никакого отвѣта, да и не ставятъ его. Посмотримъ, какъ ставится и разрѣшается этотъ вопросъ во французской публицистикѣ, въ безчисленныхъ журнальныхъ статьяхъ и сотняхъ книгъ, посвященныхъ колоніальной политикѣ Франціи.

§ 2. Буржуазныя теоріи о значеніи колоніальной политики для Франціи.

II.

Если резюмировать взгляды теоретиковъ современнаго плебейскаго имперіализма III Республики на сущность и движущіе мотивы великой колоніальной эпопеи послѣднихъ десятилѣтій, мы придемъ къ заключенію, что три основныхъ элемента лежатъ въ основѣ лихорадочной завоевательной политики Франціи, ея ненасытной погони за новыми и новыми землями. Это, во-первыхъ, стремленіе націи найти резервуаръ, который могъ бы поглотить избыточное населеніе, не находящее себѣ поприща дѣятельности на родинѣ, во-вторыхъ, военно-стратегическія соображенія, стремленіе увеличить населеніе французской имперіи, чтобы изъ воинственныхъ арабскихъ, кабильскихъ и, главнымъ образомъ, негрскихъ племенъ составить многочисленныя регулярныя войска, которыя не только могли бы защищать колоніи Франціи отъ внѣшняго врага, но и оказывать поддержку войскамъ метрополіи въ случаѣ столкновенія съ Германіей. Наконецъ, въ-третьихъ, желѣзные законы промышленнаго развитія, которые побуждаютъ всякую страну, стремящуюся сохранить свое положеніе на міровомъ рынкѣ, къ завоеванію

новыхъ территорій, для сбыта туда, *подъ защитой охранительныхъ пошлинъ*, фабрикатовъ отечественной индустріи.

Въ качествѣ мѣстъ для французской колонизаціи завоеванныя Франціей территоріи ничуть не оправдали тѣхъ надеждъ, которыми увлекались оптимисты. Въ 1906 г. въ Алжирѣ насчитывалось 615.618 европейцевъ, въ томъ числѣ французовъ 278.976, т.-е. 45% европейскаго населенія. На основаніи данныхъ за послѣднія десятилѣтія П. Леруа Болье недавно высчиталъ, что въ 1930 г., т.-е. черезъ столѣтіе послѣ того, какъ французскій флагъ поднялся надъ Алжиромъ, въ этой старой и самой близкой къ Франціи колоніи будетъ насчитываться 750—780 тысячъ европейцевъ на 5½ милліоновъ туземцевъ-мусульманъ. Слѣдуетъ прибавить, что среди этихъ 750 тысячъ европейцевъ преобладающую массу составятъ иностранцы не-французскаго происхожденія, главнымъ образомъ, испанцы, которые теперь уже по численности преобладаютъ въ провинціи Оранъ, затѣмъ итальянцы и т. д. Если мы обратимся ко второй французской колоніи на сѣверѣ Африки, именно къ Тунису, мы увидимъ, что здѣсь результаты 30-лѣтняго господства Франціи оказались для нея еще болѣе мизерными. Въ 1906 г. въ Тунисѣ на два милліона туземнаго населенія было 25.000 французовъ (не считая оккупаціонныхъ войскъ) и 70.000 итальянцевъ. И здѣсь, *въ Тунисѣ, пропорція съ каждымъ годомъ растетъ въ пользу итальянцевъ, какъ растетъ въ Алжирѣ въ пользу испанцевъ*.

Если оставить въ сторонѣ Алжиръ и Тунисъ, относительно всѣхъ остальныхъ колоній (Мадагаскара, Индо-Китая, Экваторіальной Африки и т. д.) тѣмъ болѣе приходится сказать, что онѣ *абсолютно никакого значенія для французской эмиграціи не имѣютъ* и не могутъ имѣть. Какъ показала тщательная анкета, произведенная комитетомъ Дюплекса, за исключеніемъ Туниса и Алжира, всѣ остальныя французскія владѣнія отличаются климатомъ, крайне нездоровымъ для европейцевъ. Въ этихъ областяхъ бѣлые не способны къ продолжительному труду, къ болѣе или менѣе длительному напряженію. Кромѣ того, естественныя богатства всѣхъ этихъ владѣній крайне преувеличены» [1]).

Отсутствіе прироста населенія во Франціи, обусловливающее ежегодное относительное, по сравненію съ Германіей, уменьшеніе числа новобранцевъ, давно безпокоило правящіе круги страны. Нынѣшній военный министръ Мессими, въ бытность свою въ 1908 г. докладчикомъ по военному бюджету, представилъ проектъ введенія всеобщей воинской

---

[1]) „Doit on aller aux colonies“ par Doucet. Enquete du comité Dupleix auprès des gouverneurs, colons, commercants etc).

повинности въ Алжирѣ, гдѣ до сихъ поръ туземцы служили во французской арміи лишь въ качествѣ наемныхъ волонтеровъ. Но идея организаціи сильной арміи изъ арабовъ вызвала необычайное волненіе въ Алжирѣ. Прежде всего заявили протестъ сами французскіе колонисты, считавшіе безуміемъ обучить военному дѣлу и вооружить сотни тысячъ арабовъ, съ трудомъ переносящихъ французское господство. Болѣе того, нѣкоторые французскіе алжирцы постарались всякими путями взбудоражить само мусульманское населеніе Алжира, и когда правительство приступило къ переписи съ цѣлью опредѣленія числа молодыхъ людей, способныхъ носить оружіе, во многихъ мѣстностяхъ возникли серьезные безпорядки, при чемъ арабскія женщины кричали: «Вы отняли у насъ всѣ наши земли, все наше имущество, теперь хотите отнять нашихъ мужей, сыновей и братьевъ».

Такимъ образомъ идея организаціи многочисленной арміи изъ алжирскихъ туземцевъ потерпѣла фіаско. Въ томъ же 1908 г. полковникъ Манженъ [1]) выступилъ съ идеей организаціи «черной арміи» изъ сенегальскихъ и суданскихъ негровъ. Этотъ проектъ встрѣтилъ полное сочувствіе какъ въ правящихъ кругахъ метрополіи, такъ и среди французскаго населенія Алжира. Организація многочисленныхъ черныхъ батальоновъ, значительную часть которыхъ можно было бы держать въ качествѣ противовѣса, сдѣлала бы безопаснымъ введеніе въ Алжирѣ всеобщей воинской повинности среди арабовъ и кабиловъ, которыхъ въ случаѣ бунта можно было бы смирить съ помощью негрскихъ полковъ, и въ результатѣ дала бы возможность правящимъ классамъ Франціи спокойно относиться къ уменьшенію прироста населенія въ метрополіи и безъ страха глядѣть на будущее, на ежегодное увеличеніе числа новобранцевъ въ Германіи по сравненію съ Франціей и на то обстоятельство, что первая могла мобилизовать на 1.250.000 человѣкъ больше, чѣмъ вторая.

Таковы радужныя мечты, которыя въ умѣ французскаго империалиста возникаютъ при мысли о черныхъ батальонахъ. Понятно далѣе, какія услуги правящимъ классамъ Франціи могла бы оказать армія, состоящая изъ черныхъ солдатъ, пьянѣющихъ въ моментъ боя [2]), съ наслажденіемъ идущихъ противъ своихъ и чужихъ, не знающихъ никого, кромѣ своихъ начальниковъ. Однако, при объективномъ изученіи

---

[1]) См. его книгу „La force noire" и рядъ статей въ „Revue de Paris" за 1909, 1911. Особенную тревогу вызвалъ проектъ Манжена въ Германіи, гдѣ шовинистическая пресса посвятила сотни статей вопросу о „черной арміи" (см. хотя бы „Die Poste" 8, 9 Juillet 1911).

[2]) Какъ разсказываетъ съ умиленіемъ спеціальный корреспондентъ газеты „Le Matin" (9 Aout 1911), во время сраженій при замиреніи Шауйа приходилось три раза подъ рядъ командовать „прекратите огонь", прежде чѣмъ удавалось заставить негровъ остановить стрѣльбу.

вопроса. ясно, что организовать многочисленную армію изъ негровъ французской буржуазіи едва ли удастся [1].

Самый главный аргументъ, на который ссылаются имперіалисты въ защиту завоевательной колоніальной политики, заключается въ великомъ экономическомъ значеніи колоній въ качествѣ *важнѣйшаго рынка для сбыта товаровъ*, производимыхъ фабриками и заводами метрополіи. Мы встрѣчаемся съ этимъ аргументомъ не только въ многочисленныхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ и въ толстыхъ книгахъ, въ рѣчахъ министровъ и въ палатѣ депутатовъ и сенатѣ, но даже и въ торжественныхъ рѣчахъ президентовъ республики во время ихъ поѣздокъ въ ту или другую колонію (посѣщеніе Алжира президентомъ Лубэ въ 1903 г., Туниса Фальеромъ въ 1911). И во всѣхъ этихъ статьяхъ и книгахъ, рѣчахъ министровъ и президентовъ Франціи о внѣшней колоніальной торговлѣ мы встрѣчаемъ однѣ и тѣ же вздутыя цифры, однѣ и тѣ же явно фальсифицированныя данныя, одну и ту же ложную отъ начала до конца статистику.

Всѣ разсказы и офиціальные доклады о поразительно быстромъ развитіи *колоніальной* торговли Франціи, о великомъ значеніи для ея промышленности завоеванныхъ территорій представляютъ собою ту офиціальную лживую «исторію» [2], которая имѣетъ мало общаго съ дѣйствительностью и пишется спеціально для торжества опредѣленнаго дѣла, ad usum Delphini, или ad usum populi въ примѣненіи къ великой французской демократіи [3].

Если бы колоніи дѣйствительно играли такую колоссальную роль въ развитіи современнаго капитализма и являлись его главной питательной артеріей, въ такомъ случаѣ судьба многихъ государствъ была бы иная, чѣмъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Богатѣйшія колоніальныя владѣнія не помѣшали Испаніи снизойти до состоянія самой отсталой промышленной страны въ Европѣ, и наоборотъ, *почти полное*

---

[1]) Опытъ войны 1914—1917 г., подтвердилъ тѣ предположенія относительно созданія многочисленной негрской арміи, которыя мы высказывали до войны. Попытки набрать въ Африкѣ 200 или 300 тысячъ черныхъ солдатъ, какъ мечтали нѣкоторые поклонники „черной арміи“, закончились фіаско. Наборъ 50.000 человѣкъ въ западной Африкѣ вызвалъ возстаніе, которое въ концѣ 1915 г. приняло, по словамъ губернатора этой области, огромные размѣры („Journal Officiel de l'Afrique Occidentale“. Janvier 1917).

[2]) Такую же ложь представляли утвержденія нашихъ нововременскихъ имперіалистовъ относительно крайней важности Монголіи для русскихъ торговыхъ интересовъ. См. объ этомъ нашу статью: „Россійское купечество и русско-китайскій конфликтъ“. „Наша Заря“. 1911, № 4.

[3]) Это не отрицаетъ того положенія, что французская внѣшняя торговля въ XX столѣтіи развивалась довольно быстро, но это развитіе совершилось, главнымъ образомъ, благодаря усиленію товаро-оборота Франціи съ Германіей, Англіей, Бельгіей и другими промышленными странами, а не благодаря расширенію французской колоніальной имперіи.

отсутствіе цѣнныхъ колоніальныхъ владѣній не воспрепятствовало Германіи сдѣлаться величайшей индустріальной державой въ мірѣ, съ чудовищной быстротой превратившейся въ первоклассное капиталистическое государство. Кто не знаетъ, что Германія повсюду успѣшно боролась одинъ-на-одинъ съ Англіей, вырывая у послѣдней міровую гегемонію, что она далеко опередила Францію, которая нѣкогда по оборотамъ своей торговли занимала второе мѣсто, а нынѣ занимаетъ пятое и стоитъ позади маленькой Голландіи. Ни одна держава въ мірѣ не присоединила за послѣднія тридцать лѣтъ столько новыхъ территорій къ своимъ владѣніямъ, какъ Франція, и все же послѣдняя развивалась гораздо медленнѣе, чѣмъ Германія. Въ теченіе періода II имперіи Франція по ускоренному темпу своего промышленнаго развитія шла впереди остальныхъ странъ, но въ теченіе періода Третьей Республики Франція сильно отстала. Франція шла впереди всѣхъ остальныхъ странъ въ успѣшной колоніальной политикѣ, въ захватѣ все новыхъ и новыхъ территорій, опередивъ въ этомъ отношеніи даже Англію, а позади всѣхъ въ развитіи мореходства, желѣзнодорожнаго транзита, оборудованія портовъ, рѣчныхъ системъ, каналовъ, и это сильно задерживало развитіе производительныхъ силъ Франціи, несмотря на ея колоссальныя подпочвенныя богатства, благопріятный климатъ и удобное географическое положеніе.

Когда нѣкоторые вульгаризаторы экономическаго матеріализма заодно съ буржуазными учеными въ родѣ Рене Пинона и Ганото и имперіалистами въ родѣ Чемберлена, Биконсфильда, Криспи, Жюля Греви и т. д. говорятъ намъ, будто современная индустрія не можетъ существовать безъ колоній, которыя являются де главной питательной артеріей для капитализма, они совершаютъ — одни безсознательно, другіе же, такъ сказать, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ—подстановку словъ и понятій, придавая колоніальной торговлѣ то значеніе, какое имѣетъ вообще внѣшняя торговля.

Можно ли представить себѣ современную Германію съ ея гигантской, лихорадочно развивающейся индустріей, съ ея великими портовыми городами Гамбургомъ и Бременомъ безъ внѣшней заморской торговли, которая ежегодно оцѣнивается въ милліардахъ марокъ? Конечно, нѣтъ.

И въ это время однимъ изъ важнѣйшихъ условій, содѣйствовавшихъ поразительно быстрому росту нѣмецкой промышленности, является именно бѣдность Германіи колоніями. По вычисленіямъ «Vorwärts» и другихъ нѣмецкихъ газетъ, всѣ расходы на колоніальныя германскія владѣнія обошлись за время съ 1885 по 1907 г. въ 1.536.100.723 марокъ, между тѣмъ весь торговый оборотъ Германіи съ колоніями за пе-

ріодъ отъ 1885 до 1904 г. равнялся 318 милл. марокъ. Въ 1905 г. оборотъ всей внѣшней нѣмецкой торговли съ колоніями равнялся 64 милл. марокъ, между тѣмъ вся внѣшняя торговля Германіи въ томъ же году—13.270.000.000 марокъ; такимъ образомъ, колоніальная торговля Германіи равняется приблизительно $^1/_{200}$ части общей суммы оборотовъ ея внѣшней торговли.

Гораздо значительнѣе торговые обороты Франціи съ ея колоніями, но, чтобы опредѣлить, какую роль въ экономическомъ развитіи Франціи играетъ колоніальная торговля, нужно вычислить, сколько стоило Франціи завоеваніе ея колоній, какъ отзывались на покупательной силѣ собственно французскаго рынка, на обѣднѣніи ея крестьянства и пролетаріата, на общей отсталости страны въ индустріальномъ отношеніи колоссальные расходы, связанные съ агрессивной колоніальной политикой, съ великой завоевательной эпопеей Третьей Республики.

Что же побуждаетъ современную Францію вести столь энергичную колоніальную политику, каждый разъ грозящую странѣ опасными международными осложненіями, чуть было не вызвавшую во время инцидента при Фашодѣ войну съ Англіей и затѣмъ въ 1905 г. съ Германіей, гдѣ нужно искать основныя пружины этой авантюристической и столь гибельной для промышленнаго развитія страны лихорадочной погони за новыми и новыми территоріями?

§ 3. Колоніи какъ рынокъ для сбыта чиновниковъ.

До 1871 г. особенно въ эпоху II Имперіи Франція играла доминирующую роль въ Европѣ и всѣми силами старалась сохранить свою гегемонію на континентѣ. Но послѣ того, какъ вмѣстѣ съ страшнымъ разгромомъ 1871 г. для нея поневолѣ кончилась эра авантюръ въ самой Европѣ, энергія воинствующихъ «гусарскихъ» элементовъ страны направилась въ сторону Африки и Азіи. Агрессивная колоніальная политика и плебейскій имперіализмъ на мѣсто имперіализма бонапартистскаго явились *блестящимъ средствомъ съ одной стороны загладить позоръ внѣшнихъ пораженій и снова поднять престижъ Франціи*, съ другой — удовлетворить аппетитамъ тѣхъ элементовъ, въ поддержкѣ которыхъ такъ нуждалась республиканская буржуазія.

Осуществленіе грандіозныхъ африканскихъ и азіатскихъ плановъ Франціи началось въ 1878 г. сейчасъ послѣ берлинскаго конгресса. Именно на этомъ историческомъ конгрессѣ Бисмаркъ, желавшій отвлечь вниманіе французовъ отъ «расщелины въ Вогезахъ» (la trouée des Voges), оказалъ серьезную поддержку французскимъ дипломатамъ въ осу-

ществленіи ихъ плановъ. «Никто не былъ болѣе счастливъ, чѣмъ онъ, — говоритъ извѣстный писатель Эрнестъ Лемононъ, — видѣть наши войска удаляющимися изъ Европы, чтобы водрузить наше знамя гдѣ-нибудь въ пескахъ Африки или въ Индо-Китаѣ» [1]).

Очень важнымъ моментомъ въ исторіи французской колоніальной эпопеи былъ періодъ пресловутаго дѣла Дрейфуса, и въ особенности годы, непосредственно слѣдовавшіе за окончаніемъ этого дѣла, нанесшаго страшный, казалось, непоправимый ударъ военщинѣ. Не имѣя возможности въ виду условій новаго времени итти на какія бы то ни было уступки притязаніямъ военщины внутри страны, вынужденная порой примѣнять скрытое осадное положеніе по отношенію къ самой арміи (какъ это было послѣ дѣла Дрейфуса, когда во всѣхъ полкахъ была введена пресловутая система— «fiches»—надзора со стороны франкмасонскихъ ложъ за подозрительными офицерами), буржуазія тѣмъ охотнѣе шла на уступки гусарскимъ элементамъ арміи въ области внѣшней политики. Только въ 1900 г. кончается дѣло Дрейфуса, а уже въ 1901 г. французы, опираясь на права, предоставленныя имъ договоромъ 1845 г., заключеннымъ послѣ побѣды при Исли, заставляютъ марокккскаго султана подписать протоколъ относительно полицейской охраны и торговли въ областяхъ, прилегающихъ къ французскимъ владѣніямъ. Этотъ договоръ 20 іюля 1901 года является базой современной французской политики въ Марокко. Съ этого времени Марокккская имперія становится главной точкой приложенія дипломатической и военной энергіи Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжается съ удвоенной силой завоевательная политика въ Центральной и Западной Африкѣ. Тагитъ (августъ 1903 г.), Эль Мунгиръ (сент. 1903 г.), Фигитъ, Уджа, Казабланка, Танжеръ, Бу-Денибъ (сент. 1908), Фецъ и т. д., въ Сѣверной Африкѣ, Арада, Эль-Садетти, Амъ-Тиманъ и т. д., въ Центральной—*вотъ пункты, гдѣ военщина Франціи получила свой реваншъ за пораженія въ дѣлѣ Дрейфуса, вотъ мѣста сраженій и кровавыхъ боенъ, гдѣ получили возможность проявить свою ищущую выхода энергію храбрые «гусары» и вообще безпокойные элементы арміи, мечтавшіе порой о походѣ на Елисейскій дворецъ*, совершавшіе подъ пьяную руку крайне неприличныя демонстраціи передъ статуями Республики, какъ это сдѣлала въ одномъ изъ южныхъ городовъ группа офицеровъ въ видѣ протеста противъ пересмотра дѣла Дрейфуса.

На ряду съ военщиной и всей системой милитаризма колоссальную роль въ созданіи и развитіи колоніальной

---

[1]) „L'Europe et la politique britanique" par Ernest Lemonon, см. стр. 85. Paris. 1910.

эпопеи плебейскаго имперіализма играетъ бюрократическій характеръ французскаго государства.

На Индійскомъ океанѣ лежитъ маленькій островъ Майоттъ. На этомъ островкѣ имѣется всего 11 т. жителей, тѣмъ не менѣе республика назначаетъ сюда чиновниковъ всѣхъ ранговъ и вѣдомствъ, въ томъ числѣ и судебнаго. Но судьямъ нечего дѣлать, и они большую часть времени проводятъ въ отпуску. И вотъ, какъ разсказываетъ сенаторъ Эмберъ, главный правитель острова именемъ республики издаетъ порой такого рода декреты:

„Господинъ Г, *канцелярскій служитель*, назначенъ исправляющимъ должность прокурора республики и начальникомъ судебнаго вѣдомства острова Майоттъ въ замѣщеніе г. Р., находящагося во временномъ отпуску".

„Господинъ А, *контръ-метръ 3-го класса* общественныхъ работъ, назначенъ исправляющимъ должность президента судебнаго трибунала первой инстанціи острова Майоттъ" [1]).

Чинамъ судебнаго вѣдомства и другимъ высшимъ бюрократамъ буквально нечего дѣлать на островѣ, и они предпочитаютъ получать свои оклады, проводя большую часть года внѣ мѣста службы. Островокъ Майоттъ съ населеніемъ въ 11 тысячъ жителей, съ его громаднымъ штатомъ никому не нужныхъ чиновниковъ, пожирающихъ весь бюджетъ колоніи, какъ капля, отражающая солнце, даетъ намъ яркое представленіе о нѣкоторыхъ, притомъ самыхъ безобидныхъ сторонахъ бюрократической системы, царящей во всей остальной французской колоніальной имперіи.

Такимъ образомъ, *одна изъ основныхъ цѣлей французской колоніальной политики заключается въ увеличеніи числа доходныхъ бюрократическихъ мѣстечекъ*. Однимъ изъ первыхъ актовъ французскаго правительства сейчасъ же послѣ завоеванія Мадагаскара была отправка на островъ цѣлаго отряда чиновниковъ. Раненые и больные тяжкой экспедиціей 1895 г. еще заполняли военные госпитали, а уже 30 дек. того же года правительство французское утвердило въ Тананаривѣ апелляціонный судъ, назначило его членовъ, не зная еще, какое законодательство будетъ введено на островѣ: французское или мѣстное. Были назначены также инспекторы французскихъ школъ, хотя еще не было ни одной школы.

И этотъ бюрократическій характеръ всей французской колоніальной политики не только не ослабѣлъ за послѣднее десятилѣтіе, но, наоборотъ, съ каждымъ годомъ все болѣе обострялся. Наконецъ, зло приняло столь рѣзкія формы, что начало волновать даже правящіе круги Франціи. Извѣстно, какой протестъ въ колоніальной прессѣ вызвалъ докладъ

---

[1]) Charles Humbert, senateur, Les Frances lointaines. La grande Revue. 10 Juillet. 1909.

Віолетта въ палатѣ депутатовъ о колоніальномъ бюджетѣ на 1911 г. Характеризуя положеніе вещей въ Экваторіальной Африкѣ, Віолеттъ указываетъ, что главной причиной бѣдственнаго состоянія этой колоніи является «чрезмѣрное развитіе чиновничества» (un développement exagéré du fonctionnarisme). Эта колонія даетъ каждый годъ дефицитъ: 876.000 фр. въ 1906 г.; 420.000 фр. въ 1907 г., 700.000 фр. въ 1908 г., 881.000 фр. въ 1909 г. [1]). Между тѣмъ, начиная съ 1895 г. метрополія предоставила въ распоряженіе этой колоніи 100 милл. фр. Куда же идутъ всѣ эти милліоны, которые стоили столько крови и пота французскому крестьянству и пролетаріату? На проведеніе какой-нибудь ненужной желѣзной дороги, которая ляжетъ надолго бременемъ на французскій бюджетъ, на содержаніе арміи лишнихъ чиновниковъ, которымъ нѣтъ уже мѣста во Франціи [2]). И многіе изъ африканскихъ чиновниковъ получаютъ огромные оклады, которые ежегодно возрастаютъ, несмотря на тяжкое финансовое положеніе управляемой ими колоніи.

Любопытно отмѣтить, изъ кого выбираются чиновники для управленія какой-нибудь мало извѣстной африканской колоніи, на кого возлагается священная миссія цивилизовать дикихъ негровъ и пріобщать ихъ къ высшей культурѣ. Среди нынѣшнихъ правителей Африки мы находимъ одного бывшаго часовыхъ дѣлъ мастера, одного профессора музыки, одного декоратора, одного помощника нотаріуса, наконецъ, даже одного секретаря биржи труда въ Каркасонѣ. Все это, конечно, представители очень почтенныхъ профессій, однако, занимаясь ими, будущіе администраторы едва ли готовились къ колоніальной карьерѣ, къ насажденію цивилизаціи въ полудикой Африкѣ. Все это люди, которымъ не повезло въ жизни или которымъ попросту захотѣлось сдѣлаться во что бы то ни стало чиновниками съ установленнымъ жалованьемъ и обезпеченной на старость пенсіей.

Всякаго рода авантюристы или попросту искатели теплыхъ мѣстечекъ шли на новыя земли бросать сѣмена

---

[1]) № 376. Chambe des Députés. Budget general de l'exercice. 1911 Budgets locaux des colonies. par M. Maurice Violette. Paris. 1910.

[2]) До 1907 г. не было извѣстно ни точное число французскихъ чиновниковъ, ни сколько они стоятъ странѣ. Только съ 1907 г. правительство стало печатать въ докладѣ о бюджетѣ данныя о числѣ чиновниковъ. Къ 1-му янв. 1909 г. на службѣ у государства (не считая штатовъ министерства военнаго, морского и колоній) считалось 430.992 чиновниковъ, на службѣ департаментской и коммунальной 271.001. По приблизительному расчету Демартіала, президента первой федераціи чиновниковъ, только 300.000 человѣкъ изъ этой страшной бюрократической арміи, объ окладахъ которыхъ имѣются болѣе точныя свѣдѣнія, должны были получить въ 1911 г. 660 милліоновъ жалованья. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что вся армія чиновниковъ стоитъ ежегодно странѣ болѣе *милліарда* франковъ. „Le Matin". 20. Dec. 1910).

французской цивилизаціи, не имѣя никакого понятія ни объ языкѣ несчастныхъ туземцевъ [1]), судьбами которыхъ они брались распоряжаться, ни объ ихъ обычаяхъ, нравахъ, земельномъ устройствѣ и всемъ строѣ жизни, слагавшемся въ теченіе тысячелѣтій, который эти пришельцы собирались измѣнить въ одинъ день путемъ канцелярскихъ декретовъ и циркуляровъ.

И это было бы еще полбѣды. Сколько среди этихъ, казалось, незлобивыхъ людишекъ, прожившихъ до того во Франціи всю свою жизнь спокойно, не сдѣлавъ никому вреда, оказалось вдругъ безчеловѣчныхъ изверговъ, проявившихъ всѣ темныя стороны своей натуры, какъ только въ ихъ власти очутилась безправная негритянская масса, надъ которой они могли измываться, сколько ихъ душѣ было угодно. Знаменитый процессъ Гуда и Токе (1905 г.), двухъ колоніальныхъ администраторовъ, которые взрывали на воздухъ провинившихся въ какомъ-либо пустякѣ негровъ, подкладывая подъ нихъ динамитные патроны, и затѣмъ заставляли другихъ пить бульонъ изъ мертвыхъ головъ ихъ замученныхъ и убитыхъ соплеменниковъ, или захватывали всѣхъ женщинъ и дѣтей какой-нибудь деревни и держали ихъ въ плѣну, не давая имъ ни воды, ни пищи, пока ихъ мужья и отцы не доставляли полностью всей наложенной на данную деревню натуральной повинности, что часто заканчивалось гибелью несчастныхъ женщинъ и дѣтей послѣ страшныхъ дней, проведенныхъ въ маленькихъ душныхъ клѣткахъ — всѣ эти ужасы, обнаруженные миссіей Брацца, лишь чуточку приподняли завѣсу, скрывающую отъ непосвященнаго міра всю отвратительную картину, какую представляетъ собой цивилизаторская дѣятельность Франціи [2]), какъ и другихъ капиталистическихъ странъ среди низшихъ расъ. Но весь ужасъ колоніальной политики заключается не въ звѣрствахъ и злоупотребленіяхъ отдѣль-

---

[1]) Въ теченіе двухъ лѣтъ въ Индо-Китаѣ туземцы революціонеры печатали по-китайски въ офиціальномъ органѣ, издаваемомъ французскимъ правительствомъ, прокламаціи, призывавшія къ возстанію противъ иноземцевъ и убійству всѣхъ французовъ, и во всей французской администраціи, во всемъ ученомъ мірѣ колоніи не нашлось ни одного человѣка, который замѣтилъ бы это своевременно. Какъ доказалъ Фарженель въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ „l'Echo de Chine“ (Шанхай), въ „Journal Asiatique“ (Парижъ), въ „Royal Asiatic Society“ (Лондонъ) и вызвавшихъ сенсацію въ бюрократическихъ сферахъ Парижа и во всемъ колоніальномъ мірѣ, даже офиціальные синологи оказались далеко не на высотѣ положенія, попросту говоря, не умѣли даже читать по-китайски. Чего же послѣ этого требовать отъ рядовыхъ колоніальныхъ чиновниковъ?

[2]) Гудъ и Токе осуждены уголовнымъ судомъ въ Браццавилѣ (Конго) 23 авг. 1905 г. къ каторжнымъ работамъ на пять лѣтъ. Этотъ процессъ надѣлалъ въ свое время много шума во Франціи, вызвалъ рядъ замѣчательныхъ статей о темныхъ сторонахъ франзузской колоніальной политики (см. ст. Клемансо, Руанэ и др.).

ныхъ личностей, до какихъ предѣловъ ни доходила бы разнузданность ихъ дикихъ инстинктовъ, а въ общемъ характерѣ всей колоніальной системы, которая повсюду покоится исключительно на силѣ штыка и пули, на тюрьмѣ и казняхъ и сводится къ самому безстыдному грабежу туземцевъ, къ расхищенію всѣхъ ихъ земель, къ безграничной эксплуатаціи населенія завоеванныхъ территорій, къ выжиманію человѣческаго пота и крови такими способами, примѣненіе которыхъ вызвало бы возстаніе въ самыхъ отсталыхъ уголкахъ Европы. Извѣстный докладъ бывшаго офицера колоніальной арміи и депутата Винье-д'Октона, который по порученію правительства въ теченіе трехъ лѣтъ (1907—1909) изучалъ положеніе вещей на сѣверо-африканскихъ владѣніяхъ Франціи, въ своей книгѣ «La sueur du Burnous» [1]) показываетъ, что республиканская Франція въ своихъ преступленіяхъ по отношенію къ населенію заморскихъ владѣній не далеко ушла отъ Франціи прошлыхъ вѣковъ и десятилѣтій, отъ Англіи Чемберлена и Керзона, отъ Германіи Петерса, Аренберга, Велана, генерала Тротта и др.

И Экваторіальная Африка отнюдь не представляетъ исключенія въ ряду другихъ французскихъ колоній: говоря объ Индо-Китаѣ, этой самой населенной французской колоніи (16.634.000 жителей въ 1910 г.), которая обошлась Франціи со времени присоединенія Камбоджи (1863), по вычисленіямъ нѣкоторыхъ статистиковъ, въ колоссальную сумму отъ 6 до 8 милліардовъ фр., Віолеттъ замѣчаетъ, что весь общій бюджетъ индо-китайской имперіи пожирается тучей чиновниковъ, оплачиваемыхъ внѣ всякой пропорціи и совершенно безполезныхъ.

Весь этотъ общій бюджетъ (81 милліон. фр. въ 1900) уходитъ главнымъ образомъ на содержаніе 10.000 чиновниковъ, въ числѣ которыхъ имѣется 3.150 европейцевъ. Въ число этихъ 10.000 чиновниковъ не входитъ «страшная армія бюрократовъ, оплачиваемыхъ мѣстными и провинціальными бюджетами (l'armèe formidadle entretenue par les budjets locaux et provinciaux [2]). Въ самомъ дѣлѣ, въ Индо-Китаѣ было въ 1897 г. 2866 европейскихъ чиновниковъ, въ 1902 г. 3777, въ 1906 г. 4390, и, наконецъ, въ 1911 г. 5863 [3]).

Какой тяжестью французскій колоніальный бюджетъ ложится на туземца, видно изъ слѣдующихъ офиціальныхъ данныхъ. Въ Кохинхинѣ каждый плательщикъ податей уплачиваетъ ежегодно прямыхъ налоговъ 16 піастровъ (около 16 рублей). Между тѣмъ, какъ констатируетъ Віолеттъ, нуждающійся туземецъ проживаетъ въ мѣсяцъ всего 1$^1/_4$

---

1) „La sueur du Burnous" par Vigné d'Octon, Paris. 1911.
2) См. цитированный докладъ Віолетта, часть первая, стр. 42.
3) „Bulletin du comité de l'Asie française", Avril, 1911.

піастра, мелкій крестьянинъ — 3 піастра, болѣе состоятельный туземецъ, соотвѣтствующій маленькому французскому рантье — 6 піастровъ [1]). Такимъ образомъ, у преобладающей части населенія (крестьянства) одни *прямые налоги* отнимаютъ болѣе половины ежегодныхъ доходовъ, а у людей болѣе или менѣе состоятельныхъ—почти четверть. Если прибавить сюда таможни, акцизъ на алкоголь, опіумъ, соль, затѣмъ всякаго рода мѣстные, провинціальные, муниципальные поборы, мы получимъ представленіе о томъ невыносимо-тяжеломъ бремени, которое лежитъ на туземцахъ и которое, по словамъ Мессими, «ведетъ Францію къ самымъ ужаснымъ авантюрамъ».

Какъ европейцы внѣдряютъ цивилизацію въ «полудикомъ» Индо-Китаѣ, видно изъ слѣдующаго факта, о которомъ впервые разсказалъ въ Палатѣ Депутатовъ Прессансе [2]). Такъ какъ водочная монополія представляетъ собой главный источникъ индо-китайскаго бюджета, было предписано всѣмъ чиновникамъ поощрять туземцевъ къ потребленію алкоголя, попросту говоря, къ пьянству. И случилось то, что резидентъ провинціи Сонъ-Тай, насчитывающей 200.000 жителей, получилъ офиціальную благодарность и повышеніе по службѣ за то, что ему удалось довести потребленіе алкоголя (чистаго) въ своей провинціи до 560.000 литровъ въ годъ. Даже «Le Temps» призналъ, что каждаго туземца принуждали пить какъ можно больше спирту. Когда жители одной деревни заявили своему мандарину, что у нихъ нѣтъ средствъ покупать требуемое количество спирта, мандаринъ отвѣтилъ: «Вы ѣдите три раза въ день рисъ. Ѣшьте рисъ всего одинъ или два раза въ день, и у васъ хватитъ средствъ покупать казенный спиртъ».

Между тѣмъ, близость Индо-Китая къ вѣчно волнующемуся и возрождающемуся Китаю, японскія побѣды надъ русскими, разбившія во всемъ желтомъ мірѣ вчерашній страхъ передъ, казалось, непобѣдимыми бѣлыми завоевателями, подвиги неуловимаго Де-Тама, полная невозможность для Франціи содержать въ Индо-Китаѣ такую значительную военную силу, какою обладаетъ Англія въ Индіи,—все это усугубляетъ критическое положеніе этой части французской колоніальной имперіи. Въ 1907 году генералъ Фаменъ, начальникъ колоніальныхъ войскъ при министерствѣ военныхъ дѣлъ, подалъ въ отставку, не желая брать на себя отвѣтственности за положеніе вещей, создавшееся въ Индо-Китаѣ. Въ интервью съ сотрудникомъ «Le Journal» генералъ указалъ, что населеніе Индо-Китая самымъ безсовѣстнымъ обра-

---

1) См. цитированный докладъ Віолетта, часть 1, стр. 8.

2) Рѣчь Прессансе въ Палатѣ Депутатовъ 2 апр. 1909 г. Вышла отдѣльной брошюрой: „Gabegie et atrocites coloniales“ par Fr. Pressensé. Paris. 1909.

зомъ эксплуатируется бюрократіей, что духъ возмущенія растетъ въ странѣ, что туземцы послѣ японскихъ побѣдъ уже не считаютъ французовъ непобѣдимыми, и что катастрофа неизбѣжна, если Франція не измѣнитъ всю систему управленія колоніями и не начнетъ править послѣдней вмѣстѣ съ туземнымъ населеніемъ, а не противъ послѣдняго. Въ 1909 г. другой смѣлый офицеръ, полковникъ Бернаръ, въ письмѣ, напечатанномъ въ «Le Temps» (5 сент.), рѣзко возсталъ противъ системы займовъ и сооруженія ненужныхъ желѣзныхъ дорогъ, ложащихся тяжкимъ бременемъ на туземцевъ, разоряющихъ населеніе и не дающихъ послѣднему ничего. «Наша колонія гибнетъ; многіе уже предсказываютъ неизбѣжность ея потери для насъ. И метрополія, вмѣсто того, чтобы прійти на помощь своей колоніи, облегчить бремя, лежащее на ней, только еще болѣе гнететъ и давитъ послѣднюю. Вотъ гдѣ лежитъ самая страшная опасность... Если колонія погибнетъ, можно будетъ сказать, что это метрополія ее убила». Понятно, что такія откровенныя рѣчи со стороны болѣе смѣлыхъ и честныхъ офицеровъ не приходятся по вкусу представителямъ военщины и бюрократіи, которыя, въ случаѣ признанія основательности подобныхъ сужденій, дѣлаютъ изъ нихъ лишь тотъ выводъ, что метрополія должна затратить новыя сотни милл. фр. на усиленіе колоніальной полиціи, арміи и флота, на укрѣпленіе Сайгона, на созданіе сильныхъ опорныхъ пунктовъ въ странѣ въ виду неизбѣжнаго въ близкомъ будущемъ возстанія.

То, что мы сказали объ Экваторіальной Африкѣ, Индо-Китаѣ, и т. д., примѣнимо ко всей колоніальной имперіи Франціи. Всѣ эти колоніи служатъ лишь предлогомъ для увеличенія милліонной арміи чиновниковъ, необходимы для военщины, ищущей авантюръ, дешевыхъ лавровъ, новыхъ орденовъ, за подвиги въ гражданской или завоевательной войнѣ съ туземцами, но въ то же время эти колоніи ложатся тяжкимъ бременемъ на французскій бюджетъ и являются каторжнымъ ядромъ, стѣсняющимъ развитіе французской промышленности.

§ 4. Колоніальная политика и французскій бюджетъ.

Однако, все это не останавливаетъ стремленія господствующихъ классовъ III-й Республики къ расширенію и безъ того грандіозной колоніальной имперіи, несмотря на то, что эта колоніальная политика связана съ обостреніемъ международныхъ отношеній и, прежде всего, съ колоссальными расходами. По офиціальнымъ правительственнымъ даннымъ, представленнымъ въ мартѣ 1911 г. Палатѣ Депутатовъ до-

кладчикомъ Шерономъ, расходы, связанные съ военными операціями въ Марокко, обошлись Франціи за четыре года (1907—1910) въ 77.280.924 фр.

На самомъ дѣлѣ подобное вычисленіе расходовъ, связанныхъ съ марокксокой авантюрой, совершенно произвольно и неправильно, ибо здѣсь приняты во вниманіе только затраты на содержаніе французскаго экспедиціоннаго корпуса въ Марокко, на стоимость провіанта, ядеръ, патроновъ и т. д., израсходованныхъ именно въ этой странѣ и только въ ней. Однако мы знаемъ, что всякаго рода колоніальныя авантюры фатально ведутъ за собой колоссальные побочные расходы и въ областяхъ, лежащихъ внѣ территоріи, изъ-за которой ведется борьба. И умолчаніе объ этихъ-то расходахъ въ официальныхъ отчетахъ является самымъ грубымъ обманомъ со стороны бухгалтеровъ колоніальной партіи. Вычисляя стоимость марокккской авантюры для Франціи за четырехлѣтній періодъ съ 1905 г. по 1908 г., французскій писатель Делези правильно разсчиталъ такъ:

Экстраординарные военные расходы	22.000.000 фр
Улучшеніе вооруженія и приведеніе въ боевое состояніе всего флота	100.000.000 »
Расходы, вызванные франко-германскимъ конфликтомъ изъ-за Марокко (1905)	223.000.000 »
Итого . . .	345.000.000 фр. [1]

Если произведемъ правильный подсчетъ всѣхъ расходовъ, въ которые обошлась Франціи марокккская авантюра съ начальнаго ея момента (взятіе Туата въ 1900), и включимъ сюда затраты, связанныя съ экспедиціей въ Фецъ и замиреніемъ Марокко, окажется, что эта авантюра обошлась до 1910 г. немногимъ менѣе милліарда франковъ [2]). Тунисская авантюра повела къ образованію тройственнаго союза, толкнувъ Италію въ объятія Австріи и Германіи, что вызвало для Франціи колоссальные расходы на укрѣпленіе юго-восточной границы. Марокккская авантюра, сблизивъ Испанію съ Германіей, въ свою очередь, немалымъ бременемъ легла на французскій бюджетъ.

Что же дало Марокко до сихъ поръ Франціи въ смыслѣ рынка для сбыта французскихъ товаровъ? По даннымъ,

---

[1]) „Le bilan de l'affaire marocaine" par Francis Delaisi. „La Revue" 1908, № 5.

[2]) По официальнымъ даннымъ, представленнымъ въ Сенатъ, военные расходы на марокккскую экспедицію съ 1909 г. по 1914 г. обошлись въ 700.000.000 фр. Во всякомъ случаѣ расходы въ нынѣшнемъ столѣтіи, *связанные съ марокккской авантюрой*, можно опредѣлить minimum въ 2 милліарда франковъ.

опубликованнымъ въ 1909 г. управленіемъ французскихъ таможенъ, внѣшняя торговля Марокко въ 8 портахъ, открытыхъ для послѣдней, опредѣлялась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Страны.	1907	1908	1909
Англія	25.428.561	41.480.000	52.339.763
Франція	22.820.135	31.760.000	34.071.999
Германія	9.983.318	10.800.000	13.582.539
Испанія	3.116.145	4.700.000	6.455.946
Прочія страны.	3.517.183	6.160.000	

Если мы къ той торговлѣ, которую сама Франція ведетъ съ Марокко, прибавимъ и цифру торговаго оборота Алжира по сухопутной границѣ съ Марокко, то окажется, что Франція стоитъ позади Англіи. Такъ, въ 1909 г. торговля всей Франціи и ея колоній съ Марокко по сухопутной и морской границамъ равнялась 51.255.999 фр., между тѣмъ, какъ торговля Великобританіи съ Марокко только по морской границѣ — 52.339.763 фр., а Германіи — 13.582.533 фр., «французская торговля съ Марокко», плачется Жакъ Барду въ «Opinion», «стоитъ на мѣстѣ, между тѣмъ, англійская торговля съ Марокко увеличилась на 10 милл. фр., испанская— на 2 милліона фр.» Не слѣдуетъ, кромѣ того, ни на минуту забывать, что главными предметами французскаго ввоза являются оружіе, амуниція и жизненные продукты для экспедиціоннаго корпуса, такъ что львиная доля французскаго ввоза потребляется самими французами и ложится на французскаго же плательщика налоговъ [1]). *Можно сказать безъ натяжки, что французское оружіе открываетъ африканскіе рынки англійской индустріи,*—и отчасти даже германской. Въ 1907 г. англійская торговля съ Марокко — $25\frac{1}{2}$ милл. фр., въ 1908 г.—$41\frac{1}{2}$ милл. фр., а въ 1909 г.— болѣе 52 милл. фр. Въ Казабланкѣ въ 1906 г. до французской оккупаціи британская торговля опредѣлялась въ 3.641.522 фр., а въ 1909 г. въ — 9.479.273 фр. Въ области Шауйа, вокругъ Казабланки, англійская недвижимая собственность оцѣнивалась въ 1908 г. въ 2.312.000 фр., а французская всего въ 1.756.000 фр. Вообще, французское экономическое вліяніе въ Марокко очень слабо. Изъ восторженнаго доклада, представленнаго однимъ изъ апологетовъ французской колоніальной политики Уалидомъ на конгрессѣ коммерческихъ палатъ, засѣдавшемъ въ Рубе (іюль 1911 г.), видно, что къ этому моменту въ Марокко имѣлось 250 фран-

---

[1]) Численность французскаго экспедиціоннаго корпуса въ Марокко увеличилась за періодъ съ 1910 по 1914 г. въ четыре раза, съ 22.000 челов. въ 1910 г. до 90.000 въ 1914 г. Само собой разумѣется, что это повело къ скачкообразному росту французскаго экспорта въ Марокко за эти годы.

цузскихъ торговыхъ домовъ, что французскіе капиталы, вложенные въ различныя марокккскія предпріятія, равнялись — 25 милл. фр. [1]). Дѣйствительно, «гора родила мышь». Таковы были блестящіе результаты марокккской авантюры», и была опасность, что въ недалекомъ будущемъ Германія, которой пріобщеніе Марокко къ «европейской культурѣ» ничего не стоило, будетъ играть въ имперіи султана болѣе значительную роль экономическую, чѣмъ Франція.

И какъ пагубно отзывается вся эта безумная колоніальная политика на покупательныхъ силахъ населенія, на ростѣ производительныхъ силъ въ самой Франціи. Правда, если судить по офиціальнымъ даннымъ, колоніальная политика обходится Франціи сравнительно не очень дорого. По бюджету 1898 г. въ графѣ «министерство колоній» (ministère des colonies) мы видимъ не очень большую для Франціи цифру — 92 милл. фр. Бюджетъ министерства колоній въ 1903 г.—112 милл. фр., въ 1907 г.—110 милл. фр., въ 1911 г. — 103 милл. фр. [2]). Итакъ, колоніальный бюджетъ какъ будто даже имѣетъ тенденцію понижаться. Но эти цифры представляютъ собой лишь обманъ зрѣнія. Если внимательно вчитаться въ любой ежегодный бюджетный докладъ палатѣ депутатовъ, мы увидимъ, что тысячи различныхъ расходныхъ статей, внесенныхъ въ бюджетъ другихъ министерствъ: военнаго, морского, иностранныхъ дѣлъ, общественныхъ работъ и т. д., на самомъ дѣлѣ, идутъ исключительно на колоніи. Такъ, въ бюджетѣ военнаго министерства мы находимъ цифру 50 милл. фр., на содержаніе алжирской арміи, 40½ милл. фр. — на колоніальныя войска въ Индо-Китаѣ, Мадагаскарѣ, Экваторіальной Африкѣ и т. д., и уже только эти двѣ цифры сразу удвоиваютъ колоніальный бюджетъ. А сколько денегъ уходитъ на содержаніе портовъ, угольныхъ станцій, арсеналовъ въ колоніяхъ? Значительная часть бюджета морского министерства, опредѣленная на 1911 г. въ колоссальную сумму 416.380.618 фр., должна быть отнесена на счетъ колоній. Далѣе ко всѣмъ этимъ расходамъ нужно прибавить субсидіи, выдаваемыя мореходнымъ компаніямъ, совершающимъ рейсы къ колоніальнымъ портамъ, преміи частнымъ судовладѣльцамъ, колоссальныя затраты на проведеніе ненужныхъ и убыточныхъ желѣзныхъ дорогъ, содержаніе подводныхъ кабелей, уплату пенсій вдовамъ и сиротамъ офицеровъ, умершихъ въ колоніяхъ, содержаніе въ госпиталяхъ Парижа, Тулона и т. п. военныхъ, заболѣвшихъ и потерявшихъ способность къ труду:

---

[1]) „La pénétration commérciale et industrielle du Maroc par l'Algérie et les ports". par William Oualid.

[2]) 1144. Chambre des Députés. Rapport sur le budget général de l'exercice. 1911. Par deputè Henry Cheron. См. стр. 408.

вслѣдствіе убійственнаго климата въ колоніи и возвращенныхъ на родину и т. д., и мы увидимъ, что *офиціальную цифру колоніальнаго бюджета нужно увеличить въ нѣсколько разъ,* чтобы получить истинное представленіе о той денежной суммѣ, въ какую обходится французскому народу его великая и многомилліонная колоніальная имперія, сохраненіе и расширеніе которой является, несомнѣнно, одной изъ важнѣйшихъ причинъ ужасающаго роста французскаго государственнаго бюджета, достигшаго въ 1911 г. колоссальной цифры — 4 милліарда 305 милл. фр. Вотъ какъ сенаторъ Готье въ своемъ докладѣ Сенату говоритъ объ этомъ бюджетѣ:

„Этотъ бюджетъ на 120 милліон. фр. превышаетъ бюджетъ 1910 г., который, въ свою очередь, превысилъ бюджетъ 1909 г. на 180 милл.; такимъ образомъ, всего за два года ежегодная сумма налоговъ, извлекаемыхъ изъ населенія, повысилась на 300 милл. фр.

„Французскій бюджетъ сравнительно самый значительный бюджетъ во всемъ мірѣ. Онъ превышаетъ англійскій бюджетъ, который вмѣстѣ съ колоссальной суммой, идущей на рабочее страхованіе и при населеніи, численно превосходящемъ наше, доходитъ всего до 171.857.000 фунтовъ ст., т.-е. до 4 милліардовъ 297 милліоновъ фр. А такъ какъ національное богатство Англіи на $^1/_3$ превышаетъ національное богатство Франціи, стало-быть, можно сказать, вмѣстѣ съ Леруа Болье, что *французскій бюджетъ по меньшей мѣрѣ на $^1/_3$ тяжелѣе для населенія республики, чѣмъ соціалистическій бюджетъ Ллойдъ Джорджа для Англіи*".

И, конечно, въ графѣ расходовъ бюджета первенствующую роль играютъ расходы по военному министерству (армія и флотъ въ 1911 г.—1 милліардъ 314 милл. фр.—30% всѣхъ расходовъ), связанные не въ малой степени съ колоніальнымъ имперіализмомъ.

§ 5. Колоніи какъ рынки для французской индустріи.

Но что же даютъ Франціи, не говоря о Марокко—странѣ, которая пока еще не присоединена къ владѣніямъ республики—всѣ остальныя колоніи, занимающія территоріи въ 11 милл. килом. съ населеніемъ въ 40 милл. душъ. Если повѣрить офиціальнымъ даннымъ, торжественнымъ рѣчамъ президентовъ республики, министровъ и т. д., колоніи играютъ де роль грандіозной важности рынка для французской индустріи, безъ котораго послѣдняя не могла бы развиваться. «Внѣшняя торговля всѣхъ французскихъ колоній, вмѣстѣ взятыхъ, достигла въ 1908 г. колоссальной цифры 2 милліарда 66 милл. фр.!» восклицаетъ восторженно Легарпантье, авторъ статьи въ «Revue des Francais»[1]). Изъ этой суммы на долю внѣшней торговли Алжира приходится 821 милл. фр., Индо-Китая — 523 милл. фр., Туниса —

[1]) Legarpenthier. „Le commerce de la France avec ses coloniés: Algerie-Tunisie". La Revue des Français. 25 Avril, 1911. Въ такомъ же восторженномъ тонѣ написаны всѣ статьи о колоніальной торговлѣ въ „L'Asie Fran-

217 милл. фр., Западной Африки — 193 милл. фр., Мадагаскара — 53 милл. фр., Конго — 27 милл. фр. По самымъ послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ внѣшняя торговля французской колоніальной имперіи (безъ Алжира и Туниса) достигла въ 1909 г. 1 милліарда 90 милл. фр. Слѣдующая таблица указываетъ на ростъ внѣшней торговли французской колоніальной имперіи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія.

Внѣшняя торговля французскихъ колоній со всѣми странами (включая Францію).

Колоніи:	1899	1909
	Въ милліонахъ фр.	
Индо-Китай	253	523
Французская Индія	14	40
Французская Африка (безъ Алжира и Туниса)	207	396
Французская Америка	132	101
Колоніи на Тихомъ океанѣ	26	27 [1])

Такимъ образомъ, мы видимъ, что внѣшняя торговля французскихъ колоній въ Америкѣ сильно пала за послѣднее десятилѣтіе, тихоокеанскихъ колоній — осталась въ стаціонарномъ состояніи, внѣшняя же торговля французскихъ владѣній въ Африкѣ и Азіи, главнымъ образомъ, въ Индо-Китаѣ сильно поднялась, болѣе чѣмъ удвоилась, увеличившись только для послѣдней колоніи на 270 милл. фр. Несомнѣнно, что эта цифра за послѣднее время встрѣчаетъ восторженныя ссылки на нее. Однако, спрашивается, въ какой мѣрѣ эта цифра соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Gaston Leriché, отнюдь не являющійся принципіальнымъ противникомъ колоніальной политики, желающій своей странѣ сохранить и увеличить заморскія владѣнія и требующій лишь нѣкоторыхъ реформъ въ этой области, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ пріемы, которыми пользуются оффиціальные статистики, опредѣляя размѣры внѣшней торговли данной колоніи:

«Опредѣляется отдѣльно цифра экспорта изъ Кохинхины, затѣмъ Аннама, Тонкина, Камбоджи, Лаоса. Умалчивается о томъ, что ихъ продукты экспортируются изъ Сайгона,

çaise" въ, „Journal des économistes" въ „Revue politique et parlamentaire". Поѣздка Фальера въ Тунисъ и рѣчь, произнесенная имъ въ Бизертѣ, 18 апр. 1911 г. о необычайномъ экономическомъ развитіи Туниса со времени провозглашенія французскаго протектората надъ нимъ (1884. о ростѣ его внѣшней торговли, которая съ 76 милл. фр. въ 1884 г. поднялась до 223 милл. фр. въ 1909 г. — вызвала особенно много статей во французской прессѣ о великомъ значеніи для Франціи ея колоніальной имперіи, равно какъ о колоссальной пользѣ, которую сами колоніи извлекаютъ, благодаря ихъ зависимости отъ цивилизованной Франціи.

такъ что одни и тѣ же товары фигурируютъ въ цифрахъ экспорта изъ Кокинхины, Камбоджи и Лаоса. То же самое слѣдуетъ сказать относительно Аннама и Тонкина, которые, собственно говоря, не имѣютъ никакого порта; они также отправляютъ небольшое количество экспортируемаго ими товара въ Сайгонъ. Однимъ словомъ, весь экспортъ изъ Индо-Китая концентрируется въ Сайгонѣ. И къ цифрѣ экспорта изъ Сайгона незачѣмъ прибавлять цифры экспорта изъ Аннама, Тонкина, Камбоджи и Лаоса[1]). Однако, если мы будемъ придерживаться правильнаго метода, цифра экспорта сильно упадетъ, то чего именно офиціальные статистики не желаютъ.... Такимъ же образомъ, устанавливаются статистическія данныя и въ остальныхъ колоніяхъ. Допустимъ, напримѣръ, что передъ нами караванъ таваровъ, направляющійся изъ центральныхъ областей Судана къ побережью. Въ первомъ же пунктѣ, гдѣ находится французскій постъ, представитель республики записываетъ съ самыхъ серьезнымъ видомъ цѣнность товаровъ, перевозимыхъ караваномъ. То же самое повторяется на 2 посту, затѣмъ на третьемъ пунктѣ и т. д. до побережья. Въ концѣ года всѣ данныя централизуются, слагаются и затѣмъ объявляется будто внѣшняя торговля колоніи равняется тому-то и тому-то». Gaston Lerichè. «Nos kolonies telles quelles sont» Paris. 1903).

Но допустимъ, возразитъ, можетъ-быть, иной читатель, что всѣ эти указанія на вздутыя цифры и рекламный характеръ ежегодныхъ офиціальныхъ докладовъ о состояніи внѣшней торговли французскихъ колоній совершенно правильны, все же, такъ какъ въ данномъ случаѣ офиціальныя присоединенія опредѣленныхъ слагаемыхъ къ суммѣ, составившейся изъ этихъ же слагаемыхъ, все же остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что внѣшняя торговля французскихъ колоній не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а, наоборотъ, прогрессируетъ въ необычайной степени. Что бы ни говорить, а если внѣшняя торговля Индо-Китая опредѣлялась въ 1899 г. въ 253 милл. фр., а въ 1909 г. въ 523 милл. фр., значитъ, внѣшняя торговля этой колоніи за 10 лѣтъ удвоилась, что представляетъ собой значительный экономическій прогрессъ. Но и здѣсь дѣло не такъ просто, какъ кажется при первомъ взглядѣ.

Для оцѣнки промышленнаго прогресса Индо-Китая всегда берется какъ исходная точка 1899 годъ или какой-нибудь изъ предшествующихъ ему годовъ и сравнивается съ любымъ

[1]) Это равносильно тому, какъ если бы мы для опредѣленія суммы вывоза нашей пшеницы изъ черноморскихъ губерній прибавили къ цифрѣ одесскаго экспорта вывозъ изъ отдѣльныхъ городовъ, Елисаветграда, Тирасполя и т. д. и всѣхъ деревень, отправляющихъ свою пшеницу за границу черезъ Одессу же.

изъ позднѣйшихъ годовъ. Результаты получаются блестящіе. Почему именно берется для сравненія 1899 годъ, а не 1901? Дѣло въ томъ, что въ 1900 г. была введена на индо-китайскихъ таможняхъ новая фиксація цѣнности импортируемыхъ и экспортируемыхъ товаровъ, поднявшая номинальныя цѣны послѣднихъ въ необычайной степени. Такъ, таможенная оцѣнка 100 килограммовъ хлопчатой бумаги была повышена съ 125 франковъ до 300, 1 килограмма золота съ 2160 фр. до 3500 фр., 1 тонны угля съ 16 фр. до 35, китайскаго табаку съ 1 франка до 3 фр. Но особенно была вздута оцѣнка шелку съ 6 франковъ 30 сантимовъ до 63 франковъ, т.-е. увеличеніе въ десять разъ. Понятно, насколько подобные таможенные кунштюки и трансформаціи, правда, выгодные для казны, дѣлаютъ крайне затруднительнымъ если не невозможнымъ опредѣленіе истиннаго, реальнаго, а не фиктивнаго роста внѣшней торговли данной колоніи. «Мы убѣждены,—говорится въ послѣднемъ докладѣ, представленномъ торговой палатой Ганнои (Hanoi),—что если произвести оцѣнку французскаго импорта, базируя на тарифѣ 1893 г., придется таможенныя данныя за 1907 годъ уменьшить, по крайней мѣрѣ, на 25%». Но торговая палата выразилась слишкомъ мягко. Въ дѣйствительности сравнительная статистика, основанная на подобнаго рода таможенной переоцѣнкѣ товаровъ, представляетъ собой попросту явный обманъ, совершенно скрывающій истинное положеніе вещей.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ за исходный пунктъ 1901 годъ, мы убѣдимся, что *собственно французская* торговля съ Индо-Китаемъ не растетъ, а уменьшается, что *французское экономическое и торговое вліяніе въ этой колочіи сокращается* съ быстротой, которую не въ состояніи скрыть даже таможенныя махинаціи. Изъ только что опубликованнаго доклада главнаго директора таможенъ въ Индо-Китаѣ г. Пиканона о состояніи навигаціи и торговли въ этой колоніи въ 1910 г. явствуетъ, что въ то время, какъ вообще внѣшняя торговля Индо-Китая съ 1901 г. по 1910 г. возрасла на 46% (363 милл. фр. въ 1901 г., 529 милл. фр. въ 1910 г.), *внѣшняя торговля этой важнѣйшей французской колоніи именно со своей метрополіей уменьшилась не только относительно, но и абсолютно.* Въ то время, какъ внѣшняя торговля всѣхъ прочихъ странъ съ Индо-Китаемъ возросла съ 62% въ 1901 г. до 70,7% въ 1910 г., импортъ Франціи и всѣхъ колоній французскихъ въ Индо-Китаѣ палъ со 100.166.982 фр. въ 1901 г. до

---

[1]) Ministère des colonies (Office Colonial) „La navigation et le mouvement commercial de l'Indo-Chine en 1910" par M. Picanon, Directeur général des douanes et régies de l'Indo-Chine. 1911.

85.199.076 фр. въ 1910 г.[1]), т.-е. уменьшился на 15%. Далѣе, въ то время, какъ въ 1910 г. движеніе французской навигаціи къ портамъ Индо-Китая въ два раза превышало нѣмецкую навигацію, втрое—англійскую, въ шесть разъ—норвежскую, въ 1910 г. Франція стоитъ позади Англіи, опережаетъ Германію всего на $^1/_5$, а Норвегію едва на $^1/_2$.

Итакъ, и здѣсь, въ этой старой французской колоніи, на завоеваніе и сохраненіе которой подъ французскимъ владычествомъ истрачено столько милліардовъ фр., погублено столько жизней, Франція играетъ ту же роль, что и въ Марокко: *французскіе солдаты, французскіе милліарды открываютъ и завоевываютъ новыя территоріи въ интересахъ англійскаго, нѣмецкаго и вообще европейскаго капитала*, капитала тѣхъ странъ, которымъ не стоило никакихъ жертвъ завоеваніе новаго рынка для сбыта своихъ фабрикатовъ, и которые, поэтому остаются въ чистомъ выигрышѣ по сравненію съ Франціей.

И все, что мы сказали относительно Индо-Китая, тѣмъ съ большей силой примѣнимо ко всѣмъ остальнымъ французскимъ колоніямъ, не исключая даже Алжира—этой наиболѣе драгоцѣнной жемчужины въ колоніальной коронѣ Франціи. По даннымъ, опубликованнымъ офиціальнымъ изданіемъ «Statistique generale de l'Algerie» за періодъ времени отъ 1830 по 1887 г., общая сумма государственныхъ раасходовъ въ Алжирѣ достигла около 5 милліард. фр. (4868 милл. фр.), а доходы, полученные за этотъ періодъ, не превысили $1^1/_4$ милліарда (1256 милл.); такимъ образомъ превышеніе расходовъ надъ доходами достигло колоссальной цифры 3762 милл. фр., т.-е. почти 4 милліарда фр. За послѣднія 25 лѣтъ, протекшія съ 1887 г., ежегодный дефицитъ, по вычисленію П. Леруа Болье, равнялся 80 милл. фр. Такимъ образомъ, *Алжиръ обошелся Франціи до сихъ поръ въ шесть милліардовъ фр.* Въ эту сумму не включены расходы по военному флоту, по спеціальной охранѣ алжирскаго побережья, проценты по займамъ, вызваннымъ затратами на эту колонію, и т. п.

Если же принять во вниманіе расходы по завоеванію Алжира и организаціи порядка въ странѣ, то мы придемъ къ выводамъ Jean Hess'a[1]), что Алжиръ до сихъ поръ обошелся Франціи болѣе, чѣмъ въ 20 милл. фр.[2]).

Извѣстный алжирскій статистикъ Солье въ своемъ докладѣ о бюджетѣ на 1904 г. доказалъ, что по отношенію къ алжирскому экспорту цифру 149.514.000 фр. таможенной оцѣнки нужно уменьшить на 67.429.000 фр., т.-е. почти

---

[1]) Jean Hess. „La vérité sur l'Algérie". См. стр. X, 353 и т. д.

[2]) Если офиціальныя данныя преуменьшаютъ расходы на страну, то они до крайности преувеличиваютъ торговыя выгоды отъ нея.

вдвое. До такой степени произвольно повышена была стоимость почти всѣхъ предметовъ вывоза...

И чему тутъ удивляться? Нужно вѣдь показать, что колоніи оправдываютъ всѣ расходы, связанные съ ними; нужно дать возможность имперіалистамъ и даже соціалистамъ, зовущимъ къ примиренчеству съ колоніальной политикой, доказывать, будто эта послѣдняя необходима де въ интересахъ развитія промышленности, съ существованіемъ и ростомъ которой тѣсно связано благосостояніе, могущество и политическое вліяніе рабочаго класса.

Кому же нужна эта колоніальная политика, эти безконечныя авантюры и непрерывныя завоеванія все новыхъ и новыхъ территорій? *Прежде всего военщинѣ и бюрократіи.* Для военщины отказъ отъ колоніальныхъ авантюръ—это безработица, это безплодная, скучная жизнь въ маленькомъ гарнизонѣ безъ надежды на быстрое повышеніе. Требовать отъ вліятельныхъ шефовъ арміи, чтобы они предпочли мирную политику политикѣ насилія и завоеванія, это значить требовать невозможнаго. Требовать отъ нѣкоторыхъ министровъ, пуще огня боящихся всякихъ международныхъ осложненій, чтобы они въ интересахъ мира болѣе энергично сдерживали воинствующихъ африканскихъ генераловъ, требовать этого въ тотъ моментъ, когда господствующіе классы такъ нуждаются въ поддержкѣ со стороны военщины для обузданія вѣчно бунтующаго или готоваго къ возстанію то здѣсь, то тамъ населенія метрополіи—это значитъ не понимать взаимоотношеній между франкъ-масонствующей буржуазіей и клерикальнымъ офицерствомъ.

Но колоніи не только предлогъ для увеличенія штата чиновниковъ, для доходныхъ мѣстечекъ военнымъ и гражданскимъ бюрократамъ, колоніи не только *мѣста убѣжища для исчезающаго въ самой Европѣ режима, основаннаго на полномъ безправіи населенія и деспотизмѣ власти*, колоніи—средство наживы для кучки финансистовъ, биржевыхъ дѣльцовъ и королей нѣкоторыхъ отраслей индустріи, занятыхъ производствомъ предметовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ военно-морскому дѣлу, какъ, напримѣръ, металлургической. *Для хищныхъ финансистовъ нѣтъ болѣе выгодныхъ операцій, чѣмъ всякаго рода экзотическія дѣла, связанныя съ колоніальными авантюрами.* Займы правительствамъ отсталыхъ странъ въ родѣ Марокко, гдѣ ростовщичество является обыденнымъ фактомъ, спекуляціи насчетъ всякаго рода проектовъ разработки угольныхъ копей, експлуатація золотоносныхъ пріисковъ, желѣзныхъ дорогъ въ миражѣ ново-открытыхъ Эльдорадо, сказки о фантастическихъ прибыляхъ въ недалекомъ будущемъ,—всѣ эти маленькія панамы даютъ колоссальные барыши всякаго рода авантюристамъ наживы.

И особенно много выигрывають благодаря колоніальнымъ завоеваніямъ короли металлургическихъ трестовъ [1]). Для представителей этой индустріи, все искусственное процвѣтаніе которой въ современномъ строѣ покоится исключительно на милитаризмѣ, грабежѣ и насиліи, нѣтъ безплодныхъ ненужныхъ колоній, нѣтъ пустынь. Всякая новая территорія, хотя бы представляющая собой голую выжженную солнцемъ и песчаную пустыню, на которой и травка не выраститъ, все же является желаннымъ пріобрѣтеніемъ, ибо нѣтъ клочка земли, котораго нельзя было бы прорѣзать желѣзной дорогой. И понятно, что металлургическіе короли, Шнейдери, Крезо и т. д., идутъ всегда рука объ руку съ представителями военщины.

Вотъ какъ полковникъ Эннеберъ описываетъ Суданъ:

„Великолѣпны, безграничны минеральныя богатства этой удивительной страны. Невозможно пересчитать, сколько золота, серебра, мѣди, фосфатовъ и т. д. содержитъ почва Судана... И что за удивительная растительность! Какіе лѣса хлопчатника, баобаба, пальмовыхъ, апельсиновыхъ, каучуковыхъ деревьевъ... Какія поля маиса, индиго, кофе, перцу, табаку, сахарнаго тростника.

«Центральная Африка!.. Именно здѣсь находится самый чистый источникъ богатства, обильный, неистощимый источникъ, бьющій непрерывной и широкой струей... Богаты и прекрасны области, орошаемыя Нигеромъ, Бенуа и Шари. Онѣ обладаютъ всѣми элементами, необходимыми для цвѣтущаго благосостоянія» [2]).

Вся эта краснорѣчивая тирада кончалась, понятно, требованіемъ постройки великаго желѣзнодорожнаго пути, который соединилъ бы эти страны съ Алжиромъ, прорѣзавъ «большой бульваръ Сахары»...

Да что говорить о Суданѣ? Даже пресловутая пустыня Сахара была не разъ представлена во французской литературѣ, какъ лучшая жемчужина среди другихъ африканскихъ сокровищъ. Вотъ какъ извѣстный французскій экономистъ и темный дѣлецъ П. Леруа Болье, финансовые подвиги котораго разоблачилъ недавно Октавъ де Винье, писалъ въ 1904 г. о Сахарѣ:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если мы сохранимъ обѣ эти области — Сахару и Суданъ,—онѣ составятъ *самую лучшую французскую колонію для эксплуатаціи»* [3]).

И чтобы превратить Сахару въ житницу, «которая черезъ нѣсколько десятилѣтій могла бы прокормить десять или

---

[1]) Подробнѣе о связи металлургической индустріи съ колоніальной политикой. См. нашу работу: „Что такое имперіализмъ".

[2]) „De Paris à Tombouctou en huit jours" p. 81, 275. Par lieutenant-colonel Hennebert. Paris.

[3]) Paul Leroy Beaulieur „Le Sahara, le Soudan et les chemins de fer trans—sahariens". Guillaumin et Cie. Paris. 1904.

даже двадцать милліоновъ людей», достаточно провести черезъ Сахару нѣсколько желѣзныхъ дорогъ. Вотъ какъ выражается по этому поводу нашъ великій ученый: «Мы говоримъ во множественномъ числѣ: транссахарскія желѣзныя дороги, а не транссахарская желѣзная дорога».

Сколько сотенъ милліоновъ франковъ будетъ стоить проведеніе, скажемъ, двухъ желѣзнодорожныхъ линій черезъ Сахару на протяженіи тысячъ километровъ, какой убытокъ будутъ давать ежегодно эти дороги, прорѣзывающія океанъ песку и камней, все это пустые вопросы, которые мало волнуютъ Леруа Болье. Что за бѣда, что ежегодный дефицитъ будетъ погашаться потомъ и кровью рабочаго населенія Франціи! Зато металлургическая индустрія получитъ сразу громадный заказъ на поставку рельсовъ и т. д.; зато финансисты получатъ изрядный кушъ на акціяхъ «великаго желѣзнодорожнаго пути черезъ Сахару» (grande voie ferrée trans-saharienne) [1]).

Въ общемъ, французскій имперіализмъ, французская колоніальная политика разоряютъ Францію, мѣшаютъ развитію ея торговли, промышленности, за исключеніемъ привилегированныхъ отраслей послѣдней, задерживаютъ ростъ производительныхъ силъ страны. Вся эта колоніальная политика съ ея шумной рекламой тѣхъ прибылей и выгодъ, которыя Франція извлекаетъ де въ результатѣ открытія новыхъ рынковъ, новыхъ территорій для эксплуатаціи или для эмиграціи, представляетъ собой грандіозную Панаму. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ вся Европа семимильными шагами идетъ впередъ въ области великихъ техническихъ сооруженій, въ то время, какъ Германія строитъ все новыя и новыя желѣзнодорожныя вѣтви, производитъ гигантскія работы по сооруженію своихъ портовъ, затрачивая на одинъ только Бременъ 213 милліоновъ марокъ, углубляетъ каналы, соединяетъ рѣчныя системы и т. д., въ то время, какъ Англія собирается затратить на улучшеніе своихъ каналовъ 740 милліоновъ фр., а Америка—1500 милліоновъ фр.,—французскіе порты, французскія желѣзныя дороги находятся въ состояніи, недостойномъ великой страны, и каждый мѣсяцъ газеты печатаютъ телеграммы о катастрофахъ съ человѣческими жертвами на французскихъ дорогахъ, особенно на знаменитой линіи «L'Ouest Etat». Французская пресса вопитъ объ упадкѣ французскаго мореходства, о паденіи торговаго значенія Марсели, Руана, Гавра, Шербурга, которые очень плохо оборудованы и не могутъ конкурировать по своему устройству даже съ нѣкоторыми итальянскими

---

[1]) О трансъ-сахарскомъ пути см. нашу книгу „Великіе желѣзно-дорожные и морскіе пути будущаго", стр. 171—192. Печатается 2-ымъ изданіемъ. См. часть 2-ую.

портами, не говоря уже о такихъ грозныхъ соперникахъ, какъ Гамбургъ, Бременъ, Ливерпуль и т. д. Зато Францiя тратитъ сотни миллiоновъ фр. на улучшенiе портовыхъ сооруженiй въ Казабланкѣ, Сайгонѣ, Бизертѣ, собирается превратить Танжеръ въ первоклассный портъ, сооружаетъ никому ненужныя и убыточныя дороги въ малонаселенныхъ областяхъ Аннама, Камбоджи, Центральной Африки и т. д. Каждый годъ Сена выходитъ изъ своихъ береговъ и затопляетъ города и деревни, принося убытки въ сотни милл. франковъ, а страна все не соберется осуществить знаменитый проектъ углубленія и расширенія Сены, за который еще въ 1890 г. высказалось 147 общинъ и 65 торговыхъ палатъ. Французскіе курорты, далеко превосходящіе по климатическимъ условіямъ, красотѣ мѣстоположенія и составу минеральныхъ источниковъ германскіе и австрійскіе, находятся въ плачевномъ положеніи; наконецъ, многія области на югѣ Франціи, богатыя такимъ количествомъ гидравлической силы, какъ ни одна изъ европейскихъ странъ, за исключеніемъ Швейцаріи и Скандинавскаго полуострова, до сихъ поръ бѣдны фабриками и заводами, между тѣмъ, какъ примѣненіе той же гидравлической силы и электричества къ промышленнымъ цѣлямъ съ поразительной быстротой превращаетъ отсталую Швейцарію въ новую Бельгію. Зато французскіе милліарды уходятъ на русскіе займы, на индо-китайскія желѣзныя дороги, на алжирскую армію, на военныя экспедиціи въ Марокко, Экваторіальной Африкѣ и т. д. [1]).

«Но пока еще во Франціи мало кто понимаетъ смыслъ и значеніе колоніальнаго имперіализма, его губительное вліяніе на индустріальное развитіе страны, его неразрывную связь съ промышленной отсталостью Франціи по сравненію съ Германіей, и голосъ пока еще рѣдкихъ писателей, авторовъ отдѣльныхъ монографій о той или другой французской колоніи, выступающихъ съ здравымъ сужденіемъ по данному вопросу, все еще остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»...

Эти строки были написаны нами въ 1911 г. Съ той поры совершились грандіозныя событія, которыя заставятъ народныя массы Франціи болѣе внимательно отнестись къ вопросу о колоніальной политикѣ III Республики, о роли этой политики въ происхожденіи міровой войны и о вліяніи колоніальныхъ авантюръ на ослабленіе какъ индустріальной, такъ и военной мощи Франціи.

[1]) Французскія колоніи могли бы играть для французской промышленности важную роль въ качествѣ источниковъ сырыхъ матеріаловъ, но французскій капитализмъ мало пользуется въ этомъ отношеніи колоніями. Зато этотъ захватъ колоній даетъ возможность французскимъ трестамъ и синдикатамъ не допускать германскія картелли къ монополистическому овладѣнію важнѣйшими источниками сырыхъ матеріаловъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Марокксків вопросъ и мiровая война.

§ 1. Предостереженія нѣкоторыхъ буржуазныхъ писателей по поводу опасностей, связанныхъ съ марокксной авантюрой. Жоресъ и марокксная авантюра.

Вопросъ о Марокко игралъ громадную роль въ нынѣшней мiровой войнѣ въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ, вызвавшихъ эту катастрофу. Уже наканунѣ войны извѣстный французскій писатель Жоржъ Оберъ, коммерсантъ и финансистъ и, стало-быть, человѣкъ очень умѣреннаго образа мыслей, доказывалъ въ своей книгѣ «Франко-германское безумство», что война между Франціей и Германіей неизбѣжна и что два обстоятельства раздѣляютъ обѣ страны: *Эльзасъ-Лотарингія и, въ особенности, Марокко.* Всѣ новѣйшія осложненія,—доказываетъ Оберъ,—начались въ сущности изъ-за Марокко. Въ 1900 г. международное положеніе было вполнѣ устойчивое, но Франція обратила свое вниманіе на Марокко, и съ той поры всѣ заботы французовъ сосредоточились на одномъ грубомъ и неотвязномъ вопросѣ: когда будетъ война съ Германіей.

«Въ моментъ всемiрной Парижской выставки,—говорилъ Оберъ,—и въ теченіе двухъ-трехъ послѣдующихъ лѣтъ отношенія между Франціей и Германіей были очень корректныя, международное положеніе не внушало никакой тревоги... Какъ вдругъ Франція начала сложными и хитрыми маневрами подбираться къ Марокко. И это было исходной причиной того печальнаго положенія, въ которомъ мы находимся теперь.

«Группа приверженцевъ захватной колоніальной политики безсовѣстныхъ спекуляторовъ, болѣе озабоченныхъ своими личными дѣлами, чѣмъ интересами Франціи, рѣшила, что необходимо завоевать Марокко.

«...Но какъ только мы начали проводить свои планы въ исполненіе, Вильгельмъ высадился въ Танжерѣ, привѣтствовалъ марокксваго султана и формально обѣщалъ послѣднему поддержку въ случаѣ, если Франція его атакуетъ...

«И съ той поры мы живемъ въ неизвѣстности, въ тревогѣ... Въ 1904 г. французская рента стоила 97 фр., въ 1913 г. французская рента стоила меньше 84 фр. Это простое сопоставленіе резюмируетъ тревожное положеніе, въ которомъ мы живемъ эти 8 лѣтъ» [1]...

---

[1]) Жоржъ Оберъ. „Франко-германское безумство" (Georges Aubert. „La folie franco-allemande"). См. стр. 34—43. Парижъ. 1914.

Изъ буржуазныхъ писателей съ особой настойчивостью указывалъ на опасныя для Франціи послѣдствія марокксной авантюры Викторъ Бераръ, авторъ цѣлаго ряда книгъ по внѣшней политикѣ. Въ рядѣ замѣчательныхъ статей, опубликованныхъ въ консервативномъ журналѣ «Парижское Обозрѣніе» за 1908—1911, Викторъ Бераръ предостерегалъ страну отъ роковыхъ послѣдствій, неизбѣжно связанныхъ съ продолженіемъ завоевательной политики по отношенію къ Марокко, политики, диктуемой исключительно интересами финансовой олигархіи, но эта кампанія Берара не пришлась по вкусу многимъ читателямъ консервативнаго журнала, и талантливому журналисту пришлось покинуть «Парижское Обозрѣніе» [1]).

Но и во время самой войны немало объективныхъ писателей изъ буржуазной среды подчеркивали громадное значеніе марокккскихъ осложненій въ качествѣ важнѣйшаго фактора, толкнувшаго къ міровой войнѣ. Такъ, баронъ Байенсъ, бывшій бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ, занимающій нынѣ отвѣтственный постъ въ правительствѣ короля Альберта, указываетъ въ своей интересной книгѣ «Германія передъ войной», что марокккскій вопросъ былъ первопричиной цѣлаго ряда дипломатическихъ осложненій, которыя нѣсколько разъ колебали европейскій миръ и въ концѣ-концовъ сдѣлали войну неизбѣжной [2]).

Авторъ посвящаетъ марокккскому вопросу спеціальную главу, которая является одной изъ наиболѣе интересныхъ въ его книгѣ.

Съ особой силой и задолго до войны разоблачала всю опасность, связанную съ марокккской авантюрой, соціалистическая партія. Соціалистическія газеты въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наканунѣ войны чуть ли не каждый день посвящали болѣе или менѣе обстоятельныя статьи и замѣтки марокккскимъ дѣламъ и указывали, что вся эта завоевательная политика французскихъ имперіалистовъ фатально толкаетъ страну къ кровавому конфликту съ Германіей. Соціалистическіе ораторы на народныхъ собраніяхъ и митингахъ неустанно боролись противъ захватныхъ плановъ французской буржуазіи и доказывали, что отказъ отъ проектовъ завоеванія Марокко былъ бы вѣрнѣйшей гарантіей франко-германскаго мира.

---

[1]) Любопытно, что въ то время, какъ всѣ другія статьи Берара по вопросамъ внѣшней политики, печатавшіяся въ „Парижскомъ Обозрѣніи", вышли въ отдѣльныхъ книгахъ, выдержавшихъ нѣкоторыя по нѣскольку изданій, упомянутыя статьи о Марокко за 1908—1911 г. до сихъ поръ не вышли отдѣльнымъ изданіемъ и, вѣроятно, не выйдутъ скоро.

[2]) См. книгу: Баронъ Байенсъ. «Германія передъ войной». (Baron Beyens „L'Allemagne avant la guerre"), глава 6. Марокккскій вопросъ, 211—235. Парижъ, 1915.

Но съ особой энергіей и поразительнымъ талантомъ велъ кампанію противъ марокккской авантюры Жоресъ, который и заплатилъ своей жизнью прежде всего за тотъ огненный пылъ и ту страстность, которые проявилъ великій трибунъ французскаго пролетаріата въ борьбѣ противъ агрессивныхъ плановъ французскаго имперіализма. Въ своихъ удивительныхъ рѣчахъ во французскомъ парламентѣ въ январѣ 1908 г., въ декабрѣ 1911 г., Жоресъ вскрывалъ всю подоплеку марокккской авантюры и предостерегалъ страну отъ опасныхъ послѣдствій, связанныхъ съ планами правящихъ круговъ Франціи, съ завоевательными проектами Делькассе, Пишона, Клемансо, Бріана и др. министровъ.

Свою рѣчь на засѣданіи Палаты 24 января 1908 г. Жоресъ началъ слѣдующими характерными словами:

«Я умоляю правительство и палату депутатовъ спасти Францію какимъ-либо рѣшительнымъ и яркимъ актомъ отъ *страшной авантюры* [1]), въ которую съ каждымъ днемъ все глубже и глубже вовлекается наша страна»...

Жоресъ ни на одну минуту не могъ допустить мысли о возможности европейской войны и всѣми силами своего существа гналъ отъ себя эту мысль. Онъ вѣрилъ, хотѣлъ вѣрить, что дружными усиліями пролетаріевъ можно удержать миръ между народами, помѣшать королямъ и императорамъ вызвать всеевропейскій пожаръ. Но въ глубинѣ души Жоресъ всегда предчувствовалъ опасность, связанную съ «страшной авантюрой» въ Марокко, и вотъ почему онъ съ такимъ неослабѣвающимъ упорствомъ, съ такой желѣзной энергіей, съ такимъ огненнымъ пыломъ боролся противъ разбойничьихъ плановъ французской буржуазіи въ Сѣверной Африкѣ.

И вотъ какъ Жоресъ въ рѣчи, произнесенной имъ 19 и 20 декабря 1911 г., объяснялъ причины обостренія франко-германскихъ отношеній на почвѣ марокккскаго вопроса:

...«Вотъ уже 40 лѣтъ, какъ въ Европѣ не было войны. Конечно, германская дипломатія не всегда была безупречной, конечно, она не разъ въ своихъ жестахъ проявляла и грубость, являвшуюся результатомъ военныхъ побѣдъ, и затаенную злобу за старыя униженія и неловкость—то робкую, то вызывающую, присущую новичкамъ,—но въ сущности германская дипломатія умѣла сохранять необходимую умѣренность...

«Вотъ уже 40 лѣтъ, начиная съ 1870 г., какъ въ Центральной и Западной Европѣ царитъ миръ. Въ теченіе этого періода этническія и производительныя силы Германіи увеличились удивительнымъ образомъ: ея населеніе почти удвоилось, ея фабрики, ея заводы обрабатываютъ руду и

---

1) Курсивъ мой. М. П.

уголь, которые доставляетъ ей ея богатая подпочва, и, чтобы прокормить это быстро растущее населеніе, чтобы найти рынки для этой быстро развивающейся индустріи, Германія устремляетъ свой взоръ за предѣлы своей территоріи; она увеличиваетъ свой торговый флотъ, она развиваетъ свой экспортъ, она стремится расширить свои рынки. Но здѣсь, господа, снова проявляется то несчастное стеченіе обстоятельствъ для Германіи, которое можно констатировать во всей ея исторической жизни, именно то, что эта великая держава всегда приходитъ поздно. Въ то время, какъ въ XVI и въ половинѣ XIX вѣка германская нація была разсѣяна, наполовину парализована, въ то время, какъ ея старые, когда-то могучіе по своей морской торговлѣ, ганзейскіе города погибали въ общемъ крушеніи и безпомощности германской націи,—голландцы, португальцы, испанцы, французы бросали свои корабли по всѣмъ морямъ и завоевывали отдаленныя страны. И когда въ концѣ XIX вѣка и началѣ XX-го Германія, подъ вліяніемъ потребностей ея экономическаго и индустріальнаго роста, бросила свой взоръ на міръ, она увидѣла, что Канада принадлежитъ Англіи, что Австралія принадлежитъ Англіи, что Южная Африка принадлежитъ Англіи, что часть, великолѣпная часть африканскаго континента принадлежитъ Франціи, что вездѣ всѣ позиціи заняты, что повсюду весь міръ распредѣленъ. И тогда, господа, вы понимаете и вы должны понять, что Германія не могла не начать слѣдить съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ, чтобы новый раздѣлъ послѣднихъ остатковъ земного шара не былъ произведенъ ей въ ущербъ. (Движеніе на скамьяхъ правой, въ центрѣ и на различныхъ скамьяхъ лѣвой).

...«И вотъ почему, когда въ 1904 и 1905 г. начали осуществляться различныя дипломатическія комбинаціи, имѣвшія непосредственной цѣлью распредѣленіе новыхъ зонъ вліянія, было грубой и непростительной ошибкой со стороны французской дипломатіи не позаботиться о томъ, чтобы серьезными переговорами устранить всякіе поводы къ конфликтамъ съ Германіей на этой почвѣ.

Франція — свободная страна, сознающая свою силу и охраняющая свою независимость. Однако, въ обмѣнъ за ту долю вліянія, которую Франція получаетъ въ Марокко, она обязана чѣмъ-нибудь другимъ народамъ и въ особенности Германіи, которую она должна вознаградить какими-нибудь компенсаціями экономическими или, по крайней мѣрѣ, территоріальными»...

Жюль Делаай. Нѣтъ, нѣтъ, Франція ничѣмъ не обязана по отношенію къ Германіи.

Г. Дріанъ. **Г-нъ Жоресъ, вы говорите языкомъ германскаго канцлера** [1].

Итакъ, мы видимъ, что въ данномъ случаѣ Жоресъ высказывалъ очень умѣренные взгляды. Онъ признавалъ за Франціей право стремиться къ усиленію ея экономическаго и политическаго вліянія въ Марокко, но онъ одновременно признавалъ и за Германіей право усиливать свое вліяніе въ другихъ незанятыхъ областяхъ міра. Однако, эти умѣренные взгляды Жореса казались ненасытнымъ французскимъ имперіалистамъ святотатствомъ, измѣной родинѣ.

Съ особой силой Жоресъ говорилъ въ этой рѣчи о своей скорби по поводу того, что Франція, которая всегда являлась не только великой матеріальной силой, но прежде всего силой моральной, палладіумомъ свободы, воплощеніемъ духовнаго благородства, что она въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, благодаря своей марокккской политикѣ, взяла на себя иниціативу въ нарушеніи международныхъ договоровъ, въ клятвопреступленіи, въ пренебреженіи къ принятымъ на себя обязательствамъ. Франція сказала Италіи: «Позволь мнѣ взять Марокко, которое не принадлежитъ ни тебѣ ни мнѣ, а я тебѣ позволю взять Триполи, съ которой мы находимся въ самыхъ дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ».

И упоминаніе Жореса о нарушеніи Франціей международныхъ конвенцій вызвало такое волненіе въ Палатѣ, что президентъ послѣдней трижды призвалъ великаго трибуна къ порядку и пригрозилъ лишить его слова. Но это не смутило Жореса, и онъ продолжалъ свою рѣчь въ томъ же тонѣ. Жоресъ доказывалъ, что политика современныхъ европейскихъ государствъ, основанная на грабежѣ и притѣсненіи слабыхъ странъ, на циничномъ нарушеніи международныхъ договоровъ, болѣе безнравственна, чѣмъ политика Макіавелли, ибо Макіавелли совѣтовалъ не стѣсняться правилами нравственности и даннымъ словомъ, поскольку такая беззастѣнчивость въ средствахъ можетъ помочь освобожденію отечества, освобожденію Италіи. Нынѣ же и для Франціи и для Германіи, и для Италіи, и для Англіи, и для Испаніи дѣло идетъ не о спасеніи ихъ національной независимости, а попросту о выгодныхъ дѣлахъ, о борьбѣ за рынки, и поэтому особенно возмутительно это постоянное нарушеніе обязательствъ, принятыхъ на себя державами. И когда Жоресъ указалъ, что Франція нарушила обязательства, принятыя ею на себя на международной Алжесирасской конференціи по поводу Марокко, въ Палатѣ поднялся страшный шумъ. Многіе депутаты правой собирались демонстративно поки-

[1] **См. брошюру „Франко-германское соглашеніе"** („L'acord franco-allemand"). Рѣчь, произнесенная Жоресомъ **въ Палатѣ Депутатовъ 19 и 20 дек.** 1911 г., стр. 14, 15.

нуть залъ засѣданій, чтобы показать, что они не желаютъ слушать подобныхъ кощунственныхъ словъ; многіе радикалы грозили Жоресу кулаками, требуя, чтобы онъ взялъ свои слова обратно, на что лидеръ соціалистовъ нѣсколько разъ говорилъ энергично «никогда».

Въ слѣдующемъ 1912 г., когда ясно обнаружилось, что французская буржуазія рѣшила покончить съ независимостью Марокко, Жоресъ снова произнесъ въ Палатѣ Депутатовъ (на засѣданіи 15 іюня) страстную рѣчь противъ договора о протекторатѣ надъ Марокко. Жоресъ энергично протестовалъ по поводу того, что французское правительство вводитъ въ Марокко режимъ, ненавистный туземному населенію. «Я скажу,—воскликнулъ Жоресъ,—нѣчто такое, что вамъ покажется, пожалуй, смѣшнымъ: по какому праву мы беремъ Марокко? Вѣдь Марокко—старая культурная страна, которой мы обязаны многимъ. Эта замкнутая культура стала теперь миролюбиво приноравливаться къ европейской цивилизаціи и приближаться къ ней. Мы горячо протестуемъ противъ того, что это культурное сближеніе пресѣкается военнымъ завоеваніемъ и промышленной эксплуатаціей». И Жоресъ разоблачаетъ тѣ ужасы, какими сопровождается аннексія Марокко.

Но всѣ эти призывы къ справедливости, всѣ эти предостереженія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и французское правительство неуклонно продолжаетъ свою марокскую политику, несмотря на то, что даже въ буржуазной прессѣ слышатся порой голоса, указывающіе на то, что борьба за Марокко можетъ привести къ международной войнѣ. Такъ, умѣренный органъ «Journal des Débats», пользующійся большимъ вліяніемъ въ буржуазныхъ кругахъ, заявляетъ 17 мая 1911 г. въ статьѣ «Марокская война»: «Надо отозвать войска изъ Марокко и прекратить войну противъ марокскихъ племенъ». Но газета «Время» («Temps»), вѣрный рупоръ французскихъ имперіалистовъ, осуждаетъ такую робость и настаиваетъ на энергичномъ продолженіи начатой политики и доказываетъ, что все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ.

И французскіе имперіалисты, дѣйствительно, продолжаютъ разъ начатую политику, стремясь къ уничтоженію самостоятельности Марокко и окончательному завоеванію этой страны. Такимъ образомъ, франко-германскія отношенія все болѣе и болѣе обостряются, и каждый шагъ французской наступательной политики въ Марокко приближаетъ Европу къ міровой войнѣ.

§ 2. Тайные договоры о раздѣлѣ Марокко.

Рѣшеніе французскихъ имперіалистическихъ круговъ овладѣть во что бы то ни стало Марокко ясно обозначилось

для всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе посвященныхъ въ то время въ дипломатическія «тайны» въ 1907 г. Въ концѣ этого года, какъ это скоро сдѣлалось извѣстнымъ, благодаря намекамъ итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ Принетти въ итальянскомъ парламентѣ и заявленіямъ Делькассе 24 мая и 3 іюля 1902 г. въ французской палатѣ, между Франціей и Италіей было подписано тайное соглашеніе о Триполи и Марокко. Этотъ тайный итало-французскій договоръ 1901 г. о раздѣлѣ послѣднихъ еще незахваченныхъ никѣмъ остатковъ сѣверо-африканскаго побережья явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Европы. Съ этого момента изъ года въ годъ почти непрерывно развиваются одно за другимъ событія, которыя фатально толкаютъ Францію къ конфликту съ Германіей и всю Европу къ міровой войнѣ.

Тайный англо-французскій договоръ 1901 г. предоставляетъ свободу дѣйствій Франціи въ Марокко, а Италіи — въ Триполи. Санкціонировавъ притязанія имперіалистовъ на Триполи, эту область Оттоманской имперіи, Франція этимъ самымъ толкала Италію къ борьбѣ съ Турціей, войнѣ, которая разразилась въ 1911 г. Эта итало-турецкая война 1911 г. поколебала силы Турціи и разожгла аппетиты балканскихъ имперіалистовъ, которые и рѣшили воспользоваться временнымъ ослабленіемъ Турціи, чтобы напасть на послѣднюю и захватить, лицемѣрно прикрываясь тѣми или другими благородными лозунгами, часть оттоманской территоріи. Такъ начались балканскія войны, открывая эпоху новаго раздѣла оттоманскаго наслѣдства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, санкціонировавъ притязанія Франціи и Марокко и усиливъ наступательное движеніе французской республики въ этой части Африки, тайный договоръ 1901 г. [1]). постепенно повелъ къ крайнему обостренію франко-германскихъ отношеній и въ конечномъ счетѣ явился одной изъ причинъ нынѣшней войны.

Главнымъ толчкомъ, побудившимъ французскихъ имперіалистовъ приступить къ подготовительнымъ мѣрамъ для захвата Марокко, послужила англо-бурская война 1899 — 1901 г., утвердившая гегемонію Англіи въ Южной Африкѣ. Послѣ того, какъ Великобританія усилила свое вниманіе въ южной части чернаго континента, имперіалистическая

---

[1]) Послѣ заключенія тайнаго итало-французскаго договора 1901 г. сдѣлалось очевиднымъ, что Италія, несмотря на свой формальный союзъ съ Германіей и Австріей (тройственный союзъ), связала себя какими-то условіями съ Франціей и обязалась не воевать съ послѣдней въ случаѣ вооруженнаго франко-германскаго конфликта. „Ни въ какомъ случаѣ, ни въ какой формѣ,—заявилъ Делькассе 23 іюля 1902 г.—Италія не можетъ играть роль орудія или пособника въ нападеніи на нашу страну". Въ такомъ же рѣшительномъ тонѣ о миролюбивомъ характерѣ франко-итальянскихъ отношеній высказался итальянскій министръ Принетти 24 мая 1902 г.

Франція сочла необходимымъ въ интересахъ сохраненія «равновѣсія силъ» въ Африкѣ усилить свое вліяніе въ сѣверныхъ областяхъ африканскаго континента. Такимъ образомъ, агрессивная политика въ XX столѣтіи, явившаяся исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ роковыхъ событій, была начата двумя величайшими европейскими либеральными державами—свободной Великобританіей и республиканской Франціей.

Но договоръ съ одной Италіей не былъ достаточенъ, чтобы обезпечить возможность осуществленія французскихъ имперіалистическихъ плановъ относительно Марокко. Было очевидно, что Германія, опираясь на международный трактатъ, подписанный въ Мадридѣ въ 1880 г. и предоставившій всѣмъ европейскимъ державамъ *равныя права въ Марокко*, а также на германо-марокккскій торговый договоръ 1890 г., не позволитъ Франціи нарушить суверенитетъ Марокко въ ущербъ экономическимъ и политическимъ интересамъ Германіи. Нѣмецкіе имперіалисты съ завистью смотрѣли на усиленіе французскаго и англійскаго вліянія на сѣверномъ побережьи африканскаго континента и не теряли надежды, что въ случаѣ окончательнаго раздѣла Марокко, Германія получитъ свою часть добычи и сумѣетъ утвердиться въ этой области Африки, богатой желѣзомъ и мѣдью и лежащей на перепутьи двухъ великихъ торговыхъ и военныхъ дорогъ: средиземной отъ Гибралтара къ Суэцу и атлантической — отъ Гамбурга, Антверпена, Лондона и т. д. къ Капштадту. Такимъ образомъ, было ясно, что Германія соглашается признать недѣйствительной международную конвенцію 1880 г. о суверенитетѣ Марокко только въ томъ случаѣ, если и ей будетъ предоставлена какая-либо доля въ раздѣлѣ этого «независимаго и сувереннаго» марокккскаго государства. Но такъ какъ французскіе имперіалисты рѣшили ни въ коемъ случаѣ не допустить участія Германіи въ раздѣлѣ Марокко, считая, что это африканское государство должно почти цѣликомъ—за исключеніемъ доли, которую волей-неволей пришлось уступить Испаніи — войти въ составъ французской колоніальной имперіи, являлось опасеніе, что нѣмецкіе имперіалисты не ограничатся одними воплями о «вѣроломномъ» нарушеніи французскимъ правительствомъ международной конвенціи 1880 г. относительно Марокко, о полномъ пренебреженіи къ экономическимъ интересамъ Германіи и къ германо-марокккскому торговому договору 1890 г., а прибѣгнутъ сверхъ того къ болѣе опаснымъ мѣрамъ для защиты нѣмецкихъ имперіалистическихъ плановъ въ Сѣверной Африкѣ.

Чтобы имѣть возможность осуществить свои завоевательные планы относительно Марокко вопреки противодѣйствію Германіи, Франція подписала 8 апрѣля 1904 г. дого-

воръ съ Англіей, по которому Франція признала за Великобританіей право на господство въ Египтѣ, Англія же согласилась не противодѣйствовать планамъ Франціи относительно Марокко.

Не ограничиваясь договоромъ съ Англіей, Франція въ томъ же году подписала соглашеніе съ Испаніей относительно Марокко. Въ объявленной для всеобщаго свѣдѣнія деклараціи отъ 6 октября 1904 г. Испанія и Англія провозгласили свою твердую рѣшимость охранять независимость и неприкосновенность Марокко подъ верховной властью султана. Но—такова честность дипломатовъ—въ тотъ самый день, когда Франція и Испанія подписали этотъ договоръ для всеобщаго свѣдѣнія, министры обоихъ правительствъ подписали тайный договоръ, коимъ «независимое», «неприкосновенное» Марокко дѣлится на зоны вліянія между Франціей и Испаніей и признается принципъ раздѣла Марокко между обѣими подписавшими тайный договоръ странами.

§ 3. Германскіе интересы въ Марокко. Борьба за марокконскіе рудники. Металлургическій синдикатъ братьевъ Маннесмановъ и роль этого синдиката въ марокнской политикѣ Германіи.

Итакъ, къ концу 1904 г. четыре изъ государствъ, подписавшихъ въ 1880 г. конвенцію о неприкосновенности и независимости Марокко, а именно: Франція, Англія, Италія и Испанія, связались договорами, фактически отвергавшими конвенцію 1880 г. и санкціонировавшими французскіе имперіалистическіе планы относительно этой африканской области.

Однако, германское правительство рѣшило не допустить осуществленія этихъ плановъ. Уже давно миновала для Германіи та эпоха, когда князь Бисмаркъ, тогдашній канцлеръ имперіи, и князь Хлодвигъ Гогенлоэ, нѣмецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, объявляли, что «такъ какъ Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ въ Марокко, она будетъ держаться по отношенію къ этому государству той политики, которая совпадаетъ съ политикой Франціи» [1]). Съ того момента, какъ были произнесены эти слова, много воды утекло, и Германія превратилась въ *міровую* державу, имѣющую важные экономическіе интересы во всѣхъ уголкахъ земного шара. Въ 1903, 1904, 1905 гг. Германія по своей роли во внѣшней торговлѣ Марокко занимала 3 мѣсто, идя непосредственно за Франціей и Англіей. Пять нѣ-

---

[1]) См. телеграмму французскаго посланника въ Берлинѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Фрейсине отъ 23 апрѣля 1880 г. Цитировано по книгѣ Андре Тардье. „Алжесирасская конференція“ (André Tardieu. „La conférence d'Algésiras“). Paris. 1907.

мецкихъ мореходныхъ компаній въ томъ числѣ «Гамбурго-Американская линія» и «Сѣверо-Американскій Ллойдъ» совершали регулярные рейсы къ 8 марокксимъ портамъ, открытымъ для торговли. Въ самомъ Марокко работало 40 нѣмецкихъ фирмъ, въ которыхъ было вложено около 10 милліоновъ марокъ. Но все это было только началомъ, и германская буржуазія имѣла основаніе разсчитывать, что въ близкомъ будущемъ Марокко можетъ сдѣлаться важнымъ пунктомъ приложенія германской энергіи и германскихъ капиталовъ.

Но болѣе всего Марокко интересовало германскихъ имперіалистовъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, нѣмецкое правительство разсчитывало во что бы то ни стало овладѣть при раздѣлѣ Марокко какой-нибудь частью побережья этого государства, чтобы создать здѣсь угольныя стоянки для нѣмецкаго военнаго флота и, такимъ образомъ, усилить германское вліяніе на атлантическомъ побережьѣ Африки и на великой средиземной военно-торговой дорогѣ отъ Гибралтара къ Суецу. Во-вторыхъ—на это указывалъ, между прочимъ, депутатъ Маргенъ въ своей рѣчи на засѣданіи французской Палаты Депутатовъ 21 ноября 1913 г.—Германія, какъ величайшая металлургическая держава въ Европѣ, *давно обратила свое вниманіе на подпочвенныя богатства Марокко, на желѣзные и мѣдные рудники этой африканской территоріи и стремилась наложить на нихъ свою руку*. Германскіе изслѣдователи знали, что Марокко изобилуетъ мѣдью, что богатѣйшія залежи этого металла находятся въ горной цѣпи Атласъ, проходящей по Марокко. Многіе изслѣдователи указывали, что желѣзная руда встрѣчается въ Марокко на каждомъ шагу, что мѣдь (преимущественно въ области Сузъ) собирается прямо на поверхности земли [1]).

Первыми изъ нѣмецкихъ капиталистовъ явились въ Марокко пресловутые братья Маннесманъ, которые откупили у султана монополію на эксплуатацію всѣхъ мѣдныхъ рудниковъ Марокко. А за братьями Маннесманъ,—по словамъ депутата Маргенъ,—послѣдовало и германское правительство. Такимъ образомъ, Германія искала въ Марокко того же, что она искала въ африканской области Катанга, входящей въ составъ бельгійскаго Конго, именно, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудниковъ. И дѣйствительно, есть серьезныя основанія предполагать, что подпочва Марокко изобилуетъ непочатыми залежами угля и разныхъ металловъ. По утвержденію нѣкоторыхъ инженеровъ и геологовъ, желѣзные рудники Марокко превосходятъ по своему качеству знаменитые рудники въ Бильбао, гдѣ извлекается изъ руды 50% желѣза, въ то

---

[1]) См. засѣданіе французской Палаты отъ 21 ноября 1913 г.

время какъ марокккскіе рудники даютъ 75%. Неудивительно, что металлургисты всѣхъ странъ обратили такое вниманіе на Марокко. Для эксплуатаціи желѣзныхъ рудниковъ въ Марокко образовалось два треста. Во главѣ одного изъ этихъ трестовъ стала фирма четырехъ братьевъ Маннесмановъ. Фирма Маннесмановъ поддерживала Марракешскаго султана Мулай-Гафида и дала послѣднему денежныя средства для вооруженія своихъ партизановъ для низверженія его брата Абдъ-эль-Азиза, царствовавшаго въ Фецѣ. Въ награду за услуги, оказанныя ему братьями Маннесманами, Мулай-Гафидъ, сдѣлавшись повелителемъ всего Марокко, уступилъ Маннесманамъ болѣе 600 концессій по эксплуатаціи различныхъ богатствъ Марокко и въ томъ числѣ всѣхъ рудниковъ въ горной области Рифъ, лежащей на Средиземномъ побережьѣ Марокко, особенно богатой желѣзомъ и мѣдью.

Фирма Маннесмановъ (Société Mannesman frères) не была исключительно *нѣмецкой* фирмой. Братья Маннесманы прекрасно понимали, что для осуществленія ихъ плановъ имъ нужна поддержка интернаціональнаго капитала, содѣйствіе магнатовъ международной финансовой олигархіи. Братья Маннесманы обижались, когда французы называли ихъ синдикатъ «чисто нѣмецкимъ». Открытымъ письмомъ 19 сентября 1909 г. въ «Matin» братья Маннесманы протестовали противъ клички «нѣмецкій синдикатъ», приклеиваемой къ ихъ фирмѣ. «Нашъ синдикатъ,—гордо заявили они,—носитъ *интернаціональный* характеръ. Въ немъ принимаютъ участіе французскіе капиталисты и финансисты, равно какъ капиталисты испанскіе, австрійскіе и т. д.». Въ двухъ интервью, опубликованныхъ во французской газетѣ «Temps» и въ нѣмецкой «Berliner Tageblatt», братья Маннесманы сообщили имена своихъ компаньоновъ и назвали многихъ французовъ, въ томъ числѣ двухъ извѣстныхъ капиталистовъ, Отріена и Гоньте, далѣе испанцевъ, какъ, напримѣръ, герцога Товаръ, мадридскаго губернатора. Наконецъ, много англичанъ, бельгійцевъ, итальянцевъ и т. д.

Эта полунѣмецкая, полуинтернаціональная фирма братьевъ Маннесманъ, поставившая своей цѣлью овладѣніе всѣми желѣзными, мѣдными и т. д. рудниками въ Марокко и получившая въ 1908 г. отъ султана Мулай-Гафида очень важную концессію на эксплуатацію всѣхъ рудниковъ въ Рифѣ, вела борьбу съ франко-германскимъ синдикатомъ «Union des mines marocaines», главнымъ акціонеромъ котораго являлся Шнейдеръ, французскій пушечный король. Въ этотъ же синдикатъ вмѣстѣ съ Шнейдеромъ входилъ и пресловутый Круппъ, боровшійся совмѣстно съ французскими капиталистами противъ синдиката братьевъ Маннесмановъ. Въ синдикатѣ Шнейдера на долю французскихъ капиталовъ

приходилось 62%, нѣмецкихъ 20%, англійскихъ 6%, испанскихъ 6%, итальянскихъ 4%, португальскихъ 2%.

Итакъ, въ борьбѣ между двумя металлургическими синдикатами французскаго пушечнаго короля Шнейдера и четырехъ братьевъ Маннесмановъ мы видимъ *борьбу между двумя интернаціональными трестами за монопольное господство въ Марокко.* Пока оба эти треста не слились въ одномъ могучемъ синдикатѣ, борьба между ними естественно носила обостренный характеръ и въ полемикѣ другъ съ другомъ противники старались всѣми средствами скомпрометировать одинъ другого. Такъ, въ 1909 г. «Парижское Эхо», главный органъ Шнейдера, опубликовало нѣсколько замѣтокъ о томъ, что въ синдикатъ братьевъ Маннесмановъ входятъ не чистокровные нѣмцы, но—о ужасъ!—исключительно нѣмецкіе евреи. На это тяжкое обвиненіе неутомимые братья Маннесманы отвѣтили письмомъ въ «Парижское Эхо», въ которомъ сообщили, что членами синдиката состоятъ исключительно чистокровные нѣмцы и самые чистокровные **французы.**

Роль фирмы братьевъ Маннесмановъ въ марокккскихъ осложненіяхъ была очень крупной. Когда на засѣданіи германскаго рейхстага въ мартѣ и апрѣлѣ 1910 г. пангерманскіе депутаты атаковали «нерѣшительную» политику правительства въ марокккскомъ вопросѣ, при чемъ очень часто было упомянуто имя братьевъ Маннесмановъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Шенъ возражалъ, что германское правительство не можетъ брать на себя роль адвоката «Братьевъ Маннесмановъ» (9 марта), что какъ ни велико экономическое значеніе концессій, полученныхъ Маннесманами, нельзя утверждать, будто здѣсь идетъ рѣчь о жизненномъ вопросѣ для Германіи. Уже одна возможность подобнаго замѣчанія въ устахъ германскаго министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ на колоссальную роль, которую фирма Маннесмановъ играла въ марокккскихъ дѣлахъ [1]).

На засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага 11 марта 1910 г. были внесены двѣ резолюціи—Эйхова и Либермана фонъ-Зоненберга. Резолюція Эйхова выражала пожеланіе,

---

[1]) Дѣятельности братьевъ Маннесмановъ въ Марокко посвящена спеціально изданная германскимъ правительствомъ «Бѣлая книга» о марокскихъ дѣлахъ, розданная въ январѣ 1910 г. членамъ германскаго рейхстага. Это полная исторія фирмы братьевъ Маннесмановъ отъ начала ея дѣятельности въ Марокко съ 1910 г. «Бѣлая книга» состоитъ изъ 17 большихъ страницъ съ приложеніемъ, содержащимъ 73 офиціальныхъ документа о фирмѣ Маннесмановъ. Роль братьевъ Маннесмановъ въ марокккскихъ осложненіяхъ служитъ однимъ изъ яркихъ примѣровъ колоссальнаго вліянія, какое *металлургическіе тресты играютъ въ современной международной политикѣ вообще, въ происхожденіи нынѣшней войны въ частности* и является вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, какое важное значеніе въ современной колоніальной политикѣ имѣетъ вопросъ о монополистическомъ обладаніи источниками сырыхъ матеріаловъ.

чтобы «правительство самымъ энергичнымъ образомъ защищало интересы братьевъ Маннесмановъ». Въ еще болѣе рѣшительномъ тонѣ составлена резолюція Либермана фонъ-Зонненберга, указывающая на крайнюю важность для германской индустріи концессій, полученныхъ братьями Маннесманами на эксплуатацію желѣзной руды въ Марокко, и заканчивающаяся слѣдующей жалобой:

«Во Франціи создалось впечатлѣніе, что германское правительство оставляетъ на произволъ судьбы братьевъ Маннесмановъ».

Однако, комиссія сочла крайне опасными обѣ предложенныя резолюціи, равно какъ резолюцію національ-либераловъ, составленную въ такомъ же рѣшительномъ духѣ, и нашло, что правительство одно должно быть судьей въ томъ, чего нужно требовать въ Марокко, и что во всякомъ случаѣ въ столь опасномъ международномъ вопросѣ, какъ марокккскій, нельзя отдавать *имперское правительство связаннымъ по рукамъ и ногамъ во власть братьевъ Маннесмановъ.*

Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ моментъ Германія была неподготовлена къ войнѣ, а между тѣмъ крайнія притязанія синдиката Маннесмановъ и ненасытные аппетиты этой фирмы грозили разрывомъ франко-германскихъ переговоровъ, а, стало-быть, и войной. Однако, если германское правительство не разъ заявляло офиціально о своей независимости отъ фирмы братьевъ Маннесмановъ, все-таки несомнѣнно, что, когда германское правительство послало въ іюлѣ 1911 г. военное судно въ Агадиръ, оно выбрало именно этотъ пунктъ для своей демонстраціи въ виду тѣхъ интересовъ, которые братья Маннесманы имѣли въ этой области и прежде всего въ округѣ Сузъ, гдѣ работали представители фирмы. И «Temps» [1]) не безъ основанія объясняло «агадирскій ударъ» желаніемъ германскаго правительства отстоять интересы фирмы Маннесманъ, имѣвшей своихъ агентовъ въ Таруданѣ. Во всякомъ случаѣ, если германское правительство постоянно стремилось доказать, что оно въ своей внѣшней политикѣ отнюдь не является орудіемъ въ рукахъ фирмы Маннесмановъ, оно въ то же время подчеркивало, что оно не допуститъ монополизаціи металлургическихъ богатствъ Марокко Франціей или Испаніей. Такъ, въ началѣ 1913 г. товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Циммерманъ заявилъ, что Германія не позволитъ вывоза желѣзной руды изъ области Рифа, пока не будетъ выработанъ регламентъ объ эксплуатаціи рудниковъ въ этой области Марокко. Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ Германія отправила ноту испанскому правительству, гласящую о томъ, что Германія налагаетъ свое вето на экспортъ руды изъ Марокко. Въ ре-

[1]) „Temps", 6 іюля 1911 г.

зультатѣ этой ноты *всѣ работы по эксплуатаціи рудниковъ въ области Рифа были прекращены*, и Англія, заинтересованная *въ эксплуатаціи этихъ рудниковъ*, начала дипломатическіе переговоры по данному вопросу съ Германіей [1]).

Какъ великая металлургическая держава, стремившаяся сохранить свою гегемонію на европейскомъ металлургическомъ рынкѣ, Германія стремилась наложить свою руку на марокскіе рудники и, во всякомъ случаѣ, не дать возможности Франціи или Англіи усилить свою мощь путемъ монопольнаго овладѣнія богатой желѣзомъ и мѣдью марокской территоріей въ ущербъ экономическимъ интересамъ Германіи.

§ 4. Танжерскій ударъ. Призракъ міровой войны въ 1905 г. Паденіе Дельнассе и Алжесирасская конференція.

Договоры, подписанные Франціей въ 1902 г. съ Италіей и въ 1904 г. съ Англіей, ясно показывали, что Франція рѣшила во что бы то ни стало овладѣть Марокко и присоединить къ своимъ владѣніямъ на сѣверѣ Африки, именно къ Алжиру и Тунису, новую обширную колонію. Однако, само собой разумѣется, что германскіе имперіалисты не могли отнестись равнодушно къ захватнымъ планамъ Франціи относительно такой важной африканской области, какъ Марокко. 27 мая 1904 г. нѣмецкое колоніальное общество вынесло слѣдующую резолюцію:

«Въ виду неожиданнаго положенія, созданнаго въ Марокко англо-французскимъ соглашеніемъ, колоніальное собраніе считаетъ необходимымъ, чтобы имперское правительство предприняло шаги для достиженія слѣдующихъ условій: въ случаѣ, если status quo [2]) въ Марокко будетъ измѣнено въ пользу Франціи, Германская имперія должна получить компенсаціи, равныя приросту французскаго могущества въ Марокко,—компенсаціи, соотвѣтствующія и важности германскихъ экономическихъ интересовъ въ этой странѣ, и *потребностямъ германскаго флота въ морскихъ базахъ, и потребностямъ расширенія нѣмецкаго населенія.* [3]).

Итакъ, германскіе имперіалисты отнюдь не желали удовлетворяться предоставленіемъ имъ правъ болѣе или менѣе свободной торговли въ Марокко, выгодными торговыми договорами и т. д. Нѣтъ, они желали получить, во-первыхъ, часть побережья Марокко для созданія здѣсь опорныхъ базъ для германскаго торговаго и военнаго флота, а, во-вторыхъ, вообще принять участіе въ раздѣлѣ Марокко,

---

1) „Время“ („Temps“) 26 мая 1913 г.

2) Прежнее положеніе.

3) См. Андре Тардье. „Алжесирасская конференція“, стр. 46. Парижъ 1907.

если другія государства рѣшатъ уничтожить самостоятельность и территоріальную неприкосновенность послѣдняго.

И на самомъ колоніальномъ собраніи докладчикъ, графъ Іоахимъ Пфейль, объяснилъ, что надо было бы направить въ Марокко тѣ 32.000 эмигрантовъ, которые ежегодно уѣзжаютъ въ С. Штаты, что эмигранты найдутъ въ этой африканской области климатъ и условія, соотвѣтствующія ихъ навыкамъ и энергіи, и т. д. и сказалъ между прочимъ: «*Мы должны пріобрѣсть Марокко, хотя бы цѣной войны*».

Черезъ нѣсколько дней пангерманскій союзъ въ Любекѣ на своемъ годовомъ собраніи высказался столь же энергично о Марокко и потребовалъ во имя экономическихъ и политическихъ интересовъ Германіи уступки ей атлантическаго побережья. Собраніе потребовало отъ правительства, чтобы оно стало твердой ногой въ Марокко. Наконецъ, годомъ позже Теобальдъ Фишеръ, этотъ наиболѣе авторитетный выразитель германской имперіалистической программы относительно Марокко, заявилъ, что въ случаѣ раздѣла имперіи шерифа, Германія потребуетъ въ качествѣ минимума уступки ей части Марокко, расположенной между Атласомъ и Атлантическимъ океаномъ къ югу отъ Рабата, включая область Сузъ, оставивъ Франціи всю остальную часть Марокко.

Уступая требованіямъ имперіалистовъ, германское правительство рѣшило прибѣгнуть къ энергичнымъ дѣйствіямъ, чтобы показать, что Германія не желаетъ отказываться отъ своихъ «правъ» въ Марокко.

Это былъ моментъ, когда Россія была занята войной съ Японіей, и Франція не могла ожидать никакой поддержки со стороны своего союзника.

31 марта 1905 г. Вильгельмъ II по совѣту своего канцлера Бюлова [1]) высадился въ марокскомъ портѣ Танжеръ и, принятый Мулей Абдъ-эль-Малекомъ, экстраординарнымъ посланникомъ марокскаго султана, произнесъ слѣдующія слова, которыя произвели сенсацію во всей Европѣ и особенно во Франціи:

«Признавая султана *совершенно свободнымъ и независимымъ сувереномъ своей страны* [2]), я желаю столковаться съ нимъ о средствахъ защитить германскіе интересы въ Марокко».

Въ своей рѣчи, обращенной къ представителямъ нѣмецкой колоніи въ Марокко, Вильгельмъ заявилъ, что «независимый марокскій султанъ долженъ держать свою страну открытой для мирной конкуренціи всѣхъ націй, *безъ монополіи и безъ аннексій*», что «Германія имѣетъ большіе инте-

---

[1]) Князь Бюловъ. «Германская политика» (см. главу о марокскомъ вопросѣ).

[2]) Курсивъ мой. М. П.

ресы въ Марокко», что «права всѣхъ державъ въ Марокко равны въ силу суверенной власти султана и независимости страны».

«Мой визитъ въ Марокко,—сказалъ Вильгельмъ II,— является признаніемъ независимости этой страны». И чтобы подчеркнуть это заявленіе императора, «Дейче Банкъ» ссудилъ правительству марокксdéfinition султана 10 милліоновъ марокъ, дабы освободить султана отъ необходимости обращаться за деньгами къ французскимъ банкамъ.

Поѣздка Вильгельма II въ Танжеръ показала французскимъ имперіалистамъ, что Германія не позволитъ имъ однимъ такъ легко проглотить цѣликомъ весь марокскій пирогъ. Германія потребовала созыва международной конференціи для разрѣшенія марокскаго вопроса и установленія правъ различныхъ державъ въ этой части Африки. Но главный представитель французскихъ имперіалистовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, не желалъ и слышать о международной конференціи по поводу Марокко. *Уже въ 1905 г. Делькассе готовъ былъ начать войну съ Германіей изъ-за Марокко.* Чтобы получить «свободу дѣйствій» въ Марокко, Делькассе въ 1901 г. уступилъ непринадлежащее Франціи Триполи Италіи, сѣверное побережье Танжера— Испаніи (октябрьскій договоръ 1904), онъ отказался въ пользу Англіи по договору 8 февраля 1904 г. отъ французскихъ правъ въ Египтѣ, отъ интересовъ Франціи на великомъ пути Капштадтъ-Каиръ, уступилъ одновременно Великобританіи французскія рыболовни въ Новой Землѣ, — и вдругъ теперь Делькассе приходилось отказаться и отъ Марокко и признать всю политику въ теченіе послѣднихъ лѣтъ потерпѣвшей полное фіаско. На это Делькассе не могъ согласиться, и онъ готовъ былъ поставить на карту судьбу Франціи и всей Европы, пожертвовать милліонами существованій скорѣе, чѣмъ отказаться отъ своихъ имперіалистическихъ плановъ.

Поэтому, когда на экстренномъ засѣданіи французскихъ министровъ 6 іюня 1905 г. президентъ совѣта и министръ финансовъ Рувье ознакомилъ своихъ коллегъ съ тѣми печальными результатами, къ которымъ привела страну политика Делькассе, и поставилъ дилемму: или согласіе на конференцію или отказъ отъ конференціи, и въ послѣднемъ случаѣ *неизбѣжная война съ Германіей,*—война, къ которой Франція совершенно не готова, Делькассе заявилъ, что онъ не раскаивается въ своей политикѣ и что онъ, *наоборотъ, требуетъ доведенія ея до логическаго конца* [1]). Онъ призналъ невозможнымъ отдать марокскій вопросъ на обсужденіе

[1]) См. статью „Забытая страница" въ газетѣ „Фигаро" отъ 3 марта 1911 г.

третьихъ державъ и требовалъ разрѣшенія марокской проблемы, хотя бы войной, если Германія дѣйствительно думаетъ серьезно стать поперекъ планамъ Франціи. Чтобы ободрить своихъ коллегъ и разсѣять ихъ страхи предъ перспективой вооруженнаго конфликта съ грознымъ сосѣдомъ, Делькассе заявилъ, что Англія согласна подписать съ Франціей оборонительный союзъ и поддержать Францію всѣми силами своихъ флотовъ въ случаѣ, если Германія осмѣлится атаковать ее. Основываясь на этомъ обѣщаніи Англіи, Делькассе заявилъ о необходимости отвергнуть нѣмецкое требованіе созыва международной конференціи по поводу Марокко. Но президентъ совѣта министровъ Рувье гнѣвно заявилъ, что «у него скорѣе отсохнетъ рука, чѣмъ онъ согласится подписать этотъ оборонительный союзъ съ Англіей, что германское правительство передало ему, Рувье, о своемъ намѣреніи немедленно объявить войну Франціи, если послѣдняя приметъ англійское предложеніе».

«Пусть французскіе министры знаютъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ они рискуютъ», — велѣлъ передать Вильгельмъ II правительству республики. «Нанси, взятый въ 24 часа, нѣмецкая армія передъ Парижемъ черезъ 3 недѣли. Революція въ 15 главныхъ городахъ Франціи и семь милліардовъ франковъ контрибуціи за всѣ поврежденія, которыя англійскій флотъ не преминетъ нанести нѣмецкому», — вотъ какой перспективой пригрозилъ Вильгельмъ II Франціи.

Но эти перспективы не напугали Делькассе. Въ отвѣтъ на заявленіе Рувье, Делькассе, какъ разсказывали въ то время, прошепталъ: «Объявимъ мобилизацію» [1]. Но всѣ министры отвергли это безумное предложеніе, и Делькассе тутъ же заявилъ о томъ, что онъ подаетъ въ отставку. И дѣйствительно, немедленно послѣ окончанія совѣта министровъ Делькассе подалъ президенту республики свое заявленіе объ отставкѣ.

Итакъ, **уже въ 1905 г. Европа чуть было не сдѣлалась**, по волѣ Делькассе и другихъ имперіалистовъ, **ареной міровой войны изъ-за Марокко.** А между тѣмъ въ этотъ моментъ Франція совершенно не была подготовлена къ войнѣ, и поэтому съ особой силой возсталъ на совѣтѣ министровъ противъ плановъ Делькассе военный министръ Берто. Какъ писала въ 1915 г. франкофильская швейцарская газета «Genévois», «если бы Франція въ 1905 г. начала войну съ Германіей, Франція теперь уже не существовала бы». Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ этой тревоги поѣзда днемъ и ночью циркулировали по восточной желѣзной дорогѣ, подвозя боевые запасы и артиллерію къ по-

[1]) См. Шарль Моррасъ. «Киль и Танжеръ». стр. 147. Парижъ, 1910.

граничнымъ крѣпостямъ [1]). Въ общемъ было затрачено около 300.000.000 фр. на пополненіе боевыхъ запасовъ въ этихъ крѣпостяхъ и на приведеніе послѣднихъ въ готовность.

16 января 1906 г. международная конференція по вопросу о Марокко собралась въ Алжесирасѣ. Эта конференція не оправдала надеждъ, которыя возлагали на нее германскіе имперіалисты. Французская дипломатія заручилась поддержкой державъ, на помощь которыхъ разсчитывала Германія. Испанія поддержала Францію, такъ какъ послѣдняя обѣщала и ей часть Марокко, и Испанія естественно желала раздѣлить это африканское государство между двумя наслѣдниками, а не тремя, разсчитывая въ первомъ случаѣ получить большую долю добычи. Италіи была предоставлена свобода дѣйствій въ Триполи, и она обязалась поддерживать французскіе планы въ Марокко. Наконецъ, даже вторая союзница Германіи, Австро-Венгрія, не обнаружила особаго рвенія въ защитѣ на Алжесирасской конференціи нѣмецкой политики по отношенію къ Марокко. Дѣло въ томъ, что французская дипломатія обѣщала предоставить Австро-Венгріи свободу дѣйствій на Балканахъ, если послѣдняя поддержитъ Францію въ Марокко, и Австро-Венгрія нашла это предложеніе очень выгоднымъ. И поэтому, когда впослѣдствіи Австро-Венгрія аннексировала Босно-Герцеговину, французская дипломатія отнеслась очень снисходительно къ этому акту со стороны Двойственной имперіи въ награду за политику послѣдней на Алжесирасской конференціи [2]).

Резолюція Алжесирасской конференціи разочаровала нѣмецкихъ имперіалистовъ, но все же эта конференція связывала руки французскимъ имперіалистамъ. Конференція предоставила большую свободу дѣйствій интернаціональному капиталу, интернаціональнымъ трестамъ и синдикатамъ; и этимъ самымъ она мѣшала монополизаціи Марокко исключительно въ интересахъ французскаго національнаго капитала, французскихъ трестовъ и синдикатовъ. Въ общемъ результаты конференціи не удовлетворяли ни французскихъ ни германскихъ имперіалисттовъ, и поэтому было очевидно, что конференція не разрѣшила франко-германскаго конфликта изъ-за Марокко, а лишь отсрочила это разрѣшеніе на другое время. Во всякомъ случаѣ Алжесирасская конференція признала «тройной принципъ суверенитета и независимости султана, территоріальной неприкосновенности его государства и свободной торговли безъ какого бы то ни было неравенства». Вмѣстѣ съ тѣмъ конференція поручила Франціи и Испаніи надзоръ за сохраненіемъ порядка на

---

[1]) „L'Humanité" 22, 10. 1915.

[2]) См. рѣчь Жореса на засѣданіи французской Палаты Депутатовъ отъ 19, 20 дек. 1911 г.

марокккской границѣ въ 8 открытыхъ для торговли марокк-скихъ портахъ. Въ своей книгѣ «Германская политика» Бюловъ опредѣляетъ значенiе резолюцiи Алжирасской конференцiи въ слѣдующихъ словахъ: «Резолюцiи Алжесирасской конференцiи положили конецъ французскимъ планамъ тунисификацiи Марокко. Эти резолюцiи являются для насъ своего рода погремушкой, съ помощью которой мы будемъ подымать каждый разъ шумъ, какъ только Францiя будетъ дѣлать попытки привести въ исполненiе свои планы». Дѣйствительность не оправдала этихъ оптимистическихъ надеждъ Бюлова, и Францiя, несмотря на постановленiя Алжесирасской конференцiи, неуклонно шла къ завоеванiю Марокко.

§ 5. Агадирскiй ударъ 1911 г. Вмѣшательство Англiи. Снова передъ призракомъ мiровой войны. Франко-германскiй компромиссъ 1911 г.

Танжерскiй ударъ былъ первымъ острымъ проявленiемъ противорѣчiй франко-германскихъ интересовъ въ Марокко. Не успѣло улечься впечатлѣнiе, произведенное на всю Европу Танжерской демонстрацiей, какъ въ октябрѣ 1908 г. снова вспыхнулъ конфликтъ между Францiей и Германiей изъ за Марокко. Поводомъ къ тому конфликту послужилъ арестъ французскими властями 25 сент. 1908 г. въ марокккскомъ портѣ Казабланкѣ 6 дезертировъ французскаго иностраннаго легiона, въ томъ числѣ трехъ нѣмцевъ, получившихъ проходное свидѣтельство отъ нѣмецкаго консула въ Казабланкѣ. Такъ какъ во время этого ареста подвергся оскорбленiямъ со стороны французскихъ солдатъ чиновникъ нѣмецкаго консульства, г. Юстъ, сопровождавшiй дезертировъ и посадившiй ихъ на нѣмецкое судно, германское правительство потребовало отъ французскаго извиненiй по поводу инцидента въ Казабланкѣ. Конфликтъ принялъ столь острый характеръ, что *французскимъ войскамъ на нѣмецкой границѣ было запрещено отлучаться изъ казармъ, были приняты экстренныя военныя мѣры и было рѣшено въ принципѣ мобилизовать классъ резервистовъ*, освобожденный въ сентябрѣ 1907 г. Англiйская пресса дала понять, что Великобританiя поддержитъ Францiю всѣми силами въ случаѣ нападенiя со стороны Германiи. «Вильгельмъ II согласился отказаться отъ своего плана начать войну изъ-за пустячнаго повода», — говоритъ Ивъ Гюйо, разсказывая объ этой исторiи.

Наконецъ, третiй и самый опасный конфликтъ изъ-за Марокко вспыхнулъ въ 1911 г. въ связи съ пресловутымъ «агадирскимъ ударомъ» (coup d'Agadir). За пятилѣтнiй перiодъ отъ созыва Алжесирасской конференцiи до 1911 г. Францiя значительно усилила свое влiянiе въ Марокко и съ каждымъ днемъ все энергичнѣе и успѣшнѣе уничтожала

послѣдніе остатки мароккоской независимости. Въ началѣ 1911 г. Франція мобилизовала громадныя военныя силы въ Марокко и предприняла экспедицію въ Фецъ, столицу этого государства. Вступленіе французскихъ войскъ въ Фецъ, занятіе ими Мекинеца и другихъ важнѣйшихъ пунктовъ Марокко взволновало германскихъ импералистовъ. Было очевидно, что, несмотря на резолюцію Алжесирасской конференціи, Франція рѣшила уничтожить независимость Марокко и превратить эту область во французскую колонію.

Въ началѣ іюля 1911 г. германское правительство объявило о своемъ рѣшеніи послать нѣмецкое военное судно въ *Агадиръ*, марокскій портъ на Антлантическомъ побережьи, якобы для защиты жизни и интересовъ нѣмецкихъ подданныхъ въ Марокко въ виду анархіи, царящей въ этой странѣ. Объясняя значеніе этой демонстраціи, нѣмецкая имперіалистическая газета Теглише Рундшау (Tägliche Rundschau) писала:

«Нѣмецкій народъ очень нуждается въ колоніяхъ. Возможно, что Франція предложитъ намъ Конго. Однако, Германія не желаетъ компенсаціи въ другихъ мѣстахъ, она желаетъ получить часть Марокко».

Перспектива появленія нѣмецкаго судна у Агадира вызвала сильное волненіе во французскихъ правящихъ кругахъ, во всей прессѣ. Былъ созванъ экстренный совѣтъ министровъ. Было предложено въ отвѣтъ на нѣмецкую демонстрацію послать въ Агадиръ французское военное судно. Но при данныхъ обстоятельствахъ это было равносильно объявленію войны и поэтому данное предложеніе было отвергнуто, и на этотъ разъ самъ Делькассе, въ этотъ моментъ французскій морской министръ, нашелъ предложеніе крайне опаснымъ. Между тѣмъ тонъ германскаго правительства и нѣмецкой имперіалистической прессы становился все болѣе и болѣе угрожающимъ. Въ началѣ германское правительство предупредило, что оно пошлетъ въ Агадиръ маленькую миноноску «Пантеру», теперь оно рѣшило придать болѣе энергичный характеръ своей демонстраціи и отправило въ Агадиръ крейсеръ «Берлинъ» съ экипажемъ въ 260 человѣкъ и 130 офицеровъ.

Положеніе снова приняло крайне опасный характеръ. Но здѣсь опять вмѣшалась Англія. Какъ только въ Англіи получилось сообщеніе о намѣреніи Германіи послать «Пантеру» въ Агадиръ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей призвалъ германскаго посланника Вольфа-Меттерниха къ себѣ и заявилъ ему, «что положеніе крайне серьезно» и что «вопросъ о посылкѣ нѣмецкаго судна въ Агадиръ будетъ разсмотрѣнъ въ англійскомъ кабинетѣ министровъ». Итакъ, Англія рѣшительно давала понять, что вопросъ о нѣмецкихъ притязаніяхъ въ Марокко затрогиваетъ

не только Францію, но и Англію. На слѣдующій день Грей снова призвалъ къ себѣ Вольфа-Меттерниха и категорически сообщилъ послѣднему, что Англія не признаетъ никакого договора между Франціей и Германіей, заключеннаго помимо Англіи, что послѣдняя должна принять участіе въ какихъ бы то ни было переговорахъ, которые отнынѣ будутъ вестись по поводу Марокко. **Англійское правительство дало понять, что оно не желаетъ допустить Германію утвердиться въ какой бы то ни было части Марокко.** Вся англійская пресса стала трубить о той опасности, которой подвергнется мировое положеніе Великобританіи, если Германія захватитъ Атлантическое побережье. Наконецъ, министръ финансовъ Ллойдъ Джорджъ въ рѣчи, произнесенной имъ во дворцѣ лорда мера 21 іюля 1911 г., по соглашеніи съ своими коллегами [1]), заявилъ, что, «если сохраненіе мира можетъ быть куплено путемъ отказа Великобританіи отъ того великаго и выгоднаго мірового положенія, которое она заняла въ результатѣ вѣковыхъ побѣдъ, въ такомъ случаѣ такой миръ былъ бы невыносимымъ униженіемъ для великой націи, подобно нашей» [2]). Это была прямая угроза войной по адресу Германіи, если послѣдняя будетъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ уступокъ въ марокксксмъ вопросѣ. Англійское правительство провозгласило категорически, что оно не допуститъ никакихъ нѣмецкихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Марокко. *«Вопросъ о безопасности нашей международной торговли не является партійнымъ вопросомъ»*, грозно заявилъ по адресу Германіи въ той же рѣчи Ллойдъ Джорджъ, давая понять, что въ марокксќомъ вопросѣ и либералы и консерваторы будутъ дѣйствовать солидарно, считаясь исключительно съ имперскими интересами, и не остановятся даже передъ войной во имя охраны господства Великобританіи на всѣхъ морскихъ путяхъ.

Имперіалистическая Англія готова была въ 1911 г. начать войну съ Германіей изъ-за Марокко и заявила правительству республики о своемъ намѣреніи прійти на помощь Франціи всѣми своими вооруженными силами. Кромѣ того,

---

[1]) Впослѣдствіи, именно 27 ноября 1911 г., англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей на засѣданіи Палаты Общинъ подтвердилъ въ офиціальной деклараціи, что рѣчь Ллойдъ Джорджа отъ 21 іюля была произнесена по порученію кабинета. См. «Политическая Жизнь», томъ 6, стр. 100. («La Vie politique»).

[2]) Рѣчь Ллойдъ Джорджа вызвала такую тревогу во Франціи, что черезъ день послѣ этой рѣчи англійскій посланникъ въ Парижѣ Берти выѣхалъ въ Лондонъ съ секретной миссіей изложить англійскому кабинету точку зрѣнія французскаго правительства, считающаго рѣчь Ллойдъ Джорджа черезчуръ воинственной и несоотвѣтствующей миролюбивому настроенію Франціи, отнюдь не желающей войны изъ-за Марокко. См. мою статью «Внѣшняя политика въ 1911 г.» «Современникъ», 1912 г. Январь. Стр. 228.

какъ объ этомъ сообщилъ депутатъ Годенъ де-Виленъ на засѣданіи французской палаты, *Россія дважды* во время Агадирской исторіи *предложила свою вооруженную помощь Франціи*. Все это подбодрило французскую военную партію, и въ сентябрѣ 1911 г. вдоль нѣмецкой границы отъ Виллерсекселя до Нанси были произведены маневры французскихъ войскъ [1].

Итакъ, въ 1911 г. *въ третій разъ* чуть было не вспыхнула война между Германіей и Франціей изъ-за Марокко,—война, въ которую оказалась бы втянутой вся Европа.

Однако, и во Франціи и въ Германіи восторжествовала партія мира, и рѣшено было начать переговоры о компенсаціяхъ Германіи за предоставленіе свободы дѣйствій французамъ въ Марокко.

Въ виду рѣшительнаго противодѣйствія Англіи, Германія, совершенно не готовая въ тотъ моментъ къ морской войнѣ, согласилась отказаться отъ требованій какихъ-либо территоріальныхъ уступокъ въ Марокко. Зато Германія потребовала себѣ важныхъ экономическихъ уступокъ въ Марокко. Германія потребовала, чтобы все Марокко было раздѣлено на двѣ зоны, на сѣверную и южную. Сѣверная зона входила въ область преимущественнаго экономическаго вліянія Франціи, а южная — Германіи. Въ сѣверной зонѣ Германіи должно было быть предоставлено 30% всѣхъ правительственныхъ заказовъ по сооруженію дорогъ, портовъ и т. д., а въ южной 70%. Та же пропорція должна была быть соблюдена въ предоставленіи правъ Франціи и Германіи *по эксплуатаціи желѣзныхъ рудниковъ* Марокко, такъ что 70% всѣхъ такихъ рудниковъ въ южной зонѣ должны были перейти въ руки Германіи. Французская пресса рѣшительно отвергла это требованіе Германіи и доказывала, что уступка въ данномъ пунктѣ была бы торжествомъ нѣмецкой фирмы братьевъ Маннесмановъ, вовлекшей Германію на путь мароккской авантюры и непрестанныхъ конфликтовъ съ Франціей изъ-за этой части африканскаго континента.

Кромѣ того, Германія потребовала отъ Франціи уступки ей всего французскаго Конго отъ Санги до океана, всего французскаго Габона, далѣе передачи Германіи права преемственности на испанскую Гвинею и на бельгійское Конго. Въ награду за эти компенсаціи Германія согласилась предоставить Франціи свободу дѣйствій въ Марокко вплоть до готовности признать французскій протекторатъ надъ Марокко.

Итакъ, хотя Германія взяла на себя въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій роль друга и защитника 300 милліоновъ мусульманъ, разсѣянныхъ по всему міру, и хотя князь Бюловъ

---

[1] «Политическая Жизнь» («La Vie politique», t. VI). Парижъ. 1913 г. См. стр. 121.

въ своей книгѣ «Германская политика» доказывалъ, что Германія потеряетъ свой престижъ въ Турціи, если согласится отдать послѣ Танжера мусульманское Марокко на съѣденіе французамъ», все-таки она соглашалась примириться съ полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности Марокко, съ «тунисификаціей» этой мусульманской страны въ награду за предоставленіе нѣмецкимъ металлургистамъ монополіи на эксплуатацію значительной части рудниковъ въ Марокко и за уступку Германіи обширныхъ территорій въ Африкѣ.

Возможно, что имперіалистическая Франція, предоставленная самой себѣ, неготовая къ войнѣ съ Германіей, вынуждена была бы или пойти на серьезныя уступки нѣмецкимъ требованіямъ, или окончательно отказаться отъ своихъ плановъ превращенія Марокко во французскую колонію, но Англія стояла на-стражѣ и заявила, что германскія претензіи являются попыткой къ такому нарушенію равновѣсія въ Центральной Африкѣ, которое можетъ поколебать міровое положеніе Англіи. Здѣсь опять-таки вставалъ вопросъ о великихъ англійскихъ рельсовыхъ проектахъ отъ Каира до Капштадта и отъ Индійскаго океана до Атлантическаго.

Германіи пришлось значительно сократить свои требованія и «агадирскій ударъ» закончился франко-германскимъ договоромъ 4 ноября 1911, удовлетворившимъ лишь въ самой незначительной степени притязанія нѣмецкихъ имперіалистовъ относительно африканскаго континента. По вопросу о Марокко Германія добилась признанія принципа свободной торговли и равенства экономическихъ правъ Франціи и Германіи въ имперіи шерифа. Кромѣ того, *Германія обезпечила за собой право эксплуатаціи желѣзныхъ рудниковъ Марокко и безпошлиннаго вывоза металловъ изъ Марокко въ Германію.*

Франко-германскій договоръ 1911 г. не улучшилъ отношеній между Франціей и Германіей, наоборотъ, онъ увеличилъ точки соприкосновенія между обѣими сторонами въ Африкѣ и этимъ создалъ поводы къ новымъ и новымъ треніямъ между договаривающимися сторонами. «*Не подлежитъ никакому сомнѣнію*»,—писалъ авторъ этихъ строкъ въ своей упомянутой статьѣ о «Внѣшней политикѣ» въ 1911 г. [1]), «что теперь для Франціи въ результатѣ только-что подписаннаго договора нѣтъ другого выхода, какъ или вступить въ болѣе тѣсное сближеніе съ Германіей, или же начать эру небывало обостренной экономической и дипломатической борьбы съ могучимъ сосѣдомъ,—борьбы, **которая фатально поведетъ къ кровавому конфликту, невиданному до сихъ поръ въ исторіи,** и въ который будутъ вовлечены многія другія государства и притомъ не только державы Тройственнаго Соглашенія и Трой-

[1]) Мих. Павловичъ. «Внѣшняя политика въ 1911 г.» «Современникъ», 1912 г. Январь. Стр. 232, 233.

ственнаго Союза, но также Бельгія, Испанія и другія заинтересованныя страны».

Послѣ договора 4 ноября 1911 г. Германія и Францiя не вступили въ тѣсное соглашеніе другъ съ другомъ. Наоборотъ, германскіе имперіалисты увидѣли въ ноябрьской конвенціи 1911 г. дипломатическое пораженіе Германіи, требующее реванша. Отнынѣ марокккскій вопросъ становится, по выраженію Жюля Камбона, французскаго посланника въ Берлинѣ, въ тайной нотѣ министру иностранныхъ дѣлъ Пишону отъ 30 іюля 1914 г., своего рода «національнымъ вопросомъ» для Германіи, «жизненнымъ вопросомъ», отъ того или другого разрѣшенія котораго зависитъ, будетъ ли Германія расширяться вовнѣ или нѣтъ.

Въ свою очередь, французская шовинистическая пресса начинаетъ писать объ уступкахъ въ Экваторіальной Африкѣ, вызванныхъ Германіей у Франціи, какъ о величайшемъ оскорбленіи, нанесенномъ престижу Франціи. Основная идея французской имперіалистической прессы заключалась въ томъ, что Франція имѣетъ право овладѣть всѣмъ Марокко и что она не обязана давать какихъ-либо компенсацій Германіи за расширеніе Франціи въ той или другой части континента. И эта пресса изображала государственныхъ дѣятелей въ родѣ Кайо, признававшихъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя территоріальныя уступки Германіи въ Африкѣ, или соціалистовъ въ родѣ Жореса, какъ людей, подкупленныхъ нѣмецкимъ правительствомъ.

Конвенція 4 ноября 1911 г. обострила отношенія не только между Франціей и Германіей. Передача Франціей права преемственности на бельгійское Конго Германіи вызвала сильную тревогу въ имперіалистическихъ кругахъ Бельгіи, увидѣвшихъ, что Германія рѣшила во что бы то ни стало овладѣть бельгійской колоніей. Отнынѣ въ правящихъ кругахъ нейтральнаго государства все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль о необходимости тѣснѣйшаго сближенія съ противниками Германіи, Франціей и Англіей, для противодѣйствія нѣмецкимъ захватнымъ планамъ въ Африкѣ.

§ 6. Политика Англіи въ марокккскомъ вопросѣ. Основныя тенденціи англійской міровой политики. Борьба противъ утвержденія Германіи въ Марокко. Политика англійскихъ колоній въ марокккскомъ вопросѣ.

Изучая различныя перипетіи марокккскаго конфликта, мы видимъ съ какимъ упорствомъ и непримиримостью Англія становилась въ рѣшительные моменты поперекъ германскимъ имперіалистическимъ планамъ въ сѣверо-западной части Африки. Готовая итти на уступки въ багдадскомъ вопросѣ, гдѣ Германіи приходилось преодолѣвать сопротивленіе могучей Россіи и имѣть сверхъ того дѣло съ правительствомъ

Оттоманской имперіи, вдесятеро болѣе сильнымъ, чѣмъ правительство султана, **Англія въ марокканскомъ вопросѣ не желала и слышать о какихъ-либо существенныхъ уступкахъ Германіи** и, наоборотъ, толкала Францію къ самому энергичному сопротивленію нѣмецкимъ планамъ. Далѣе, тѣ самыя англійскія газеты, которыя относились совершенно равнодушно къ такимъ фактамъ, какъ вопіющее нарушеніе Франціей Алжесирасскаго договора, выразившееся въ занятіи французскими войсками марокканскихъ областей Уджи и Шауйи, въ высадкѣ въ Казабланкѣ 25.000 французской арміи, доведшей численность французскихъ войскъ въ Марокко до 75.000 человѣкъ, наконецъ, въ экспедиціи въ Фецъ,— однимъ словомъ, въ постоянномъ уничтоженіи самостоятельности Марокко, или какъ занятіе Испаніей порта Лараша и высадкѣ въ Марокко 40.000 арміи, тѣ самыя англійскія газеты, которыя не проронили ни одного протестующаго слова по поводу всѣхъ этихъ актовъ международнаго разбоя и вѣроломнаго нарушенія торжественно подписанныхъ при участіи Англіи договоровъ, подняли отчаянный вопль, когда Германія послала къ берегамъ Марокко небольшое военное судно, и стали кричать о ненасытныхъ аппетитахъ Германіи, объ ея разбойничьихъ планахъ. Между тѣмъ и при посѣщеніи Танжера и при посѣщеніи Агадира нѣмецкимъ военнымъ судномъ ни одинъ нѣмецкій морякъ не былъ высаженъ на берегъ и ни одинъ марокканецъ не былъ убитъ, въ то время, какъ отъ французскихъ и испанскихъ пуль пали уже десятки тысячъ туземцевъ.

Нѣкоторые англійскіе публицисты, какъ, напримѣръ, Морель, наивно трактовавшій вопросъ о марокканской политикѣ англійскаго правительства съ этической точки зрѣнія, никакъ не могли понять причины этой глубокой разницы въ отношеніи министерства и прессы къ Франціи и Испаніи съ одной стороны и Германіи съ другой. Чтобы понять политику Великобританіи въ марокканскомъ вопросѣ, достаточно взглянуть на географическую карту африканскаго континента и на положеніе Марокко въ Африкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Марокко представляетъ собой какъ бы *краеугольный камень* сѣверной части черного континента, командующій сообщеніемъ между двумя морями и расположенный какъ разъ насупротивъ Гибралтарскаго пролива. Марокко находится въ сѣверо-западной части Африки и омывается на западѣ Атлантическимъ океаномъ, а на сѣверѣ—Гибралтарскимъ проливомъ и водами Средиземнаго моря. **Англійскіе имперіалисты всегда разсматривали марокканскій вопросъ съ точки зрѣнія господства Великобританіи въ Гибралтарскомъ проливѣ.** Владѣя Гибралтаромъ, Англія командуетъ доступомъ къ Средиземному морю, этой великой военно-торговой дорогѣ изъ важнѣйшихъ странъ Европы и Америки въ Азію. Англія не желала до-

пустить утвержденія на сѣверномъ берегу Африки, какъ разъ насупротивъ Гибралтара, какой-нибудь сильной сухопутной и морской державы, которая могла бы угрожать интересамъ англійской міровой торговли. Англія самымъ энергичнѣйшимъ образомъ поддерживала *Испанію противъ Франціи*, поскольку послѣдняя стремилась къ захвату африканскаго побережья, прилегающаго къ Гибралтару и близлежащимъ областямъ. Въ этомъ отношеніи политика англійскаго правительства была ясна. Англія стремилась не только къ интернаціонализаціи Танжера, она желала полной изоляціи этого важнѣйшаго порта, лежащаго неподалеку отъ Гибралтара, съ помощью государства буфера, съ помощью *испанскаго* гласиса, который, въ случаѣ нужды, могъ бы защитить этотъ великій стратегическій пунктъ противъ возможнаго въ будущемъ натиска французскихъ батальоновъ. Испано-французское соперничество въ Марокко являлось съ англійской точки зрѣнія лучшимъ средствомъ охраны великой морской дороги, идущей черезъ Гибралтарскій проливъ къ Суецкому каналу, берегамъ Индіи и китайскимъ водамъ [1]).

Однако, поддерживая въ Марокко *Испанію противъ Франціи*, Англія одновременно всѣми своими силами поддерживала въ той же части Африки *Францію противъ Германіи*, не допуская территоріальныхъ захватовъ послѣдней въ сѣверо-западной части чернаго континента. Англійскіе имперіалисты имѣли основаніе опасаться, что могучая Германія, развивавшая не по днямъ, а по часамъ съ лихорадочной быстротой свои экономическія и военныя силы, сумѣетъ, захвативъ хотя бы клочокъ Марокко, сдѣлаться опаснѣйшимъ соперникомъ Англіи на Средиземномъ морѣ и на Атлантическомъ океанѣ. Франція и Испанія въ Марокко нейтрализовали другъ друга и ослабляли ту опасность, которая со стороны каждой изъ этихъ державъ могла бы грозить Англіи. Между тѣмъ появленіе новаго элемента въ лицѣ грозной Германіи на марокской аренѣ могло рѣшительно измѣнить всю ситуацію въ этой части земного шара. Испанія и Германія могли бы легко столковаться между собой и стать поперекъ и Франціи и Англіи въ Марокко. Между тѣмъ Испанія сама по себѣ не могла быть опасной Англіи. И вотъ почему во время англо-французскихъ переговоровъ 1904 г. о Марокко Англія поставила условіемъ, чтобы все африканское побережье насупротивъ Гибралтара было предоставлено Испаніи, и чтобы Франція разъ навсегда отказалась отъ всякихъ попытокъ распространить свое вліяніе и на эти области, гдѣ только слабая Испанія могла быть безопаснымъ сосѣдомъ для англійскихъ владѣній въ Гибралтарѣ. И въ марокскомъ во-

[1]) См. мою статью «Внѣшняя политика въ 1911 г.» «Современникъ», 1912 г. № 1, стр. 224—228.

просѣ Англія продолжала свою старую политику, политику великобританскихъ торговцевъ, *для которыхъ основной задачей имперской міровой политики является охрана торговыхъ путей и прежде всего пути на Индію.* Для охраны своего господства на этомъ великомъ пути Англія захватила Гибралтаръ, Мальту, Кипръ, оккупировала Египетъ и Суецкій каналъ. Въ Малой Азіи она наложила свою руку на Басору и на все южное теченіе Евфрата, чтобы не позволить нѣмецкому стальному клину врѣзаться въ Персидскій заливъ, откуда идетъ близкій путь на Индію и въ другія части Азіи. Въ Персіи она столковалась съ Россіей въ 1907 г. и подчинила своей гегемоніи всю южную Персію, чтобы охранять тѣ же пути и подступы къ Индіи.

И въ то время, какъ Великобританія продолжала свою традиціонную политику и направляла всю свою энергію прежде всего на охрану міровыхъ путей англійской торговли, Германія, эта величайшая металлургическая и индустріальная держава, стремилась прежде всего овладѣть элементами, которые обезпечили бы гегемонію Германіи, какъ промышленной державы. И потому она разыскивала въ Марокко прежде всего подпочвенныя богатства, желѣзную руду, мѣдь и другіе металлы, столь необходимые для мощной германской промышленности, для ея заводовъ Круппа, Тиссена, Эргарта и т. д.[1]). И если ей нуженъ былъ какой-либо портъ на марокскомъ берегу, это было необходимо прежде всего для того, чтобы, минуя французскія, испанскія и другія таможенныя рогатки, свободно вывозить изъ Марокко все то, что искала въ этихъ областяхъ германская индустрія. Правда, *по конвенціи 4 ноября 1911 г., Германія, какъ мы упомянули выше, выговорила себѣ право экспортировать безпошлинно изъ Марокко желѣзную руду и поставила условіемъ, что никакая вывозная пошлина не будетъ установлена въ марокскихъ портахъ на экспортируемые металлы, но пока Германія не владѣла хотя бы клочкомъ марокской территоріи и своимъ собственнымъ портомъ на Атлантическомъ океанѣ, она не считала обезпеченными интересы своей металлургической промышленности въ Марокко.*

Понадобился кровавый урокъ нынѣшней войны, чтобы вся Европа поняла роль металловъ, желѣза, мѣди, никкеля и т. д.—въ качествѣ основныхъ элементовъ военной и экономической мощи Германіи—и тѣ мотивы, которые толкали Германію къ борьбѣ за Марокко и нѣкоторыя другія колоніи.

---

[1]) Насколько германскіе капиталисты интересуются вопросомъ о подпочвенныхъ богатствахъ той или другой области, видно изъ того, что на всѣхъ нѣмецкихъ картахъ обозначаются залежи металловъ, въ то время, какъ въ Англіи и Франціи, не говоря уже о другихъ странахъ, подобныя указанія имѣются лишь въ спеціальныхъ атласахъ. См. рѣчь Маргена на засѣданіи французской Палаты Депутатовъ 21 ноября 1913 г.

Во время марокккскихъ осложненій 1911 г. и шума, поднятаго международной прессой въ связи съ агадирскимъ инцидентомъ и бряцаніемъ оружія въ Англіи, Франціи и въ Германіи изъ-за марокккскаго вопроса, обнаружился одинъ любопытный фактъ, значеніе котораго было совершенно не оцѣнено въ то время и который тѣмъ не менѣе оказалъ свое вліяніе на происхожденіе нынѣшней войны, въ той рѣшительной политикѣ, которую сразу заняла Англія, какъ только въ іюлѣ 1914 г. вспыхнулъ конфликтъ между Франціей и Россіей, съ одной стороны, Германіей и Австріей—съ другой. «Агадирскій инцидентъ» вызвалъ волненіе не только въ европейской прессѣ, но также въ прессѣ южно-африканской и австралійской. Вліятельные органы южно-африканской и австралійской печати съ необычайнымъ сочувствіемъ цитировали пресловутую рѣчь Ллойдъ-Джорджа отъ 21 іюля 1911 г. и указывали, что въ интересахъ охраны безопасности обоихъ великихъ торговыхъ путей черезъ Средиземно-Суецкій каналъ и Атлантическаго — отъ береговъ Англіи къ Капштадту—водвореніе Германіи въ Марокко не должно быть допущено. И, такимъ образомъ, борясь съ нѣмецкими планами въ Марокко, лондонскій кабинетъ защищалъ интересы не только англійскаго имперіализма, но и имперіализма великобританскаго, т.-е. Англіи со всѣми ея колоніями.

§ 7. Марокккская авантюра и ея вліяніе на ослабленіе экономическихъ и военныхъ силъ Франціи.

Марокккская авантюра дорого обошлась Франціи. Въ 1908 г. извѣстный писатель Делези опредѣлялъ стоимость марокккской авантюры только за 4-лѣтній періодъ съ 1905 по 1908 гг., т.-е. съ момента танжерской исторіи, въ 345.000.000 фр. Но особенно много затратила Франція на марокккскія дѣла именно за послѣдующій пятилѣтній періодъ, предшествовавшій нынѣшней войнѣ.

По офиціальнымъ даннымъ, представленнымъ въ Сенатъ, военные расходы на марокккскую экспедицію превысили за этотъ періодъ 700 милл. фр., а именно:

Въ 1909	17.000.000
» 1910	12.000.000
» 1911	63.000.000
» 1912	133.000.000
» 1913	244.000.000
» 1914	333.000.000
Итого	702.000.000

Въ дѣйствительности, военные расходы Франціи за періодъ съ 1900 по 1914 г. въ связи съ марокккской авантюрой

были значительно выше. Вѣдь франко-германскія осложненія изъ-за Марокко дали поводъ французскимъ милитаристамъ потребовать значительнаго увеличенія военнаго бюджета республики для усиленія численности сухопутной арміи, введенія трехлѣтней воинской службы на мѣсто двухлѣтней, созданія новыхъ эскадръ на Средиземномъ морѣ и т. д. Во всякомъ случаѣ расходы Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи, связанные съ мароккской авантюрой, можно опредѣлить минимумъ въ 2 милліарда. Эти непроизводительные расходы явились однимъ изъ элементовъ, ослабившихъ развитіе производительныхъ силъ Франціи.

Въ то время, какъ Германія семимильными шагами шла впередъ въ области техническихъ сооруженій, безъ которыхъ совершенно невозможенъ техническій прогрессъ въ современную намъ эпоху, въ то время, какъ Германія строила все новыя и новыя желѣзнодорожныя вѣтви, производила гигантскія работы по сооруженію и расширенію своихъ портовъ, затрачивая сотни и сотни милліоновъ руб. на Гамбургъ, Бременъ и т. д., углубляла старые каналы и проводила новые для соединенія рѣчныхъ системъ, — Франція въ области техническихъ работъ стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ, — и ея порты, ея желѣзныя дороги, ея каналы оставались въ состояніи, недостойномъ великой страны. Такимъ образомъ, въ то время какъ Германія съ поразительной быстротой развивала свои экономическія силы и превращалась въ величайшую въ мірѣ промышленную державу, Франція, несмотря на ея колоссальныя богатства, на ея желѣзо, на ея гидравлическія силы, на ея прекрасное географическое положеніе и т. д., отставала не въ малой мѣрѣ, благодаря своей разнузданной колоніальной политикѣ, всѣмъ этимъ тунисскимъ, алжирскимъ, индо-китайскимъ и, наконецъ, марокккскимъ авантюрамъ, отъ своей грозной соперницы въ борьбѣ за міровую гегемонію на полѣ экономической борьбы. Послѣ того какъ Франція затратила на алжирскую авантюру 4 милліарда франковъ[1], на завоеваніе отдаленнаго Индо-Китая 6 милліардовъ франковъ, страна вынуждена была выбросить въ началѣ XX столѣтія на мароккскія дѣла болѣе 2 милліардовъ. Само собой разумѣется, что эта разорительная политика колоніальныхъ авантюръ не могла не оказать своего губительнаго вліянія на индустріальное развитіе метрополіи, на ея промышленную отсталость, на упадокъ ея вліянія на міровомъ рынкѣ.

Но колоніальныя авантюры ослабили не только экономическую мощь Франціи, онѣ повели къ уменьшенію и ея военной мощи. Обыкновенно въ опроверженіе этого положенія

[1]) См. статью извѣстнаго французскаго экономиста Поля Леруа Болье въ «Обозрѣніи двухъ міровъ» 19 января 1908 г., стр. 16.

указывается на фактъ участія въ рядахъ французской арміи негрскихъ, марокксихъ и т. д. батальоновъ, сражавшихся въ нынѣшней войнѣ на европейскомъ фронтѣ. Но численность этихъ войскъ по отношенію ко всей мобилизованной французской арміи была очень ничтожна. Въ общемъ, за исключеніемъ наемныхъ туземныхъ войскъ и полковъ, набранныхъ изъ французскихъ колонистовъ, многомилліонное населеніе французскихъ колоній не было привлечено и не могло быть привлечено къ защитѣ метрополіи. Когда въ октябрѣ 1916 г., т.-е. послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтней войны съ Германіей, редакторъ извѣстной газеты «L'Information» Леонъ Шавенонъ указалъ на необходимость даровать алжирскимъ арабамъ равноправіе, чтобы имѣть возможность ввести въ Алжирѣ всеобщую воинскую повинность и набрать, такимъ образомъ, 300-400-тысячную армію [1]), этотъ совѣтъ былъ встрѣченъ крайне неодобрительно въ колоніальной прессѣ. Французскіе имперіалисты предпочитали скорѣе пожертвовать жизнью еще одного милліона французскихъ крестьянъ и рабочихъ, вовлечь въ войну Румынію, Грецію, Португалію, чѣмъ даровать права французскихъ гражданъ своимъ алжирскимъ, тунисскимъ и т. д. подданнымъ. Согласно тайнымъ желаніямъ французскихъ имперіалистовъ, если для побѣды надъ Германіей нужно было даровать равноправіе алжирцамъ, тунисцамъ и аннамитамъ, въ такомъ случаѣ выгоднѣе проиграть войну и сохранить за то внутренній statu quo въ колоніяхъ.

Итакъ, 50-милліонное населеніе французскихъ колоній приняло самое ничтожное, почти незамѣтное участіе въ оборонѣ метрополіи противъ внѣшняго врага. Между тѣмъ, военная экспедиція послѣднихъ десятилѣтій не въ малой мѣрѣ дезорганизовала военный аппаратъ III Республики. Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія были годы, когда буквально дня не проходило, чтобы французскія войска въ томъ или другомъ мѣстѣ африканскаго континента не сражались противъ туземцевъ.

Особенно упорныя и кровавыя сраженія велись въ Марокко. Вотъ списокъ крупныхъ экспедицій въ одномъ лишь Марокко за послѣдніе годы.

1907 г. Мартъ — экспедиція 2000 французскаго отряда Друда (4000 человѣкъ). *Октябрь* — экспедиція генерала Друда (6300 человѣкъ). *Декабрь* — экспедиція генерала Друда (9600 пѣхотинцевъ и 2850 кавалеристовъ); сверхсмѣтные расходы — 10½ милл. франковъ.

1908 г. 1 январь—экспедиція ген. Друда (4000 человѣкъ). *16 января* — экспедиція генерала Амада (8400 чел.). *Февраль* — экспедиція генерала Амада (10.000 человѣкъ и 4000 лошадей). *Мартъ*—экспедиція генерала Амада (14.000

[1]) „Information“, 18 октября 1916 г.

человѣкъ и 4640 лошадей). Всѣ эти экспедиціи имѣли цѣлью замиреніе марокккской области Шауйи. Сверхсмѣтные расходы 38.198.000 франковъ.

1902 г. Періодъ спокойствія. Экстраординарные военные расходы въ Марокко—16.711.000 франковъ.

1910 г. Непрерывныя экспедиціи въ области Казабланки. Походъ на Тадлу. Сверхсмѣтные военные расходы—11.775.000 франковъ.

1911 г. Экспедиція 27.000 отряда подъ командой Мирнье на Фецъ. Занятіе Мекнеса. Экспедиція 14.000 отряда подъ командой Путэ въ Деббонъ. Сверхсмѣтные военные расходы—63.062.895 франковъ.

1912 г. Непрерывныя стычки въ горномъ массивѣ. Возстаніе регулярныхъ марокккскихъ войскъ. Штурмъ Феца французскими войсками (25—30 мая). Весь этотъ періодъ характеризуется непрерывнымъ увеличеніемъ численности французскаго экспедиціоннаго корпуса въ Марокко, а именно:

1 іюня	44.203	челов.
1 сентября	51.949	»
1 декабря	61.609	»

Экстраординарные военные расходы 133.477.302 фр.

1913 г. Подготовительныя мѣры къ взятію Тазы. Экстраординарный отрядъ—74.000 человѣкъ. Экстраординарные военные расходы—210.000.000 фр.

1914 г. Взятіе Тазы. Численность экспедиціоннаго отряда—90.000 человѣкъ.

Изъ-за чего возникли всѣ эти экспедиціи? Вотъ какъ объясняетъ французскій писатель Делези происхожденіе первой изъ упомянутыхъ выше карательныхъ экспедицій:

«Агенты Крезо нашли въ Ras-Foural, на территоріи воинственнаго племени бенни-снассенъ прекрасную руду съ богатымъ содержаніемъ металла (65%). Но населеніе не позволило эксплуатировать эту руду. Туземцы стрѣляли во французовъ. Примчался ген. Ляотей съ 9600 человѣкъ, 2850 кавалеристовъ, 3 батареями пушекъ 75, 4 секціями горной артиллеріи, 2 секціями митральезъ. Въ теченіе мѣсяца бенни-снассенъ были усмирены и приговорены уплатить большой штрафъ, но такъ какъ они не въ состояніи были уплатить наложенной на нихъ большой суммы, *то они согласились въ видѣ возмѣщенія разрѣшить эксплуатацію желѣзныхъ рудниковъ на ихъ территоріи* [1]).

Такимъ образомъ, пушечный и металлургическій король Шнейдеръ поставилъ на своемъ и лишній разъ иллюстрировалъ могущество пушечныхъ и металлургическихъ царьковъ

---

[1]) «Итогъ марокккскаго дѣла» («Le bilan de l'affaire marocaine»). Revue. 1908. 1 août.

Франціи, во внѣшней политикѣ III Республики. Въ интересахъ-то этихъ королей французская армія въ Марокко была доведена наканунѣ войны до внушительной цифры 90.000 человѣкъ.

Итакъ, наканунѣ нынѣшней войны Франція содержала цѣлую армію въ Марокко. Не трудно себѣ представить, какое колоссальное количество снарядовъ, патроновъ и т. д. пришлось израсходовать за этотъ долгій періодъ непрерывныхъ экспедицій, гдѣ въ сраженіяхъ участвовали тогда десятки тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ [1]). Такъ, во время экспедиціи генерала Амада въ Шауйю въ 1908 г. (14.000 человѣкъ, 4600 лошадей, 16 полевыхъ орудій, 6 горныхъ пушекъ, 20 митральезъ) было израсходовано, по докладу Думера, 66.200 снарядовъ, 17.000.000 патроновъ и приведена въ полную негодность солдатская обмундировка на значительную сумму (болѣе 2 милл. франк.). Само собой разумѣется, что во время экспедицій слѣдующихъ годовъ, въ которыхъ участвовало съ французской стороны уже не 14.000, а 40—90 тысячъ солдатъ, и бои носили притомъ болѣе упорный характеръ, было израсходовано несравненно большее количество снарядовъ и попорчено не только много одежды, но и орудій. И хотя Сенатъ и Палата Депутатовъ постоянно вотировали новые и новые кредиты на колоніальныя экспедиціи, военное министерство, находя эти кредиты недостаточными, щедрой рукой тратили на колоніальную армію и колоніальныя экспедиціи запасы патроновъ, снарядовъ, обмундировку, хранившіеся въ запасныхъ магазинахъ арміи [2]). Такимъ образомъ, когда началась нынѣшняя война, оказалось, что Франція, богатая Франція, мобилизовала больше солдатъ, чѣмъ у нея нашлось въ запасѣ солдатскихъ штановъ и головныхъ уборовъ. Въ первый мѣсяцъ войны обнаружилась чудовищная недостача въ снарядахъ, патронахъ, даже въ ружьяхъ.

Франція вообще отставала отъ Германіи въ смыслѣ техническаго оборудованія своей арміи, а тутъ еще обнаружилось, что марокккская авантюра сильно расшатала военный аппаратъ французской арміи. Достаточно указать, что фран-

---

[1]) Очень часто эти экспедиціи стоили французской арміи большихъ потерь не только снарядами, но и людьми. Такъ, экспедиція въ Фецъ въ 1911 г. обошлась въ 677 человѣкъ убитыми и въ 4000 человѣкъ выбывшими изъ строя отъ болѣзней, ранъ и т. д. «Утро» 18 янв. 1911 г.

[2]) Неудивительно, что, когда въ результатѣ «танжерскаго удара» и крайняго обостренія франко-германскихъ отношеній въ 1905 г. была произведена ревизія боевыхъ запасовъ, въ крѣпостяхъ на восточной границѣ было обнаружено такое опустошеніе военныхъ складовъ, что пришлось затратить экстренно около 300 милл. франковъ на улучшеніе вооруженія и пополненіе боевыхъ запасовъ этихъ крѣпостей и въ теченіе шести мѣсяцевъ подвозить днемъ и ночью по восточной желѣзной дорогѣ снаряды, патроны и т. д. для опустошенныхъ запасныхъ магазиновъ и складовъ.

цузская армія имѣла всего 4 блиндированныхъ автомобиля, вооруженныхъ митральезами, притомъ, когда началась война, всѣ эти автомобили находились въ Марокко [1]), такъ что ихъ оказалось возможнымъ пустить въ ходъ на французскомъ фронтѣ только послѣ битвы на Марнѣ, когда уже значительная часть французской территоріи оказалась занятой нѣмецкими войсками. То же самое можно сказать о многихъ тяжелыхъ орудіяхъ системы Банжа, которыя находились въ Марокко и которыя пригодились бы французской арміи въ битвѣ при Шарлеруа.

§ 8. Кому пошла на пользу марокккая авантюра. Обезземеленіе туземнаго населенія въ Марокко. Банки и марокккая авантюра. Французскій металлургическій синдикатъ и Марокко. Роль фирмы Шнейдера въ марокккой авантюрѣ. Марокко и міровая война.

Марокккая авантюра, въ связи со всей колоніальной политикой республики, задержала экономическое развитіе Франціи, помѣшала росту ея производительныхъ силъ и расшатала военный аппаратъ и организацію оборонительныхъ силъ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ марокккая авантюра являлась, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ объективные французскіе писатели, какъ соціалистическаго, такъ и умѣреннаго лагеря, однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ непрерывнаго обостренія франко-германскихъ отношеній въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, а стало-быть, она послужила въ конечномъ счетѣ одной изъ главныхъ причинъ нынѣшней войны. Какіе мотивы толкали французскихъ имперіалистовъ къ овладѣнію Марокко? Съ того момента, какъ французскіе имперіалисты выдвинули проектъ транссахарской желѣзной дороги,— проектъ, который вскорѣ былъ замѣненъ болѣе грандіознымъ планомъ французскаго трансафриканскаго пути изъ Алжира до Капштадта,—французская литература, посвященная африканскимъ вопросамъ, начинаетъ усиленно обсуждать вопросъ о присоединеніи Марокко къ французскимъ владѣніямъ. «Марокко является бульваромъ, ведущимъ къ Алжиру», доказывали французскіе имперіалисты. Французское господство въ Алжирѣ, населенномъ 4 милліонами воинственныхъ мусульманъ, является непрочнымъ, пока Франція не утвердила своего господства въ Марокко, соприкасающемся съ Алжиромъ на протяженіи 1200 километровъ. Подобно тому, какъ Великобританія, прежде чѣмъ осуществить свой грандіозный проектъ великаго рельсоваго пути отъ Каира до Капштадта, оказалась вынужденной утвердить свое господство на территоріи независимыхъ недавно бурскихъ республикъ, подобно тому, какъ Россія для осуществленія своего

---

[1]) «Matin», 18 сент. 1916 г.

проекта великаго пути къ Тихому океану оказалась вынужденной фактически уничтожить суверенитетъ Китая въ прилегающихъ къ рельсовому пути областяхъ,—подобно тому и Франція не можетъ взяться ни за какія великія «культурныя» начинанія и грандіозныя техническія работы на территоріи своей африканской имперіи, пока не будетъ твердо обезпечено господство Франціи въ принадлежащей ей части чернаго континента. А такъ какъ фундаментомъ французской африканской имперіи является Алжиръ, а спокойствіе въ Алжирѣ зависитъ отъ положенія въ сосѣднемъ Марокко, стало-быть, Франція должна во что бы то ни стало включить Марокко въ границы своей африканской имперіи. Иначе какая-либо иностранная держава, утвердившаяся или хотя бы получившая нѣкоторое вліяніе въ Марокко сумѣетъ въ случаѣ нужды черезъ посредство мусульманскихъ агитаторовъ, набранныхъ въ Марокко и подосланныхъ въ Алжиръ, возбуждать 4-милліонное населеніе этой колоніи противъ французскаго господства и, такимъ образомъ, будетъ угрожать прочности всего зданія французской африканской имперіи. «Марокко, подчиненное французскому вліянію, — писалъ Делькассе представителямъ французскаго правительства за границей въ своей нотѣ отъ 12 апрѣля 1904 г.,—это обозначаетъ укрѣпленіе французскаго господства на сѣверѣ Африки. Марокко, подчиненное иностранному вліянію, обозначаетъ вѣчную угрозу нашей имперіи».

Итакъ, чтобы сохранить Алжиръ, нужно завоевать Марокко — такова была основная идея французскихъ имперіалистовъ въ ихъ африканской политикѣ. Правда, существовалъ другой болѣе дешевый и болѣе надежный способъ скрѣпленія узъ между Алжиромъ и Франціей, именно—дарованіе гражданскаго и политическаго равноправія 4-милліонному мусульманскому населенію Алжира, но на такую «революціонную» мѣру республиканская Франція не могла согласиться, несмотря на 85 лѣтъ своей «цивилизаторской» дѣятельности въ Алжирѣ. Когда наканунѣ нынѣшней войны во время дебатовъ о введеніи трехлѣтней воинской повинности во Франціи нѣкоторые органы французской печати и, въ томъ числѣ, такіе умѣренные, какъ «Temps», указывали на необходимость дарованія равноправія алжирскимъ мусульманамъ и привлеченія послѣднихъ къ воинской повинности, эти совѣты были отвергнуты правительствомъ, какъ идущіе вразрѣзъ съ основными принципами французской колоніальной политики. И когда въ началѣ нынѣшней войны всѣ алжирскія общины обратились къ правительству съ петиціями, выражая свои вѣрноподданническія чувства и свою готовность встать на защиту метрополіи и высказались въ пользу призыва всѣхъ способныхъ носить оружіе алжирскихъ мусульманъ, указавъ при этомъ, что великая ро

публика найдетъ данный моментъ подходящихъ для провозглашенія равенства всѣхъ своихъ гражданъ, независимо отъ ихъ національности и религіознаго вѣроисповѣданія, это воззваніе мусульманскаго населенія Алжира осталось попрежнему гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Французская буржуазія, лицемѣрно провозглашавшая войну съ Германіей великой освободительной войной, предпочла сохранить режимъ вопіющаго неравенства, административнаго произвола и т. д. въ своихъ мусульманскихъ колоніяхъ вмѣсто того, чтобы дарованіемъ равноправія увеличить французскую армію своими мусульманскими подданными на 10 — 15 корпусовъ, которые помогли бы Франціи побѣдить «варварскую» Германію.

Кому же пошла на пользу марокккская авантюра? Прежде всего банкамъ и всякаго рода акціонернымъ обществамъ, а также отдѣльнымъ предпріимчивымъ капиталистамъ, которые съ самаго начала марокккской авантюры стали закупать земельные участки въ Марокко. Какъ писалъ въ 1912 г. радикальный депутатъ Дюмениль, въ Марокко происходитъ небывалая земельная спекуляція. Въ Танжерѣ и Казабланкѣ цѣны на землю поднялись настолько, что строить новые дома не представляется возможнымъ. Въ Шауйѣ, которая считается замиреннымъ краемъ, ни одинъ колонистъ не въ состояніи пріобрѣсти участка земли. Все заранѣе скуплено земельными банками и крупными капиталистами, которые перепродаютъ участки по необычайно высокой цѣнѣ. Въ городахъ цѣна на квадратный метръ земли поднялась съ 3—5 франковъ до 100—170 фр., т.-е. увеличилась въ 30—50 разъ.

Несомнѣнно, что когда Марокко будетъ окончательно покорено, обезземеленіе населенія, процессъ закабаленія туземцевъ пойдетъ такимъ же быстрымъ путемъ, какимъ онъ шелъ въ Алжирѣ и Тунисѣ, т.-е. такимъ лихорадочнымъ темпомъ, который по своей интенсивности превосходитъ многія аналогичныя картины, нарисованныя могучей кистью Маркса [1]).

Обезземеливая туземное населеніе, французскіе капиталисты не только сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ безграничныя земельныя латифундіи, они создаютъ въ колоніи «относительное перенаселеніе рабочихъ» и получаютъ возможность эксплуатировать ново-образованныхъ пролетаріевъ на самыхъ возмутительныхъ условіяхъ.

Обезземеленнымъ собственникамъ ничего не остается, какъ заниматься разбоемъ или же продавать свою рабочую силу капиталистамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ руководи-

[1]) См. мою статью: «Мусульманскій вопросъ во Франціи». «Современникъ». 1912. Кн. XI, стр. 334—341.

тели имперіалистической политики лишь выигрываютъ. Учащеніе случаевъ разбоя даетъ возможность имперіалистамъ кричать о необходимости замиренія края, о посылкѣ новыхъ экспедиціонныхъ отрядовъ, о занятіи новыхъ стратегическихъ пунктовъ и т. д. Что же касается вынужденной продажи своей рабочей силы, то еще Марксъ сказалъ: «Отнятіе земли у народныхъ массъ составляетъ основаніе капиталистическаго способа производства (см. «Капиталъ» I т., глава XXV; *Современная теорія колонизаціи*). Но эта колоніальная политика обезпечиваетъ не только недавно завоеванную колонію дешевымъ рабочимъ трудомъ. Она даетъ возможность и самой метрополіи импортировать десятки тысячъ дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ только что завоеванной колоніи и такимъ образомъ бороться съ повышеніемъ заработной платы во Франціи. И чѣмъ сильнѣе и быстрѣе развивается процессъ экспропріаціи частной собственности у туземнаго населенія въ какомъ-нибудь Марокко, тѣмъ болѣе увеличивается и растетъ армія безработныхъ въ колоніи, тѣмъ полнѣе обезпечивается, по выраженію Маркса, снабженіе рабочаго рынка дешевыми руками для господина капиталиста (см. «Капиталъ» I т., глава XXV. *Современная теорія колонизаціи*).

И многіе французскіе буржуазные писатели откровенно указываютъ на эту полезную сторону колоніальной политики. Такъ, *Жоржъ Жари* въ своей книгѣ «Французскіе интересы въ Марокко» съ особымъ удареніемъ останавливается на проблемѣ наемнаго труда рукъ во Франціи и указываетъ, что благодаря тѣмъ громаднымъ резервамъ рабочей силы, которыми располагаютъ французскія колоніи, французская индустрія и французское сельское хозяйство не будетъ имѣть недостатка въ рабочихъ рукахъ. И дѣйствительно, въ южныхъ городахъ Франціи, въ Марсели, Тулонѣ и т. д. въ сѣверномъ фабричномъ округѣ, т.-е. въ департаментахъ Лилля, Рубэ и т. д., алжирцы, тунисцы и т. д. начинаютъ занимать по численности все болѣе и болѣе видное мѣсто въ арміи черноработихъ. Особенно сильный толчокъ въ этомъ направленіи дала нынѣшняя война, благодаря которой на всѣхъ французскихъ фабрикахъ появились не только новые десятки и десятки тысячъ рабочихъ изъ Алжира, Туниса, Марокко, но и изъ болѣе отдаленныхъ колоній [1]) *(Индо-Китай)*.

О томъ, какъ отдѣльные банки и отдѣльные финансисты наживались на марокккской авантюрѣ, разсказываетъ, между прочимъ, Мопассанъ въ своемъ извѣстномъ романѣ «Bel-Ami» устами г-жи Вальтеръ, жены темнаго финансиста, организовавшаго совмѣстно съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ла-

---

[1]) Georges Jarv. «Les interets de la France au Maroc». См. стр. 264, 265 и 266, т. д. Парижъ. 1911.

рошемъ экспедицію въ Танжеръ. Г-жа Вальтеръ, метресса журналиста Ле Роя, совѣтуетъ послѣднему купить на 10.000 фр. марокккскихъ бумагъ, доказывая, что эта операція дастъ ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ болѣе 50.000 чистой прибыли. На основаніи подслушаннаго ею разговора между ея мужемъ Вальтеромъ и ставленникомъ послѣдняго, министромъ иностранныхъ дѣлъ Ларошемъ, метресса Ле Роя сообщаетъ послѣднему слѣдующую важную государственную тайну [1]):

«Экспедиція въ Танжеръ была рѣшена ими (Вальтеромъ и Ларошемъ. М. П.) съ того дня, какъ Ларошъ занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Мало-по-малу они скупили весь марокккскій заемъ, который палъ до 64 или 65 франковъ. Они скупили этотъ заемъ очень ловко черезъ посредство всякаго рода темныхъ агентовъ, которые ни въ комъ не возбуждали подозрѣнія насчетъ серьезности дѣла. Они одурачили даже Ротшильдовъ, удивлявшихся, почему это постоянно требуются марокккскія бумаги. Ротшильдамъ назвали имена посредниковъ, людей темныхъ, подозрительныхъ, не имѣющихъ вѣса на биржѣ. Это совершенно успокоило банкъ Ротшильдовъ. И вотъ теперь будетъ послана экспедиція въ Танжеръ и, какъ только наши войска будутъ тамъ, государство гарантируетъ заемъ. Наши друзья (Ларошъ и Вальтеръ. М. П.) выиграютъ 50 или 60 милліоновъ франковъ. «Понимаешь, въ чемъ дѣло? Понимаешь, почему все держится въ такой тайнѣ и почему боятся малѣйшей нескромности?»

Но наибольшую долю доходовъ, извлеченныхъ въ результатѣ марокккской авантюры, получили французскіе металлургисты съ пресловутой пушечной фирмой Шнейдера во главѣ. Эта фирма черезъ посредство преданныхъ ей органовъ печати вела самую энергичную кампанію въ пользу завоевательной политики въ Марокко и требовала самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для усмиренія «свирѣпыхъ» горцевъ, населяющихъ эту африканскую область. Жоресъ въ своей замѣчательной рѣчи о марокккской авантюрѣ цитировалъ на засѣданіи Палаты 25 іюня 1911 г. слѣдующія строки изъ «Парижскаго Эхо», главнаго органа фирмы Крезо, о методахъ дѣйствій французскихъ войскъ въ Марокко:

«Разорить этихъ неукротимыхъ горцевъ, у которыхъ воинская доблесть соединяется съ свирѣпой глупостью, сжечь все на своемъ пути, пройти по ихъ странѣ, какъ Аттила,— вотъ единственное средство внушить этимъ людямъ уваженіе и вызвать съ ихъ стороны удивленіе».

И Жоресъ нарисовалъ картину звѣрствъ, совершаемыхъ французскими экспедиціонными колоннами въ Марокко, кар-

[1]) Гюи де-Мопассанъ. «Бель-Ами». Парижъ. 1903. См. стр. 338—339.

тину пожаровъ, поднимающихся надъ безграничной марокк-ской равниной и окутывающихъ дымомъ голубыя вершины горъ,—пожаровъ, которые, по словамъ Жореса, привели бы въ восторгъ самого Нерона и которые такъ радуютъ взоръ журналистовъ, посылающихъ корреспонденціи изъ Марокко въ главный органъ фирмы Шнейдера.

Провокаціонная роль фирмы Шнейдера въ марокккской авантюрѣ была до войны очевидна многимъ французскимъ соціалистамъ, забывшимъ теперь о роли этой военной фирмы во внѣшней политикѣ III Республики. Въ своей обстоятельной и тщательно документированной рѣчи передъ судомъ присяжныхъ 24 дек. 1907 г. Эрве, привлеченный къ отвѣтственности по обвиненію въ оскорбленіи французской арміи, доказалъ, что *за спиной всѣхъ акціонерныхъ обществъ, заинтересованныхъ въ марокккскихъ дѣлахъ, стоитъ фирма Шнейдера.* Онъ показалъ, что такъ называемая «Марокккская компанія» и «Союзъ марокккскихъ рудниковъ» являются не болѣе, какъ отдѣленіями фирмы Шнейдера [1]).

Фирма французскаго пушечнаго короля Шнейдера работала въ Марокко не одна, а въ компаніи съ различными иностранными металлургистами и, въ томъ числѣ, съ нѣмецкимъ пушечнымъ королемъ Круппомъ. Но «Союзъ марокккскихъ рудниковъ», въ которомъ Круппъ и Шнейдеръ работали рука объ руку и въ которомъ французскимъ капиталистамъ принадлежало 62%, а нѣмецкимъ 20%, наткнулся на противодѣйствіе другой интернаціональной группы братьевъ Маннесмановъ. Фирма Маннесмановъ вела въ Германіи ожесточенную кампанію противъ имперскаго правительства за его уступчивость въ марокккскомъ вопросѣ и послѣ ноябрьскаго договора 1911 г., между Франціей и Германіей упомянутый синдикатъ Шнейдера-Круппа «Союзъ марокккскихъ минъ» оказался вынужденнымъ уступить синдикату братьевъ Маннесмановъ часть своихъ правъ на эксплуатацію марокккскихъ рудниковъ. Оба соперничающихъ синдиката рѣшили распредѣлить между собой эксплуатацію рудныхъ богатствъ Марокко. На долю фирмы Маннесмановъ должно было прійтись 40%, на долю синдиката Шнейдера-Круппа 40%, на долю группы банковъ 20%.

Но *марокккская авантюра лишній разъ показала, что всякаго рода международные тресты и синдикаты отнюдь не обезпечиваютъ сохраненія мира между государствами, а, наоборотъ, порой лишь обостряютъ ихъ.* Прежде всего въ самомъ синдикатѣ «Союзъ марокккскихъ минъ» возникли тренія. Группа нѣмецкихъ капиталистовъ съ Круппомъ во

[1]) См Густавъ Эрве. «Противъ разбойничества въ Марокко». (Gustave Herve. «Contre le brigandage marocaine»). Рѣчь, произнесенная на судѣ присяжныхъ въ декабрѣ 1907 г. Парижъ. 1907.

главѣ находила, что ея доля—20% не достаточно велика, тѣмъ болѣе англійская группа находила, что и ея доля—6% не достаточна. Въ концѣ-концовъ, группѣ Шнейдера пришлось сократить свою долю до 50% вмѣсто прежнихъ 62%. Но эта уступка не могла удовлетворить компаньоновъ Шнейдера, тѣмъ болѣе что въ послѣднее время отношенія нѣмецкаго пушечнаго короля Круппа съ его французскими коллегами стали портиться и потеряли прежній сердечный характеръ. Впервые черная кошка между Круппомъ и его французскими друзьями пробѣжала изъ-за пресловутаго дѣла Уэнцы, о которомъ было пролито столько чернилъ во французской прессѣ и произнесено столько горячихъ рѣчей въ парламентѣ. Дѣло Уэнцы сводится въ двухъ словахъ къ слѣдующему. Синдикатъ металлургистовъ получилъ отъ французскаго правительства концессію на сооруженіе въ Алжирѣ рельсоваго пути протяженіемъ въ 245 километровъ отъ желѣзнаго бассейна Уэнцы до порта Боннъ. Этотъ синдикатъ металлургистовъ высчиталъ, что желѣзная дорога будетъ окупать свои расходы, и ея акціи начнутъ давать дивидендъ только въ томъ случаѣ, если дорога будетъ ежегодно транспортировать минимумъ одинъ милліонъ тоннъ желѣза. Но оказалось, что всѣ французскіе заводы обязались брать въ годъ не болѣе 360.000 тоннъ руды. Оставалось еще 640.000 тоннъ для пополненія минимума. Тутъ на помощь пришелъ Круппъ, который согласился покупать ежегодно громадное количество желѣза, добываемаго въ Уэнцѣ для нѣмецкихъ заводовъ. Само собой разумѣется, что французскіе металлургисты и прежде всего пушечный король Шнейдеръ восторженно встрѣтили предложеніе Круппа и рѣшили принять его съ распростертыми объятіями въ консорціумъ для эксплуатаціи желѣзныхъ богатствъ алжирской области Уэнцы. Но эти комбинаціи вызвали сильное волненіе во Франціи. Многіе обыватели не могли понять, какъ можно совмѣстить ежегодныя затраты сотенъ и милліоновъ франковъ на оборону страны противъ Германіи съ отдачей тому же наслѣдственному врагу для эксплуатаціи богатѣйшей по залежамъ желѣза африканской области и открывать нѣмцамъ доступъ въ Алжиръ съ его безпокойнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Тщетно «Temps» и другія консервативныя газеты защищали Круппа,—комбинація провалилась, и нѣмецкому пушечному королю не удалось въ компаніи съ Шнейдеромъ наложить свою руку на Уэнцу, желѣзное богатство которой опредѣлялось въ 50 милліоновъ тоннъ. Круппу пришлось разстаться съ своимъ другомъ Шнейдеромъ и уйти изъ консорціума. Само собой разумѣется, что это не могло содѣйствовать укрѣпленію симпатіи Круппа къ Франціи.

Но главныя непріятности между Франціей и Германіей возникли изъ-за вопроса о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ въ

Марокко. Германія потребовала, чтобы ей было предоставлено одинаковое съ Франціей участіе въ сооруженіи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Марокко. Какъ констатировалъ извѣстный французскій писатель Фелисьенъ Шалей въ статьѣ «Агадирская тайна», именно, *въ вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ въ Марокко французскіе и германскіе планы оказались совершенно непримиримыми.* Французы хотѣли провести двѣ военныя дороги въ Шауйѣ и Уджѣ, нѣмцы выдвинули проектъ экономической дороги отъ Танжера къ Фецу, затѣмъ нѣмецкіе металлургисты, само собой разумѣется, желали, чтобы значительная часть желѣзнодорожнаго матеріала, вагоновъ, рельсовъ, паровозовъ, была пріобрѣтена въ Германіи. Не ограничиваясь этимъ, нѣмецкіе капиталисты потребовали, чтобы часть желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Марокко была набрана изъ нѣмцевъ. Однимъ словомъ, нѣмецкій консорціумъ отнюдь не желалъ ограничиться пассивнымъ участіемъ нѣмецкихъ капиталовъ въ синдикатѣ для эксплуатаціи богатствъ Марокко. Нѣтъ, германскіе капиталисты потребовали, чтобы имъ была предоставлена опредѣленная доля, равная французской, въ непосредственномъ сооруженіи не только «государственныхъ» шоссейныхъ дорогъ, рельсовыхъ путей, портовъ, набережныхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ линій, но и въ всѣхъ *муниципальныхъ* работахъ, какъ-то: улучшеніи города, расширенія улицъ, устройствѣ скотобоенъ, водопроводовъ, сточныхъ каналовъ, сооруженіи и эксплуатаціи городскихъ трамваевъ, электрическаго и газоваго освѣщенія. И, когда на засѣданіи германскаго рейхстага 19 мая 1914 г., т.-е. за три мѣсяца до войны, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Циммерманъ подчеркнулъ, что Германія имѣетъ право на соотвѣтствующую долю во всѣхъ муниципальныхъ работахъ и что монополизація Франціей всѣхъ городскихъ работъ была бы нарушеніемъ постановленій Алжесирасской конференціи, вся французская буржуазная пресса [1]) нашла нѣмецкія притязанія чрезмѣрными и, въ свою очередь, объявила ихъ идущими въ разрѣзъ съ революціями Алжесирасской конференціи.

Итакъ, несмотря на всякаго рода интернаціональные тресты, франко-германскіе консорціумы, отношенія между Германіей и Франціей изъ-за Марокко послѣ Алжесирасской конференціи отнюдь не улучшались, а ухудшались съ каждымъ годомъ. И основная причина этого ухудшенія франко-германскихъ отношеній заключалась въ стремленіи французской финансовой и металлургической олигархіи *монопо-*

---

[1]) См., напримѣръ, статью «Муниципальныя работы въ Марокко» въ «Temps» отъ 20 мая 1914 г., а также соотвѣтствующія статьи въ «Echo de Paris» за то же число.

лизировать въ своихъ рукахъ господство надъ Марокко, съ цѣлью предоставленія французскимъ капиталистамъ наибольшей доли въ эксплуатаціи всѣхъ богатствъ этой африканской области.

Членъ французскаго парламента Денисъ Кашенъ въ слѣдующихъ словахъ формулировалъ на засѣданіи Палаты Депутатовъ 16 дек. 1911 г. причину недовольства нѣкоторыхъ французскихъ «патріотовъ» франко-германскимъ кондоминіумомъ.

«Мы мечтали о *французскомъ* Марокко, а вмѣсто этого намъ подарили *интернаціональное* Марокко».

Само собой разумѣется, что при такомъ ненасытномъ аппетитѣ вліятельнѣйшихъ представителей французской финансовой и металлургической олигархіи, при желаніи нѣмецкихъ капиталистовъ наложить съ своей стороны во что бы то ни стало руку на Марокко и монополизировать въ своихъ рукахъ эксплуатацію тѣхъ или другихъ богатствъ этой области, отношенія между Франціей и Германіей неизбѣжно должны были портиться, несмотря на всякаго рода резолюціи Алжесирасской конференціи и франко-германскіе тресты и синдикаты, которые въ лучшемъ случаѣ смягчали борьбу между отдѣльными національными группами капиталистовъ, а отнюдь не уничтожали ее.

И, такимъ образомъ, марокксная авантюра толкала Францію и Германію къ неизбѣжному конфликту. «Остановитесь!— взывалъ Жоресъ въ статьѣ отъ 1 мая 1911 г. въ «Люманите», призывая французское правительство отказаться отъ завоевательныхъ плановъ въ Марокко. — Позоръ правительству, если оно будетъ продолжать экспедицію, которая не имѣетъ даже тѣни предлога и которая можетъ только создать международныя осложненія. Какое преступленіе давать поводы германскому милитаризму къ осуществленію его плановъ, давать оружіе въ руки нѣмецкой реакціи» («Люманите» 2 апрѣля 1911). И Жоресъ доказывалъ въ той же статьѣ, что германское правительство, напуганное ростомъ соціализма, ищетъ диверсіи, и что лучшій поводъ для этой диверсіи создаетъ Франція своей марокксной авантюрой. «Мы никогда не найдемъ достаточно сильныхъ словъ,—воскликнулъ Жоресъ 11 мая 1911 г., — чтобы показать, какой тяжестью давитъ марокксное преступленіе на обще-европейскую политику!»

И Жоресъ день за днемъ бичуетъ «мрачныхъ шарлатановъ», ведущихъ «безчестную, лицемѣрную и лживую политику» въ Марокко и толкающихъ страну къ войнѣ съ грознымъ сосѣдомъ [1]):

---

[1]) На ряду съ Жоресомъ съ особой энергіей боролся противъ мароккской авантюры и Герве. Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей

Но изъ буржуазныхъ писателей лишь очень немногіе поддерживали Жореса. Такъ, консервативный писатель Артуръ Мейеръ писалъ 26 августа 1908 г. въ («Gaulois») «Голуа»: «Нужно признать съ грустью, что мы совершили крупную ошибку, предоставивъ одному лишь Жоресу честь заклеймить безсмысленную и опасную политику министерства». Другіе буржуазные писатели ставятъ, наоборотъ, въ преступленіе Жоресу его кампанію противъ марокксской авантюры. Такъ, Ла Шене упрекаетъ покойнаго Жореса въ томъ, что послѣдній 25 іюля 1914 г., т.-е. за нѣсколько дней до войны, произнесъ рѣчь въ Ліонѣ, въ которой доказывалъ, что марокксая авантюра явилась исходнымъ пунктомъ глубокихъ потрясеній въ Европѣ, и связывалъ австрійскій ультиматумъ въ результатами балканскихъ войнъ, а балканскія войны съ итало-турецкой войной и триполійской авантюрой, послѣднюю же съ планами Франціи относительно Марокко.

Но само собой разумѣется, что лишь совершенно невѣжественные въ вопросахъ международной политики и явно недобросовѣстные люди могутъ ставить въ упрекъ Жоресу его точку зрѣнія на колоссальную роль марокксой авантюры въ крайнемъ обостреніи международныхъ отношеній наканунѣ нынѣшней войны.

Въ настоящее время едва ли найдется хотя бы одинъ честный французскій писатель, который не признавалъ бы, что марокксая авантюра явилась важнѣйшимъ факторомъ, вызвавшимъ нынѣшнюю войну. Такъ, откровенный имперіалистъ графъ де-Фельсъ пишетъ въ своей книгѣ «Французскій имперіализмъ», вышедшей уже во время войны, слѣдующее:

«Главная ошибка нашего имперіализма, которая должна была повлечь за собой самыя роковыя послѣдствія, заключалась въ марокксомъ предпріятіи, какъ оно было задумано Делькассе. Извѣстно, что Делькассе закончилъ съ Испаніей договоръ о раздѣлѣ Марокко, противорѣчащій традиціямъ нашей африканской политики; болѣе того, онъ сообщилъ этотъ договоръ Англіи и въ результатѣ переговоровъ подписалъ англо-французское соглашеніе съ Италіей по поводу Триполи... Италія, не встрѣчая съ нашей стороны никакихъ препятствій развитію ея имперской политики въ Африкѣ, начинаетъ войну съ Турціей, которая открываетъ эру раздѣла этой имперіи». И далѣе французскій графъ де-Фельсъ

по этому вопросу, именно въ статьѣ «Навстрѣчу войнѣ» («Vers la guerre») Герве подчеркивалъ, что марокксая авантюра приведетъ къ міровой войнѣ, и ставилъ вопросъ, какъ предотвратить надвигающуюся катастрофу. Единственное средство помѣшать европейской войнѣ Герве видѣлъ въ возстаніи пролетаріата во Франціи, Германіи, Англіи, Россіи и Италіи въ день объявленія мобилизаціи. (См. «Соціальная война« («La guerre Sociale»). 17—23 іюнь, 1908).

доказываетъ, что итало-турецкая война возбудила аппетиты у сербовъ, болгаръ и грековъ и, такимъ образомъ, породила обѣ балканскія войны 1912 и 1913 г., изъ которыхъ самымъ непосредственнымъ образомъ (directement) вытекаетъ міровая война 1914 г. [1]).

Такимъ образомъ, даже теперь нѣкоторые консервативные французскіе писатели, въ родѣ де-Фельса, Лебона и т. д., признаютъ, что Германія не была единственнымъ виновникомъ міровой войны, и что французская политика въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, въ свою очередь, фатально толкала къ міровой катастрофѣ. Несомнѣнно, что, когда кончится нынѣшняя война и у многихъ буржуазныхъ писателей не будетъ тѣхъ мотивовъ къ искаженію исторической истины, какіе имѣются нынѣ, отвѣтственность Франціи въ войнѣ 1914—1918 г. будетъ признана даже многими изъ тѣхъ писателей, которые нынѣ не считаютъ удобнымъ подымать покрывало Изиды надъ недавнимъ прошлымъ, чтобы не ослаблять энергіи народныхъ массъ въ «освободительной» борьбѣ съ «варварской» Германіей, этимъ непримиримымъ врагомъ человѣчества, стоящимъ на пути культуры, цивилизаціи, мирнаго развитія народовъ и т. д.

Изъ сдѣланнаго нами выше анализа политики воюющихъ государствъ въ Азіи и Африкѣ мы приходимъ къ тому заключенію, что великая міровая война 1914—1918 года явилась результатомъ непримиримаго конфликта имперіалистическихъ интересовъ и захватныхъ плановъ цѣлаго ряда государствъ, не только Англіи и Германіи, но Германіи и Россіи, Германіи и Франціи, Германіи и Бельгіи и т. д. И именно потому, что накапунѣ нынѣшней войны пришли въ острое столкновеніе имперіалистическіе интересы и планы не только какихъ-либо двухъ державъ Россіи и Германіи или Англіи и Германіи и т. д., мы имѣли не русско-германскую, не англо-германскую, а міровую войну.

И если мы поставимъ вопросъ, кто же является виновникомъ этой міровой войны, мы должны будемъ отвѣтить словами французскаго буржуазнаго писателя и яраго патріота Густава Лебона. «Да, Германія первая начала войну 1914 г. *Именно она бросила въ переполненную до краевъ чашу ту послѣднюю каплю, благодаря которой эта чаша, наконецъ, перелилась.* Но если мы пожелаемъ глубже изслѣдовать вопросъ о причинахъ міровой войны, т.-е. о томъ, кто наполнилъ эту чашу, а не только о томъ, кто влилъ послѣднюю каплю, вызвавшую страшное наводненіе, разлившееся губительнымъ потокомъ, океаномъ слезъ и крови по всему міру, мы придемъ къ заключенію, что отвѣтственность за нынѣш-

---

[1]) См. comte de Fels. «L'imperialisme français» (Графъ де Фельсъ. «Французскій имперіализмъ»). Парижъ. 1916.

нюю войну падаетъ на всѣ втянутыя въ нее государства. Если мы отвлечемся отъ событій послѣднихъ дней, предшествовавшихъ войнѣ, и возьмемъ болѣе продолжительный періодъ, хотя бы періодъ послѣднихъ 14 лѣтъ накавунѣ войны, мы увидимъ, что и Франція, и Англія, и Германія, и Россія, и даже нейтральная Бельгія своей политикой въ Конго съ одинаковымъ усердіемъ наполняютъ роковую чашу, которая въ концѣ іюля 1914 г., благодаря безумному акту австро-германскаго правительства, разлилась огненной лавой по всей землѣ, разнося повсюду смерть и разрушеніе.

М. Павловичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „КОММУНИСТЪ“

Центральнаго Комитета Россійской Коммунистической Партіи.

Л. Троцкій. Красная Армія. Цѣна 50 к.

В. Ульяновъ (Ленинъ). Краткая біографія. Цѣна 5 коп.

Н. Бухаринъ. Программа коммунистовъ. Цѣна 80 к.

Н. Ленинъ. Карлъ Марксъ. Цѣна 40 к.

Е. Ярославскій. Отецъ и сынъ (В. и К. Либкнехтъ). Цѣна 10 коп.

Е. Ярославскій. К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Цѣна 10 коп.

К. Цеткинъ. За большевиковъ. Съ пред. Г. Зиновьева. Цѣна 25 коп.

Н. Бухаринъ. Долой международныхъ разбойниковъ. Цѣна 50 коп.

Л. Троцкій. Совѣтская власть и международный имперіализмъ. Цѣна 40 к.

Л. Троцкій. Слово къ русскому крестьянину и рабочему. Цѣна 40 коп.

Л. Троцкій. Трудъ, дисциплина и порядокъ. Цѣна 40 коп.

Г. Зиновьевъ и Н. Ленинъ. Противъ теченія. Цѣна 7 руб.

Памяти Карла Маркса. Цѣна 3 руб.

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Аграрный вопросъ въ Россіи къ концу XIX вѣка. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Ю. Каменевъ. Борьба за миръ. Ц. 2 р.

Ю. Стекловъ. Карлъ Марксъ, его жизнь и дѣятельн. (1818—1883). Ц. 3 р. 50 к.

И. Херасковъ. Англія до и во время войны. Цѣна 2 руб.

М. Н. Покровскій. Франція до и во время войны. Цѣна 2 руб. 25 коп.

М. Павловичъ (Мих. Вельтманъ). Азія и ея роль въ міровой войнѣ. Ц. 1 р. 75 к.

Л. Владиміровъ. Война и Балканы. Цѣна 2 руб.

Карлъ Каутскій. Еврейство и раса. Цѣна 4 руб. 50 коп.

Вл. Мещеряковъ. Аграрн. программа русск. соц.-демократовъ (1883—1917). Цѣна 1 руб. 50 коп.

Карлъ Каутскій. Карлъ Марксъ, и его историческ. значеніе. Цѣна 1 р. 5 к.

Демьянъ Бѣдный. Въ огненномъ кольцѣ. Цѣна 1 руб.

Его же. Земля обѣтованная. Цѣна 75 к.

Буровъ. Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти и отдѣл. церкви отъ государства. Цѣна 30 коп.

Карпинскій. Что такое Совѣтская власть, и какъ она строится. Цѣна 40 коп.

Всѣ заказы должны направляться только въ Центральный складъ издательства „Коммунистъ“: *Москва, Театральная площадь, 2-й домъ Совѣтовъ* (бывшій „Метрополь“). *Тел. 2-87-19.*

Для обслуживанія отдѣльныхъ областей имѣются отдѣленія въ Петроградѣ (Литейный пр., 48), Нижнемъ-Новгородѣ и Екатеринбургѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Всероссійск. Центральн. Исполнит. Комитета Совѣтовъ Раб., С., К. и К. Депутатовъ.

1.	Л. ТРОЦКІЙ.	Красная Армія	— р. 50 к.
2.	—	В. Ульяновъ (Н. Ленинъ). Краткая біографія	— „ 5 „
3.	Я. БУРОВЪ.	Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти	— „ 30 „
4.	М. ПАВЛОВИЧЪ.	Борьба за черный континентъ	2 „ — „
5.	М. ПАВЛОВИЧЪ.	Итоги міровой войны	2 „ 50 „
6.	М. ПАВЛОВИЧЪ.	Брестскій миръ и задачи экономич. возрожденія Россіи	2 „ — „
7.	—	Декреты и положенія по Красной Арміи	— „ 55 „
8.	В. ЛИБКНЕХТЪ.	Пауки и мухи	— „ 10 „
9.	В. КАРПИНСКІЙ.	Какъ тульскій мужикъ уму-разуму научился	— „ 50 „
10.	Е. ЯРОСЛАВСКІЙ.	Отецъ и сынъ. (Вильг. Либкнехтъ и К. Либкнехтъ)	— „ 10 „
11.	Е. ЯРОСЛАВСКІЙ.	Фридрихъ Энгельсъ и Карлъ Марксъ	— „ 10 „
12.	Г. ПЛЕХАНОВЪ.	Основные вопросы марксизма	1 „ 50 „
13.	Н. ЛЕНИНЪ.	Очередныя задачи совѣтской власти	— „ 50 „
14.	Н. ЛЕНИНЪ.	Борьба за хлѣбъ	— „ 50 „
15.	Г. ЗИНОВЬЕВЪ.	Контръ-революція, и задачи рабочихъ	— „ 25 „
16.	В. БЛОСЪ.	Исторія Великой французской революціи	4 „ 50 „
17.	А. АРНУ.	Народная исторія Парижской Коммуны	2 „ 50 „
18.	К. КАУТСКІЙ.	Экономическое ученіе К. Маркса	2 „ — „
19.	Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.	Происхожденіе семьи, частной собственности и государства	1 „ 20 „
20.	Е. ЯРОСЛАВСКІЙ.	Августъ Бебель	— „ 10 „
21.	Д. БѢДНЫЙ.	О попѣ Панкратѣ, теткѣ Домнѣ и явленной иконѣ въ Коломнѣ	1 „ — „
22.	Л. ТРОЦКІЙ.	Международное положеніе и Красная Армія	— „ 40 „
23.	Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.	Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ	— „ 50 „
24.	В. КАРПИНСКІЙ.	Въ походъ противъ царя-Голода	— „ 40 „
25.	В. КАРПИНСКІЙ.	Съ кѣмъ же вы, крестьяне	— „ 10 „
26.	Л. СОСНОВСКІЙ.	Весь хлѣбъ всему народу	— „ 40 „
27.	Г. УСТИНОВЪ.	Меньшевики, правые эсъ-эры и контръ-революція	— „ 40 „
28.	Н. ЛЕНИНЪ.	Очередныя задачи совѣтской власти. 2-е изданіе	— „ 50 „
29.	А. АРНУ.	Мертвецы Коммуны	— „ 10 „

ПЕЧАТАЮТСЯ:

30.	В. КЕРЖЕНЦЕВЪ.	Революціонная Ирландія	— „ — „
31.	Г. УСТИНОВЪ.	Крушеніе партіи лѣвыхъ эсъ-эровъ	— „ — „
32.	А. ДИКШТЕЙНЪ.	Кто чѣмъ живетъ	— „ — „
33.	Б. СВИДЕРСКІЙ.	Трудъ и капиталъ	— „ — „
34.	І. МАРХЛЕВСКІЙ.	Что такое политическая экономія	— „ — „
35.	П. ЛАФАРГЪ.	Патріотизмъ буржуазіи	— „ — „

Издательство Всер. Ц. И. К. Москва, Тверская, 11.

